

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

[НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

6

1974

<i>Х. М. Джеллахов.</i> 30-я годовщина Белградской операции	3
<i>Г. П. Мурашко.</i> Идеиное наследие Октября и некоторые вопросы национализации основных средств производства в Чехословакии в 1945 году	15
<i>В. А. Дьяков.</i> Об «эпохе национального возрождения» в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы	31
<i>Н. Богомолова.</i> Послевоенная поэзия Леопольда Стаффа	45
<i>Е. Львова.</i> В. Попович и Г. Данчов — мастера эпохи болгарского Возрождения	54
<i>В. П. Гудков.</i> Двухязычные словари русско-сербскохорватские, сербскохорватско-русские и перспективы их совершенствования	64

СООБЩЕНИЯ

<i>М. Ерещенко.</i> К вопросу о специфике монархо-фашистских режимов в Болгарии и Румынии накануне второй мировой войны	74

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. И. Черняевский.</i> Т. Колева, БКП и международного коммунистического движение (1919—1924)	84
<i>Игорь Бэлза.</i> «История Плоцка»	86
<i>А. С. Мильников.</i> Ценный вклад в историю мировой славистики	91
<i>Д. Прокофьева.</i> «Романтизм в славянских литературах»	92
<i>В. Мочалова.</i> Неизвестный памятник старопольской литературы	93

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре, языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1974 г. (продолжение)	96
Содержание иностранных журналов	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. Пилишек.</i> Тридцать лет народной Польши	104
<i>А. К.</i> Пятое пленарное заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	105
<i>Л. Б. Валева.</i> IV встреча Комиссии историков СССР и НРБ.	106
<i>Е. Л. Немировский.</i> Международная научная сессия, посвященная 500-летию польского книгопечатания	108
<i>А. В. Головачева.</i> Симпозиум по типологии балканских языков	109
<i>Л. Масленникова.</i> Сопещание по изучению польских говоров на территории СССР	114
<i>Р. Смирнова.</i> Защита диссертаций в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	114
Указатель статей и материалов опубликованных в журнале в 1974 г.	116

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69 Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

Х. М. ДЖЕЛАУХОВ

30-я ГОДОВЩИНА БЕЛГРАДСКОЙ ОПЕРАЦИИ

20 октября 1974 г. исполнилось тридцать лет со дня победоносного завершения Белградской операции — освобождения от немецко-фашистских захватчиков и их пособников столицы Югославии Белграда и ряда других городов и районов Сербии. Разгром крупной группировки противника на территории Сербии имел огромное значение для полного освобождения Югославии от гитлеровских оккупантов.

Приходу советского солдата на Балканы предшествовали победные операции Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. С севера на юг — по всему гигантскому фронту — один за другим в течение 1944 г. последовательно или одновременно наши войска наносили мощные удары по немецко-фашистским армиям. Враг был изгнан из пределов нашей Родины, и Советская Армия приступила к выполнению своей интернациональной миссии — начала освободительный поход и протянула руку помощи народам Европы, боровшимся против фашистских захватчиков.

Прологом освободительного похода Советской Армии и ее боевых действий на Балканах явилась победная Яско-Кишиневская операция, проведенная войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с частью сил Черноморского военно-морского флота. Разгром крупной Кишиневской группировки в августе 1944 г. привел к дальнейшему распаду гитлеровской коалиции, выходу из войны Румынии и объявлению ею войны фашистской Германии, дальнейшему развертыванию освободительной борьбы народов Югославии, Болгарии, Албании, Греции против германского фашизма и внутренних реакционных сил. В результате победы Советской Армии в начале осени 1944 г. были освобождены Болгария и Румыния. К этому времени советские войска уже вступили на территорию Польши и Чехословакии.

В последних числах сентября 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов (командующие фронтами маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин) вышли к северо-восточным и восточным границам Югославии в Румынии и Болгарии и после короткой подготовки приступили к осуществлению Белградской операции. Вместе с советскими войсками в ней принимали активное участие корпуса и дивизии Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и югославские партизаны. На самом южном крыле нашего стратегического фронта в направлении Пирот — Ниш включилась в борьбу против немецко-фашистских войск 2-я болгарская армия Отечественного фронта и другие болгарские войска.

Следует подчеркнуть, что народы Югославии под руководством своей Коммунистической партии вели активную борьбу с фашизмом в течение

всех лет оккупации. В летних боях 1944 г. Народно-освободительная армия Югославии еще более закалилась. К тому времени она значительно увеличилась численно и наносила все более мощные удары оккупантам и их пособникам. К сентябрю 1944 г. численность НОАЮ составляла около 400 тыс. человек (более 50 дивизий, 2 оперативные группы по 2 бригады в каждой, 16 отдельных бригад, до 130 партизанских отрядов)¹. К 1944 г. в стране окончательно сложились и укрепились революционные органы народной власти (народно-освободительные комитеты, Антифашистское вече народного освобождения Югославии и Национальный комитет освобождения Югославии).

Важным обстоятельством, способствовавшим успешному развитию Белградской операции, явился прорыв крупных соединений Народно-освободительной армии Югославии в Западную Сербию и Шумадию и их выдвижение для встречи с войсками 3-го Украинского фронта (1-я армейская группа под командованием генерал-подполковника Пеко Дапчевича), а также действия на юге и востоке Сербии 13-го и 14-го корпусов НОАЮ. При проведении Белградской операции силы НОАЮ тесно взаимодействовали с войсками 3-го Украинского фронта.

В ударную группировку 3-го Украинского фронта, осуществлявшую операцию, входили 57-я армия (командующий генерал-лейтенант Н. А. Гаген, член Военного Совета генерал-майор Л. П. Бочаров, начальник штаба генерал-майор П. М. Верховлович) в составе 75-го, 64-го и 68-го стрелковых корпусов и 5-й отдельной мотострелковой бригады; 4-й гвардейский механизированный корпус фронтового подчинения (командир генерал-лейтенант В. И. Жданов), а также 17-я воздушная армия (командующий генерал-полковник авиации В. А. Судец) и Дунайская военная флотилия (командующий вице-адмирал С. Г. Горшков). Кроме того, в резерве фронта была 236-я стрелковая дивизия. Всего для проведения операции выделялось: десять стрелковых дивизий, одна мотострелковая бригада, один укрепленный район, один механизированный корпус; войска имели 2200 орудий и минометов, 149 реактивных установок, 358 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1292 самолета, около 80 кораблей — в основном бронекатеров².

¶ Перед началом совместных действий в Белградской операции соединения Народно-освободительной армии в Сербии располагались тремя отдельными группами, а именно: 1-я армейская группа сосредоточилась в Западной Сербии и Шумадии; 14-й корпус (командир — полковник Радивой Йованович, комиссар — Рая Неделькович) действовал в северо-восточной части Сербии в тылу вражеских войск и на коммуникациях, ведущих из долины р. Тимок к долине р. Велика Морава; 13-й корпус (командир — полковник Любо Вучкович, комиссар — полковник Смаевич) оперировал в Южной Сербии, а также прикрывал долину реки Южная Морава с направления Скопле. В Южной Сербии действовали также дивизионные боевые группы (2-я Пролетарская дивизия и 37-я дивизия 2-го корпуса НОАЮ)³.

В полосе наступления войск 3-го Украинского фронта в восточной части Югославии оборонялась армейская группа «Сербия», в составе которой имелось в общей сложности до 500 орудий и минометов, около 40 танков и штурмовых орудий. Наиболее сильно укреплялись узлы дорог Неготин, Кобишница, Штубик, Заечар, Рготина. Горный район, ограниченная сеть дорог, которые обычно сходились к определенным населенным

¹ См. «История Великой Отечественной войны», т. 4. М., стр. 416.

² Там же, стр. 422.

³ «Белградская операция». М., 1964, стр. 129.

пунктам-узлам, способствовали противнику в создании прочной обороны ограниченными силами.

В соответствии с замыслом операции командующего 3-го Украинского фронта предусматривалось нанесение главного удара из района Радуевац, Раковица, Видин в общем направлении на Жагубица, Велика Плана, Белград и вспомогательного удара (южнее) — на Заечар, Крушевац, Кралево. Необходимо было первоначально разгромить группировку противника в приграничных районах Югославии, захватить проходы через Восточно-Сербские горы и плацдармы на р. Морава, чтобы обеспечить бросок подвижных войск (мехкорпуса и мотострелковой бригады) на Белград. Одновременно войска 57-й армии должны были обеспечить действия главной группировки, оградить её от возможных ударов противника с юга, — овладеть районом Крушевац и Крагуевац. Указанная задача наряду с действиями 57-й армии решалась также силами 2-й болгарской армии и частями НОАЮ (1-я армейская группа, 13-й и 14-й корпуса).

Следует подчеркнуть, что гитлеровское командование в Югославии ожидало подхода войск 3-го Украинского фронта не ранее 10—11 октября и принимало все меры к подтягиванию дополнительных сил, созданию глубокоэшелонированной обороны, а также ликвидации плацдарма на западном берегу Дуная в районе румынского города Турну-Северин, захваченного уже силами 75-го стрелкового корпуса (генерал-майор А. З. Акименко). Однако расчеты противника не оправдались. Наступление наших войск началось уже 28 сентября.

В оперативно-стратегическом плане в основе общего замысла Белградской операции лежала идея разгрома крупной группировки противника в приграничном районе Югославии, примыкающем к территории Румынии и Болгарии, в районе Восточно-Сербских гор, в долинах рек Велика Морава, Южная и Западная Морава и создание благоприятных условий для активных действий подвижных войск на белградском направлении.

Как уже было сказано ранее, операция осуществлялась объединенными усилиями союзных армий: советской, югославской и болгарской.

В соответствии с планом, Белградская операция слагалась из двух этапов. В ходе первого этапа предусматривался разгром вражеских сил в восточных и северо-восточных районах Сербии согласованными действиями войск 3-го Украинского фронта (57-й армии, 4-го мехкорпуса, 17-й воздушной армии), Дунайской военной флотилии; 14-го и 13-го корпусов НОАЮ и 2-й болгарской армии. Главный удар наносился в направлении Жагубица, Велика Плана с преодолением Восточно-Сербских гор, форсированием реки Велика Морава и захватом переправ и плацдармов на ней.

На втором этапе операции ударная группа 3-го Украинского фронта, сомкнувшись с ударной группой НОАЮ, должна была повернуть на северо-запад через Тополу и Младеновац с целью штурма и освобождения столицы Югославии — города Белграда ударом с юго-востока, юга и юго-запада; удару войск 3-го Украинского фронта с северо-востока содействовала часть сил 10-го гвардейского стрелкового корпуса 46-й армии 2-го Украинского фронта, наступавшего в Южном Банате по левому берегу Дуная.

Рассматривая кратко условия подготовки и проведения Белградской операции, следует подчеркнуть ее следующие особенности.

В военно-политическом отношении она явилась решающей операцией по разгрому и изгнанию врага не только из восточных областей Югославии, но и со всего Балканского полуострова, так как противник, спасая свои войска от разгрома или пленения, вынужден был в срочном порядке выводить их из Греции, южных районов Югославии и Албании.

В стратегическом отношении особенностью Белградской операции явилось объединение усилий трех союзных армий для решения единой задачи по единому замыслу и плану. При этом восточная группировка сил, состоявшая в основном из войск 3-го Украинского фронта, 14-го корпуса НОАЮ и болгарских войск, наступала на запад и северо-запад; вторая группа, состоявшая из соединений НОАЮ (1-я армейская группа, 13-й корпус и др.), югославских партизанских отрядов и групп, действовала в восточном и северо-восточном направлениях — навстречу ударной группировке 3-го Украинского фронта. Тем самым противник был поставлен в тяжелые условия: он был с двух сторон зажат в тиски и вынужден вести борьбу с перевернутым фронтом — на восток и запад одновременно; были нарушены его тылы, перехвачены главные коммуникации вывода войск из Греции и южной части Югославии на Белград.

В оперативном отношении особенностью Белградской операции на втором ее этапе является расчленение группировки наступающих сил 3-го Украинского фронта и борьба их в двух крупных оперативных очагах: главным (в районе Белграда) и вспомогательном (в районе Крагуеваца и южнее.)

Такое расчленение усилий на два удаленных друг от друга района на 100 и более километров при одновременной борьбе с окруженной группировкой противника в горных районах юго-восточнее Белграда безусловно усложняло управление силами, требовало четкого согласования действий в интересах обеспечения главного, т. е. освобождения Белграда. Но как показал ход операции, расчленение сил на двух противоположных направлениях не привело к нарушению управления; руководство фронтом целеустремленно использовало имеющиеся силы и средства, победоносно завершило операцию, осуществляя четкое управление и взаимодействие как между союзными войсками, так и между действиями разнородных видов войск.

После такого общего обзора создавшейся обстановки в восточной части Югославии, краткого разбора оперативного замысла и особенностей, вытекающих из условий его осуществления, позволю себе перейти к показу роли и места 68-го стрелкового корпуса в рамках Белградской операции.

68-й стрелковый корпус (командир — генерал-майор Н. Н. Шкодунович)⁴ входил в состав 57-й армии 3-го Украинского фронта.

После завершения Яско-Кишиневской операции корпус совершил переход из Молдавии через Добруджу и северные районы Болгарии и к 26—27 сентября стал сосредотачиваться в районе Видина, Брегово на болгаро-югославской границе.

К этому времени передний край обороны противника проходил от Брза-Паланки до южной окраины Радуеваца, по правому берегу Дуная, затем по западному берегу рек Тимок и Бели Тимок до Княжеваца.

Соединения корпуса не успели еще полностью сосредоточиться, как уже поступил приказ перейти в наступление. Поэтому в ночь на 28 сентября 1944 г. 113-я стрелковая дивизия и один полк 93-й стрелковой дивизии нашего корпуса перешли в наступление, форсировали приграничную реку Тимок и во взаимодействии с десантом и кораблями Дунайской

⁴ Н. Н. Шкодунович после окончания Великой Отечественной войны трудился на военно-педагогическом поприще в военных академиях Генерального штаба и имени М. В. Фрунзе. Последние годы занимал должность заместителя начальника Военной академии им. Фрунзе. Трагически погиб 19 октября 1964 г. при авиационной катастрофе в районе горы Авала, южнее Белграда (в составе военной делегации, следовавшей на празднование 20-й годовщины освобождения Белграда).

Автор этих строк во время Белградской операции занимал должность начальника штаба 68-го корпуса.

военной флотилии к исходу 30 сентября после упорных боев овладели важным узлом дорог и узлом обороны противника — городом Неготин.

В результате комбинированного и согласованного удара по группировке противника в северо-восточной приграничной части Югославии силами 75-го стрелкового корпуса — с севера, 68-го стрелкового корпуса — с юга, действиями кораблей и десанта Дунайской военной флотилии — с востока, частей 14-го корпуса НОАЮ (силами 9-й бригады 23-й ударной дивизии) — с северо-запада, группировка противника в районе Неготин была разгромлена, и под угрозой полного уничтожения противник вынужден был отвести свои части на запад.

После овладения Неготином открывалась возможность развития наступления на Бор, Жагубица — к перевалам Восточно-Сербских гор. При этом 68-й стрелковый корпус установил контакты и организовал взаимодействие с 14-м корпусом НОАЮ. Первыми из частей НОАЮ, с которыми соединения 68-го стрелкового корпуса встретились и начали совместные действия, были части 23-й ударной дивизии 14-го корпуса (командир 23-й ударной дивизии — подполковник Миладин Иванович).

113-й стрелковой дивизии нашего корпуса принадлежит честь первой из состава 57-й армии вступить на землю братской Югославии; воины славной 113-й дивизии, сформированной в Москве на базе 5-й ополченской дивизии Фрунзенского района в июле 1941 г., впервые встретились в Кобишнице с югославским населением. Встреча была восторженной, дружеской, искренней.

Волнующий эпизод произошел на окраине только что освобожденного Неготина. Колонну советских пехотинцев встретили жители города, командиру преподнесли хлеб-соль, как выражение любви и дружбы к воинам Советской Армии; буквально утопая в цветах, разбрасываемых жителями, советские воины вошли в украшенный красными флагами город. Каждый человек стремился угостить советских воинов фруктами, пригласить к себе в дом.

В боях за Неготин отличился пулеметный расчет из 93-й стрелковой дивизии в составе младшего сержанта Кулько, рядовых Щеголя и Хилько. В разгар боя расчет подвергся минометному обстрелу врага. Рядовой Щеголь был тяжело ранен, сержант Кулько засыпан землей, а пулемет поврежден. В это время противник предпринял очередную контратаку. Однако Кулько, придя в себя, быстро исправил пулемет и открыл огонь. Отважные пулеметчики уничтожили около 65 гитлеровцев и отбили контратаку.

Тем временем 223-я стрелковая дивизия 68-го корпуса, наступавшая на левом фланге, получила задачу очистить от противника узлы дорог Рготина, Слатина, перехватить дороги, идущие с юга от Заечара, и воспрепятствовать подходу резервов противника в район Неготина.

Утром 2 октября части 75-го и 68-го стрелковых корпусов возобновили наступление. Преодолевая упорное огневое сопротивление и отбивая яростные контратаки противника, они успешно продвигались в юго-западном направлении и в районе Штубика, Клокочеваца и Рготины установили более тесное боевое взаимодействие с частями 23-й и 25-й ударных дивизий 14-го корпуса НОАЮ. За период с 28 сентября по 4 октября 1944 г. соединения 68-го стрелкового корпуса и 23-я ударная дивизия НОАЮ продвинулись на глубину до 40 км, имея на левом фланге в полосе 64-го стрелкового корпуса окруженную группировку противника в Заечаре. С овладением узлами дорог Неготином и Рготинной обеспечивалась задача выхода соединений 68-го корпуса и других войск 57-й армии в долину реки Морава. При этом главные события первого этапа Белградской операции уже ясно обозначились в полосе действий 68-го стрелкового

корпуса. Поэтому в последующие дни соединения 68-го стрелкового корпуса (93-я стрелковая дивизия — командир полковник С. В. Салычев — и 113-я стрелковая дивизия — командир полковник Л. Ш. Мухамедьяров) получили задачу развить успех в направлении на Жагубица, Велика Плана. На всем пути наступления 68-го стрелкового корпуса через Восточно-Сербские горы по маршруту Бор, Жагубица, Велика Плана противник оказывал сопротивление в выгодных для обороны местах. В ходе тяжелых боев соединения 68-го корпуса продвинулись на 130 км и к 10 октября вышли на реку Велика Морава. Тесно взаимодействуя с 14-м корпусом НОАЮ, соединения 68-го и 75-го стрелковых корпусов окружили в большой излучине Дуная и уничтожили значительные силы вражеской группировки.

223-я стрелковая дивизия нашего корпуса (командир — полковник А. Г. Сагитов) наступала на отдельном направлении южнее основного маршрута — на Чуприю — и почти одновременно с главными силами корпуса вышла в Моравскую долину.

Будучи отброшен к северу от дороги Жагубица, Велика Плана, противник пытался помешать успешному продвижению войск 57-й армии на направлении главного удара. В связи с этим на маршруте через определенные промежутки, особенно на стыках дорог и выходах из гор на основное шоссе, выделялись довольно сильные группы охранения со средствами борьбы против танков. Это было необходимо для обеспечения беспрепятственного продвижения как частей корпуса, так и вводимой в прорыв 5-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады и подвижной группы 3-го Украинского фронта — 4-го мехкорпуса.

В успешном наступлении 68-го корпуса большую роль сыграли активные действия 93-й стрелковой дивизии, которая уже 6 октября достигла Жагубицы, а на следующий день ее передовой отряд вышел в районе Ждрело в Моравскую долину.

После выхода в Моравскую долину части 5-й отдельной мотострелковой бригады и части 113-й стрелковой дивизии развили успешное наступление прямо на запад. 8 октября они заняли Свилайнац, а утром 10 октября форсировали реку Велика Морава по захваченному мосту и овладели плацдармом в районе Марковац, Лапово (10—15 км южнее Великой Планы).

Передовой отряд 93-й стрелковой дивизии совместно с 53-м мотоциклетным полком, приданным 4-м мехкорпусу, утром 10 октября вышел к реке Велика Морава в районе местечка Донья Ливадица. Здесь нашим бойцам удалось захватить мост, подготовленный противником к взрыву. Взрыв моста предотвратил полковой инженер 266-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии старший лейтенант И. П. Лысков с небольшой группой воинов-саперов (старший сержант Каменюк, младший сержант Поруженко, рядовые Леновецкий, Криморенко и др.).

После короткого, но жаркого боя части 93-й стрелковой дивизии с частью сил 5-й отдельной мотострелковой бригады овладели важным узлом шоссе и железных дорог Велика Плана.

223-я стрелковая дивизия, действовавшая южнее на самостоятельном маршруте, к этому времени вышла в район Сенье (10 км северо-восточнее Чуприи).

Разгром основных сил врага в полосе наступления 57-й армии и занятие плацдармов на западном берегу реки Велика Морава, особенно в районе Великой Планы, силами 68-го корпуса создала благоприятные условия для ввода в сражение 4-го гвардейского механизированного корпуса (командир — генерал-лейтенант танковых войск Герой Советского Союза В. И. Жданов), который за 7—8 дней совершил марш более 500 км

в район Видина, а затем переход по трудным горным дорогам и к 10 октября вышел в Моравскую долину.

Выходом частей 57-й армии и 14-го корпуса НОАЮ на реку Велика Морава завершился первый период Белградской операции, период ожесточенных боев за освобождение Восточной Сербии. В этих боях советские и югославские воины проявили массовый героизм, мужество, отвагу, безграничное стремление разгромить жестокого врага.

Как видно из изложенного выше, на долю 68-го стрелкового корпуса на первом этапе Белградской операции выпала довольно ответственная роль. С самого начала операции соединения корпуса прорвали оборону противника и разгромили его войска в северо-восточной части Югославии, пробившись через Восточно-Сербские горы, вышли широким фронтом в Моравскую долину, открыли пути для выдвигания и ввода в сражение подвижных войск 57-й армии и других соединений 3-го Украинского фронта — 5-й отдельной мотострелковой бригады и 4-го механизированного корпуса, предназначенных для развития успеха. Основные направления выдвигания 4-го мехкорпуса — дорога Бор, Жагубица, Велика Плана — были очищены от противника; в меру наших возможностей дорога приводилась в порядок, а части корпуса освободили ее для беспрепятственного броска 4-го мехкорпуса на запад. При этом дорога с севера и юга силами 68-го корпуса ограждалась от возможных ударов противника. Мы далеки от мысли присваивать себе полностью заслугу прорыва обороны противника и выхода в Моравскую долину, так как все это осуществлялось во взаимодействии с дивизиями 14-го корпуса НОАЮ, частями 75-го и 64-го стрелковых корпусов нашей 57-й армии, 17-й воздушной армии, передовых и разведывательных частей 4-го мехкорпуса и 5-й мотострелковой бригады, а также при содействии войск НОАЮ и югославских партизан. Но одно бесспорно: 68-му стрелковому корпусу как ударной силе 57-й армии принадлежит несомненная заслуга в решении указанной выше важной задачи. Это во-первых.

Во-вторых, 68-му корпусу принадлежит бесспорное первенство в захвате переправ через реку Велика Морава у Д. Ливадицы и Свилайнаца, овладение плацдармами на западном берегу реки в районах Велика Плана, Марковац и Лапово и создание благоприятных условий для переправы 4-го мехкорпуса на западный берег реки Велика Морава и сосредоточения его сил для броска на Белград.

Этим, однако, не ограничиваются активные действия соединений 68-го корпуса и его роль в Белградской операции.

Особенно трудные условия ведения боевых действий выпали на долю 223-й стрелковой дивизии, после того, как она прошла Жагубицу, Крепольин, круто свернула на юг, юго-запад и вышла в район Деспотовац, Сенье (северо-восточнее Чуприи), ограждая корпус от возможных ударов противника с юга со стороны Крушеваца. Дивизия сумела, несмотря на бурный паводок после обильных дождей в горах, форсировать реку Велику Мораву на участке Паневац, Чуприя и захватить плацдарм на ее западном берегу.

Выход трех дивизий 68-го стрелкового корпуса (93-й, 113-й и 223-й), на широком, почти 60-километровом фронте, на реку Велика Морава, форсирование ее на трех обособленных направлениях привели к распылению и ослаблению сил противника, ввели его в заблуждение относительно направления главного удара сил 57-й армии.

В ходе операции возникли известные трудности и в вопросах управления. Растяжка колонн при проходе через Восточно-Сербские горы, выход в Моравскую долину и форсирование реки на широком фронте безусловно усложнили работу штаба корпуса. Кроме своих, у нас появились

еще заботы в связи с пропуском вперед 4-го мехкорпуса, так как штабы бригад и штаб мехкорпуса пользовались системой связи нашей 93-й дивизии и штаба корпуса. Обеспечение взаимодействия с дивизиями 14-го корпуса НОАЮ также прибавляло нам забот. Но это были приятные заботы, так как все шло хорошо, операция развивалась довольно успешно (если не считать сильного сопротивления противника в Заечаре и в некоторых других пунктах). Офицеры штаба 68-го стрелкового корпуса, связисты (радисты) корпусного батальона связи и дивизионные связисты трудились на совесть и обеспечивали четкую связь.

С выходом в район Великой Планы две дивизии 68-го стрелкового корпуса (93-я и 113-я) провели наступление на юг и совместно с 17-й дивизией НОАЮ развили наступление на Крагуевац, а 223-я стрелковая дивизия наступала на Ягодину (ныне Светозарево), обеспечивая с юга ударную группировку фронта, действовавшую на Белградском направлении. Ударная группировка фронта в составе одной дивизии 68-го стрелкового корпуса (73-й гвардейской — командир генерал-майор С. А. Козак), 4-го гвардейского механизированного корпуса, 5-й отдельной мотострелковой бригады и 236-й стрелковой дивизии повернула на северо-запад и, наступая по двум маршрутам: Велика Плана, Младеновац, Белград и Велика Плана, Смедерово, Белград, приступила к осуществлению второго этапа Белградской операции. Вполне естественно, что ударной силой на белградском направлении явился 4-й гвардейский механизированный корпус.

К середине октября 1944 г. противник, видимо, еще не считал все проигранным и потерянным. Поэтому он отчаянно сопротивлялся и удерживал важные узлы дорог до последней возможности. К таким особо важным пунктам следует отнести город Крагуевац — крупнейший узел железных и шоссе дорог. Сохранение этого пункта в руках немецко-фашистских войск создавало угрозу фланговых ударов по главной группировке 3-го Украинского фронта, проводившей Белградскую операцию, и в какой-то мере затрудняло взаимодействие центра фронта с левофланговыми войсками (64-м стрелковым корпусом, 2-й болгарской армией).

Но самое главное, сохранением Крагуеваца в своих руках немецко-фашистское командование обеспечивало свои коммуникации, ведущие с юга на Валево и Шабац, что в создавшихся условиях для противника было жизненно важным.

В связи с этим противник, ведя ожесточенную борьбу против югославских частей, бросил для обороны Крагуеваца части 297-й, 117-й, 181-й пехотных дивизий, ряд морских подразделений, а также части 7-й горнострелковой дивизии СС. Город был подготовлен к длительной обороне. К тому же оккупанты располагали находившимися в нем крупными складами, предназначенными для снабжения отходившей с юга немецкой группы армий «Е».

Однако общая оперативная обстановка была не в пользу противника. На юге соединения 64-го стрелкового корпуса 57-й армии и части 2-й Пролетарской дивизии НОАЮ после овладения Крушевацем развивали успех на Кралево, заходя крагуевацкой группировке противника в тыл с юга.

Бои за Крагуевац начали еще 14 октября подошедшие сюда передовые части 93-й и 113-й стрелковых дивизий 68-го корпуса и 17-й Восточно-Боснийской ударной дивизии 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ (командир дивизии — полковник Григорий Мандич).

В последующие дни в результате наступления советских и югославских войск, их четкого взаимодействия группировка в Крагуеваце постепенно окружалась. Вечером 17 октября 3-й батальон 51-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта

Кожеченкова и части 6-й Пролетарской бригады 17-й дивизии НОАЮ выходом в район высот южнее города завершили его полное окружение.

Утром 20 октября воины-побратимы — советские и югославские бойцы начали штурм Крагуеваца. Бои в городе протекали в тяжелых условиях. Чуть ли не каждый дом, каждую улицу, квартал приходилось брать с боем.

В 8 часов утра 21 октября Крагуевац был полностью освобожден. Вот краткая сводка потерь противника в боях за город (19—21 октября 1944 г.)⁵

Уничтожено солдат и офицеров — более 3700, взято в плен 570 человек; захвачено пулеметов — 140, орудий и минометов — 500 стволов, винтовок — до 3000, автомашин — 280, бронетранспортеров — 20, самолетов — 6, радиостанций — 20, лошадей — более 500, повозок — 700, походных кухонь — 50, кроме того, захвачены склады с боеприпасами, продовольствием и военным имуществом. Все захваченное оружие было передано нашим югославским друзьям; честно и по-братски мы разделили также продовольствие и разнообразное военное имущество.

Не лишне здесь вспомнить и об одном эпизоде в ходе Белградской операции, подтверждающем боевую дружбу и тесную связь между советскими и югославскими частями и партизанскими отрядами.

В разгар боев на подступах к Белграду и Крагуевацу (около 17.00 15 октября) в штаб 68-го корпуса пришло сообщение от одного партизанского отряда (штаб 68-го корпуса был развернут в Великой Планае), что большая группа немецких войск в количестве не менее 3—4 тыс. человек на машинах и в пешем строю, имея в голове три или четыре танка, движется с севера на Велику Плану и в данное время находится на подходе к местечку Велико Орашье (в 3—4 км севернее Великой Планае). Очевидно, это была часть группировки противника, попавшей в окружение в горном районе юго-восточнее Пожареваца и пытавшейся пробиться на юг к своим войскам через Велику Плану.

Скорее та же партизанская разведка еще раз подтвердила эти сведения.

Как уже указывалось, дивизии корпуса вели боевые действия на широком фронте, почти веерообразно: одна дивизия — под Белградом, две — под Крагуевацем и еще одна (223-я) в районе Ягодины. Никаких резервов у штаба корпуса не было. Командир корпуса генерал Н. Н. Шкодунович с оперативной группой штаба корпуса находился на передовом командном пункте в районе Младеноваца.

В создавшихся условиях были приняты следующие решения:

Во-первых, на северную окраину Великой Планае выдвинуть югославскую партизанскую роту, а также трофейную роту 57-й армии, которую передал мне для боевого использования заместитель командующего 57-й армии генерал Т. Т. Кобзарь, находившийся в то время в Великой Планае.

Во-вторых, временно задержать выдвигавшиеся в сторону Белграда один противотанковый артиллерийский полк и один танк 4-го мехкорпуса, возвращавшийся в свою часть после ремонта; командиры орудий и танка также получили задачу занять оборону на северной окраине Великой Планае.

В-третьих, поставить в известность войска о возможной угрозе с тыла; все отделы и службы управления корпуса были собраны на южной окраине Великой Планае с тем, чтобы быстро переместиться на юг, если возникнет угроза; была также усилена непосредственная оборона штаба собственными силами.

⁵ Данные из личного архива автора.

Благодаря принятым мерам, главным образом огневым ударам артиллерии и танка, неорганизованная колонна войск противника была рассеяна, повернула на северо-запад; в последующие дни такие группы уничтожались или брались в плен как югославскими, так и нашими частями.

После 4—5 часов беспокойства и нервного напряжения угроза была ликвидирована.

Этот небольшой боевой эпизод наглядно показал, что у наших друзей — югославских партизан — имелась четко организованная служба информации и связи, а также хорошо поставленная разведка. Не будь этого, противнику, возможно, удалось бы прорваться на избранном им направлении и причинить нам немало бед.

После этого случая установился совершенно твердый порядок как в штабе 68-го корпуса, так и в подчиненных штабах — всегда искать связи с гарнизонами и частями НОАЮ, а также с югославскими партизанскими группами и отрядами, поддерживать друг с другом деловой контакт, регулярно информировать об обстановке. В ряде случаев мы обменивались офицерами связи: посылали своих офицеров с радиостанциями к югославским друзьям, а они присылали своих к нам.

После освобождения Крагуеваца и Ягодины, т. е. после 21 октября 1944 г., соединения 68-го корпуса продолжили наступление в горных районах южнее и юго-западнее Крагуеваца. Во взаимодействии с той же 17-й дивизией НОАЮ наши дивизии вышли на реку Южная Морава на участке Пожега, Чачак, Кралево (на фронте до 100 км).

Таким образом, поворот главных сил 68-го стрелкового корпуса, после выхода на реку Велика Морава, с западного и северо-западного направления на юго-запад, овладение узлами дорог Крагуевац и Ягодина, последующее развитие наступления на Чачак и Кралево явились третьим важнейшим фактором, определившим место и роль корпуса в Белградской операции. Этот поворот имел целью оградить главную ударную группировку советских и югославских войск, наступавших непосредственно на Белград, от возможных ударов противника с юга.

Рассмотрим теперь кратко обстановку на направлении главного удара, т. е. на Белградском направлении.

В период 14—20 октября советские и югославские войска вели тяжелые бои на подступах к Белграду — в районе горы Авала и в самом городе. Штурм города обеспечивали артиллерия и авиация 3-го Украинского фронта, а также корабельная артиллерия Дунайской военной флотилии.

Противник заранее подготовил город к обороне, во многих местах были установлены железобетонные укрытия и огневые точки, к обороне приспособлены прочные каменные дома и заборы, подступы к которым были заминированы. Гарнизон насчитывал первоначально свыше 20 тыс. человек, 40 танков и около 170 орудий и минометов, его численность увеличивалась за счет подходящих групп противника. Но уже ничто не могло спасти врага от поражения. В течение семи суток советские и югославские части в упорной борьбе шаг за шагом очищали город от врага.

Для захвата центральной телеграфно-телефонной станции была создана специальная группа добровольцев в составе 15 коммунистов и комсомольцев из 42-й истребительно-противотанковой бригады. Штурмовая группа под командованием лейтенанта медицинской службы Н. Н. Кравцова, преодолевая огонь и упорное сопротивление противника, продвигалась к зданию телеграфа. Продвижению мешал огонь из дота, находившегося на углу королевского дворца. Лейтенант Кравцов приказал бойцам открыть автоматный огонь по амбразурам дота, а сам подполз к нему и с возгласом: «За Родину, за свободную Югославию — вперед!» — бро-

сил в амбразуру две гранаты. Вражеский дот умолк, но последняя пулеметная очередь сразила отважного советского лейтенанта.

Воодушевленные подвигом своего командира, бойцы штурмовой группы ворвались в здание телеграфа и уничтожили 25 фашистов и 17 взяли в плен. Лейтенанту Н. Н. Кравцову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза⁶.

Значительную помощь в уничтожении противника на северо-восточных и юго-восточных подступах к Белграду войскам ударной группировки оказала 109-я гвардейская стрелковая дивизия 46-й армии 2-го Украинского фронта.

В одном из боев отличился помощник командира взвода 3-го стрелкового батальона 309-го гвардейского стрелкового полка дивизии старший сержант И. Д. Адаменко.

Превосходивший в силах противник в районе села Винча (5—6 км юго-восточнее Белграда) окружил роту, в составе которой со своим взводом находился и старший сержант Адаменко. После гибели командира командование взводом взял на себя Адаменко. Он первым повел взвод на прорыв кольца окружения. Продвижению вперед мешали два пулемета. Адаменко подполз к вражеским пулеметам и гранатой уничтожил один из них, но и сам был смертельно ранен. Поднявшаяся рота атаковала врага, прорвала фронт окружения и отошла к главным силам полка. За мужество и самоотверженные действия в бою старшему сержанту И. Д. Адаменко было присвоено звание Героя Советского Союза⁷.

К исходу 20 октября 1944 г. совместными усилиями войск Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии Белград был полностью очищен от врага.

Столица нашей Родины Москва салютовала доблестным освободителям столицы Югославии — Белграда 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 июня 1945 г. была учреждена медаль «За освобождение Белграда», которой награждались все участники Белградской операции.

68-й стрелковый корпус, корпусный батальон связи и 223-я стрелковая дивизия; 15-я гвардейская мехбригада, 38-й гвардейский танковый полк и 1512-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк 4-го гвардейского мехкорпуса получили почетное наименование «Белградские». Более 2000 солдат и офицеров были награждены югославскими орденами и медалями, четырем советским командирам было присвоено звание Народного Героя Югославии. В их числе — командир 4-го гвардейского мехкорпуса генерал-лейтенант танковых войск В. И. Жданов, командир 73-й гвардейской стрелковой дивизии, генерал-майор С. А. Козак, командир 10-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии, генерал-майор А. Н. Витрук, командир бригады траления Дунайской военной флотилии, капитан второго ранга Г. Н. Охрименко. За мужество и храбрость, проявленные в боях за освобождение Белграда, Советское правительство наградило орденами и медалями большое число воинов 3-го Украинского фронта и 300 воинов Народно-освободительной армии Югославии.

Совместно пролитая кровь воинов двух братских армий еще больше скрепила их боевую дружбу. Они продолжали сражаться в одном боевом строю до полного разгрома фашистских захватчиков.

С тех пор прошло 30 лет. Давно отгремели залпы орудий на полях и горных перевалах, в городах и селах братской Югославии. Но в памяти

⁶ «Белградская операция», стр. 234.

⁷ Там же, стр. 246.

встают события и встречи тех дней, боевая дружба и совместная борьба советских и югославских воинов с ненавистным врагом.

После боев на Южной Мораве, после овладения Кралево, соединения 68-го стрелкового корпуса в ночь на 30 ноября 1944 г. перебрасываются на север, в междуречье Дуная и Савы, юго-западнее города Нови-Сад, — на Илок-Вуковарское направление, где проводят наступательную операцию в тесном взаимодействии с войсками 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ и Дунайской военной флотилией.

С дивизиями 1-го Пролетарского корпуса нам довелось взаимодействовать почти все время после выхода нашего корпуса на реку Морава. Особенно тесные отношения и боевая дружба между нашими корпусами установилась в период боев после освобождения Белграда.

Хотелось здесь сказать несколько добрых слов о двух руководителях, двух генералах — командирах корпусов 68-го стрелкового Белградского — Николае Николаевиче Шкодуновиче и 1-го Пролетарского — Пеко Дапчевиче.

Участник гражданской войны и Великой Отечественной наш генерал Н. Н. Шкодунович и молодой, обладавший пылкой натурой, генерал Пеко Дапчевич — участник боев в защиту республики в Испании и освободительных боев с немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками у себя на родине — крепко подружились. Укреплению этой боевой дружбы способствовали и частые встречи, и личные симпатии.

Товарищ Пеко Дапчевич овладевал мудрой и сложной наукой побеждать врага, интересовался основами советского военного искусства. Он всегда внимательно прислушивался к мнению старшего по возрасту Н. Н. Шкодуновича.

Товарищ Пеко требовал от своих офицеров поддерживать самую тесную связь с нашими батальонами, полками и дивизиями; офицеры штаба Пролетарского корпуса были нашими постоянными гостями, собственно, не гостями, а участниками разработки различных боевых документов, планов боя, взаимодействия, организации связи и т. п. Они учились также методу управления войсками, ведению телефонных разговоров с использованием кодированных карт и переговорных таблиц. Например, нами были совместно разработаны планы прорыва обороны противника на рубеже Илок — Мартинци, планы высадки десантов, планы взаимодействия и другие. Эти документы подписывались двумя начальниками штабов и утверждались обоими командирами корпусов.

Мы, советские офицеры, с радостью делились знаниями и опытом боевой работы со своими боевыми друзьями.

Героическая борьба народов Советского Союза и Югославии, а также других народов, боровшихся против фашизма за свою свободу и независимость, носила глубоко интернациональный характер. Это была борьба сил прогресса и мира против сил реакции и войны.

Советский народ выполнил свой интернациональный долг, сыграл решающую роль в разгроме немецко-фашистских войск.

И сегодня Советские Вооруженные Силы в содружестве с армиями других социалистических стран стоят на страже мира и неприкосновенности своих границ, строительства социалистического и коммунистического общества.

Г. П. МУРАШКО

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ОКТЯБРЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1945 ГОДУ

Социально-экономические преобразования, осуществляемые пролетариатом и его союзниками в период социалистической революции, уже длительное время являются объектом внимания исследователей. Историки и экономисты все чаще обращаются к сравнительному изучению опыта Октябрьской революции в России и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, стремясь обобщить закономерности развития революционного процесса в этих странах, выявить его общие и специфические черты.

В ходе революций 40-х годов более полное и завершенное развитие получили те формы и методы вытеснения буржуазии из сферы производства, которые в 1917 г. в России в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую были лишь намечены как тенденция, как одна из возможностей овладения пролетариатом экономическими позициями в государстве. Ис этой точки зрения немалый интерес представляет анализ социально-экономической программы ограничения и вытеснения буржуазии из сферы производства, разработанной В. И. Лениным в апреле — сентябре 1917 г., и ее сопоставление с документами коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые показывают поиски путей овладения основными экономическими позициями в обществе в 1944—1948 гг.

В данной статье на примере истории борьбы чехословацкого рабочего класса, руководимого Коммунистической партией, делается попытка проследить развитие ленинских идей о возможности активного вторжения революционного пролетариата и его союзников в сферу капиталистической частной собственности уже на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, в новых условиях, в условиях революций второго этапа общего кризиса капитализма.

Как известно, программа РСДРП, принятая II съездом партии, содержала общее теоретическое положение о необходимости замены частной собственности на средства производства собственностью общественной. Свержение царского самодержавия в феврале 1917 г. и развитие революционного процесса поставили вопрос о ликвидации частной капиталистической собственности в практическую плоскость. Апрельская конференция РСДРП, подчеркивая, что вопрос об овладении пролетариатом средствами производства стоит на повестке дня как практическая задача, фиксирует необходимость включения в партийную программу требования национализации трестов и синдикатов.

«Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковском деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистической войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.»¹. Это положение, сформулированное В. И. Лениным, вошло в программу партии VI съезд РСДРП.

Выдвигая его, В. И. Ленин опирался на анализ новых явлений в экономике капитализма в годы первой мировой войны: в частности, усиления регулирующей роли государства, которое поставило на службу милитаризма важнейшие отрасли хозяйства, подчинив их своему контролю. Он определил эту тенденцию как перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический и увидел в системе и механизме связей, складывающихся при подчинении монополии государству, в развитии контроля со стороны государства подготовку, преддверие социализма. «Социализм — есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку переставшая быть капиталистической монополией»².

Опираясь на этот вывод, В. И. Ленин разработал конкретную программу социально-экономических преобразований в России, которые позволяли демократическому государству взять аппарат управления производством в свои руки. При этом он допускал возможность мирного развития революционного процесса в России после свержения царизма и установления в стране двоевластия — временного буржуазного правительства и органов новой власти — Советов рабочих и солдатских депутатов. Возможность концентрации всей власти в руках Советов и превращение их в единственные органы власти зависела от завоевания большинства общества на сторону пролетариата.

В этих условиях в апреле — сентябре 1917 г. В. И. Ленин намечает целую серию экономических мер, которые, не выходя из рамок буржуазного строя, но будучи осуществленными революционной властью, нанесли сильный удар по позициям капиталистических монополий и банков и усиливали регулирующую роль демократического государства, сконцентрировав в его руках основные экономические рычаги. Главной из них была ликвидация частных банков, объединение всех их в единый государственный банк, иными словами, национализация банков. Такая мера сама по себе, по мнению В. И. Ленина, отнюдь не означала изменение в отношениях собственности. Она лишь создавала возможность осуществления действительного контроля «за главным стержнем и основным механизмом» капиталистического хозяйства. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что «выгоды для всего народа и особенно *не для рабочих* (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников, были бы от национализации банков огромные... Доступность и легкость кредита именно для *мелких* хозяйчиков, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность *сначала обзреть* все главные денежные операции, без утайки их, затем *контролировать* их, далее *регулировать* хозяйственную жизнь, наконец *получать* миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя „за услугу“ бешеных „комиссионных“ господам капиталистам»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 142—143.

² В. И. Ленин. Там же, т. 34, стр. 192.

³ В. И. Ленин. Там же, стр. 164.

Другой мерой должна была стать национализация крупнейших трестов и синдикатов, т. е. установление государственной монополии, подчинение их государству. Далее В. И. Ленин, учитывая особенности развития капитализма в России и социальную структуру российского общества, выдвинул также требование принудительного синдицирования, которое он рассматривал, с одной стороны, как подталкивание государственно-капиталистического развития, а с другой стороны, как необходимое условие контроля. При этом снова настойчиво им подчеркивалась мысль, что на данном этапе объединение в синдикат не изменяет отношений собственности, «ни одной копейки, ни у одного собственника не отнимает»⁴.

В реализации намечаемых социально-экономических мероприятий В. И. Ленин видел широкие потенциальные возможности движения к социализму. С одной стороны, она позволяла уже в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую приступить к ограничению экономических позиций буржуазии в государстве, к вытеснению ее из системы управления производством и тем самым способствовала усилению позиций пролетариата в обществе. С другой стороны, эта программа, направленная прежде всего против господства крупного капитала, став экономической программой Советов рабочих и солдатских депутатов — органов революционной власти в России, давала возможность оторвать мелкобуржуазные слои города и деревни от Временного правительства, сплотить их в широкий демократический революционный блок во главе с рабочим классом. Он должен был двинуть вперед развитие революции, превратившись в ту силу, которая стала бы толкать Советы к власти, как писал В. И. Ленин⁵.

В России возможности мирного развития революции были исчерпаны сравнительно быстро и на повестку дня встал вопрос о вооруженном восстании. В этих условиях идея создания вокруг пролетариата демократического блока, а также программа мероприятий, направленных на отеснение буржуазии от командных высот в экономике уже на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, не могли быть реализованы в той мере и степени, как предполагал В. И. Ленин. Тем не менее, они вошли в теоретическое наследие Великого Октября, показав один из возможных вариантов развертывания революционного процесса.

Революция в Чехословакии происходила в условиях, значительно отличающихся от условий России 1917 г. Реакционные экономические и политические тенденции в развитии монополистического капитализма в межвоенный период привели капиталистическое общество к мировому экономическому кризису, к росту политической реакции, вылившейся в установление в ряде стран Европы фашистских режимов, к развязыванию второй мировой войны. Подъем национально-освободительного антифашистского движения стал важнейшим фактором, обусловившим существенную перестановку сил внутри чехословацкого общества. Необходимость коренных социальных перемен осознавалась теперь не только пролетариатом и его политическим авангардом. К этому выводу постепенно приходили и другие слои общества.

Расчленение республики, оккупация Чешских земель гитлеровской Германией, создание под ее эгидой так называемого «независимого» словацкого государства привели к значительному изменению положения отдельных классов и групп в Чехословакии. Чешская буржуазия утратила свое прежнее господствующее положение. Ее экономические позиции

⁴ В. И. Л е н и н. Там же, стр. 177.

⁵ В. И. Л е н и н. Там же, стр. 244.

оказались ослабленными. Значительная часть чешского капитала оказалась в руках германских монополий ⁶. Под их контроль, и в частности под контроль крупнейших концернов «Герман Геринг» и «Манесман и Ринггофер», попали такие предприятия тяжелой промышленности Чехословакии, как заводы Шкода, «Збройовка», «Полдина Гуть», «Витковицкие железарны» и др. ⁷. Установление контроля немецких банков над чешскими финансово-кредитными учреждениями, державшими в своих руках все основные отрасли промышленности республики, фактически привело к полному подчинению экономики протектората германским монополиям ⁸. Внутри чешского буржуазного лагеря началась политическая дифференциация. Одна часть буржуазии, ущемленная экономической политикой Германии в протекторате, связывает свое будущее с движением Сопротивления, с его лондонским лагерем, возглавляемым Э. Бенешем. Другая часть, наиболее реакционная, представленная крупнейшими финансово-монополистическими объединениями, вступает на путь сотрудничества с фашизмом, становится опорой его оккупационного режима ⁹. Эта часть буржуазии в условиях развивающейся национально-освободительной борьбы оказалась политически полностью дискредитированной.

Словацкая буржуазия, особенно та ее часть, которая была связана с людяцким режимом Тисо, усилила в период так называемого «независимого Словацкого государства» свои позиции ¹⁰, хотя, безусловно, и не в той мере, как она рассчитывала. Основная масса чешского капитала в Словакии оказалась в руках германских монополий ¹¹. Это и стало одним из важных моментов для поляризации сил в словацком буржуазном лагере, где имелась довольно значительная группировка во главе со словацкими аграриями, стремившаяся избавиться от германского влияния в экономической жизни.

Оккупационные власти в протекторате заняли резко отрицательные позиции по отношению к интеллигенции, особенно к ее творческой час-

⁶ Только в результате ликвидации еврейского предпринимательства в руки немецкого капитала перешло более 234 крупных промышленных предприятий. Всего благодаря проведению этой акции оккупантам удалось захватить более 30% капиталов Чехословакии. V. P r ů c h a. Změny v sociální struktuře československé společnosti v letech 1938—1945. Praha, 1969, s. 15.

⁷ L. C h m e l a. Hospodářská okupace Československa, její metody a důsledky. Praha, 1946, s. 94—96.

⁸ Например, Пражский кредитный банк, являющийся одним из 4-х наиболее мощных финансовых концернов дюмюнхенской республики, имел сильные позиции в электротехнической, машиностроительной, сахароваренной и керамической промышленности. В начале 1941 г. его акции перешли германскому «Дейче банк». «Чешской эскомтни банк» перешел в руки одного из банков концерна «Герман Геринг», капиталы третьего крупнейшего банка — Англобанка оказались под контролем лейпцигского банка «Дейче Кредит Ауштамт». (См. L. F r e u n d. Zásah do hospodářství v osvobozených zemích. «Cechoslo-vak», Londyn, 29 IX 1944).

⁹ Об экономических позициях этой группы чешской буржуазии см. V. K r a l. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v Českých zemích 1938—1945, t. I. Praha, 1956.

¹⁰ Словацкий акционерный капитал в промышленности возрос с 1938 по 1942 гг. с 114 млн крон до 277 млн крон, а число акционерных обществ, находящихся под контролем словацкого капитала, увеличилось с 40 до 74. Усилению позиции словацкой буржуазии в экономике страны способствовал ряд факторов: переход в ее руки части чешского и еврейского капитала, ослабление конкуренции со стороны чешских монополий, ликвидация демократических прав и ослабление сопротивления рабочего класса и т. д. (V. P r ů c h a. Ibid., s. 56).

¹¹ Словацкая буржуазия не владела и половиной акционерного капитала ни в одной отрасли промышленности за исключением полиграфической и электростанций. Подробнее о позициях словацкого и немецкого капитала в экономике страны см. J. F a l t u s, V. P r ů c h a. Přeňad hospodarskeho vývoja na Slovensku v rokoch 1918—1945. Bratislava, 1967, s. 338—349; L. K o v a č i k. Slovensko v šieti nemeckeho finančného kapitálu. Bratislava, 1955.

ти. Именно эту прослойку общества оккупанты рассматривали как главное препятствие на пути немецко-чешского сотрудничества¹². Репрессии против интеллигенции по существу велись с сентября 1939 г., когда начались аресты сторонников Э. Бенеша. В октябре 1939 г. был нанесен удар высшим учебным заведениям, далее последовало закрытие 45 научных учреждений¹³. В последующие годы террор по отношению к этой прослойке чешского общества возрастал¹⁴. Поэтому естественно, что подавляющая часть интеллигенции, не ставшей на службу к оккупантам, или эмигрировала или участвовала в движении Сопротивления. В этой среде, в значительной мере связанной с мелкобуржуазными кругами, справедливо считали виновниками национальной катастрофы прежде всего представителей крупной финансово-монополистической буржуазии. Здесь широкое распространение получили взгляды о невозможности простого возвращения к довоенному прошлому.

Для мелкобуржуазных слоев города — ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев — оккупация означала не только политическое, но и экономическое потрясение. Меры по ограничению мелкого производства, проводимые оккупационными властями, осуществлялись прежде всего за счет производственных объектов, принадлежащих чехам¹⁵. С 1942 г. совершенно отчетливо обозначается тенденция к сокращению числа мелких предприятий¹⁶, в связи с переориентацией всей экономики протектората на войну: кредиты и сырье отпускались лишь тем предприятиям, которые выполняли военные заказы, рабочая сила в принудительном порядке направлялась на военные заводы.

Та часть чешской буржуазии, которая сотрудничала с оккупантами, за счет разорения ремесленников и мелких предпринимателей пыталась компенсировать утраченное первенство в хозяйственной жизни страны. Таким образом, экономическая политика оккупантов и их приспешников неизбежно толкала мелкобуржуазные городские слои к объединению с силами, борющимися против фашизма и национального угнетения. Борьба за национальное освобождение связывалась в понимании этой категории населения с освобождением от гнета не только немецкого капитала, но и «своих» чешских монополий.

Аналогичные в принципе процессы наблюдались и в эволюции мелкобуржуазных слоев Словакии, хотя, безусловно, здесь определенный отпечаток наложило создание так называемого «независимого словацкого государства»¹⁷.

¹² Р. Гейдрих отношение оккупантов к интеллигенции выражал вполне определенно: эти люди должны быть выслены и онемечены, «или в конце концов просто поставлены к стенке». Цит. по V. P r ů ch a. Ibid., s. 28—29.

¹³ «Nacistická okupace Evropy». sv IV, Praha, 1966, s. 123.

¹⁴ Например, из 600 членов Союза чехословацких журналистов в период оккупации 90 человек были казнены, 140 находились в концлагерях и тюрьмах. В Праге из 2800 учителей средних школ преследованиям было подвергнуто более 800 человек. Подробнее см. V. P r ů ch a. Ibid., s. 29.

¹⁵ По данным, оглашенным на заседании президиума Центрального союза чехословацкой промышленности, в июне 1945 г. из 3000 мелких и средних промышленных предприятий, закрытых оккупационными властями на территории Чехии и Моравии в период существования протектората, 99% принадлежало чехам. Státní Ústřední Archiv, f. ÚSCP. kr. 15, zápis o schůze prezidia 20 V 1945.

¹⁶ Количество мелких предприятий в Чехии и Моравии с 1942 по 1944 г. уменьшилось на 12%, а количество лиц, занятых в мелком производстве, за эти же годы сократилось на 13%. Подсчитано по материалам: Z. A. D e y l. Řešení vztáhu dělnické třídy a městské maloburžoacie 1945—1948. Kandidační práce. Praha, 1963, s. 86.

¹⁷ С 1939 по 1944 г. число ремесленных предприятий в Словакии сократилось на 15%, а количество занятых лиц на 5%. При этом интересно отметить, что здесь не произошло (как в Чешских землях) сокращения работников по найму. Более того, число наемных рабочих в ремесле в период войны возросло на 9,6%. Это свидетельствовало

Существенные изменения произошли в положении рабочего класса Чехословакии, который в годы войны значительно вырос (см. табл.)¹⁸.

В Словакии число рабочих, занятых в промышленном производстве (не считая шахтеров) в 1943 г., по сравнению с 1939 г., увеличилось на 46,8%¹⁹.

Т а б л и ц а

*Рост занятости в промышленности протектората
с 1939 по 1945 г. (март 1939 г. = 100)*

Год	Металлообра- тывающая промышленность	Остальные отрасли промышленности	Вся промышлен- ность в целом
1939	107,9	103,1	104,9
1941	136,3	100,5	115,9
1942	150,9	94,5	117,6
1943	186,7	96,0	130,9
1944	223,8	93,6	141,9
1945 март	223,9	89,3	138,9

Оккупация принесла чешскому рабочему не только национальное угнетение, но и усиление социального и политического гнета. Были ликвидированы существовавшие в годы буржуазной республики все демократические права, позволявшие рабочему классу отстаивать свои интересы; распущены политические партии рабочего класса и революционные профсоюзы. Созданный после марта 1939 г. Национальный профсоюзный центр стал послужным орудием оккупантов. Рабочие теперь не могли вести переговоры с предпринимателями, заключать коллективные договоры. Они лишались отпусков, восьмичасового рабочего дня. Были запрещены забастовки²⁰. Рабочие насильно закреплялись за предприятиями и фактически лишались права поисков другой работы. Капиталистическая эксплуатация, которая в годы войны чрезвычайно усилилась²¹, не была теперь завуалирована никакими буржуазно-демократическими законодательствами.

Весь комплекс этих факторов неизбежно вел к радикализации чешского рабочего класса, к изживанию имеющихся у некоторой его части реформистских иллюзий. Восстановление назависимой Чехословацкой республики связывалось в сознании рабочих не только с уничтожением национального гнета, но и прежде всего гнета социального.

В Словакии процесс радикализации рабочего класса протекал несколько медленнее, поскольку здесь отсутствовал национальный гнет в такой форме, как в Чешских землях. Но фашизация политической жизни в «независимом словацком государстве», отмена всех демократических прав и особенно усилившееся после 1941 г. хозяйничанье германских монополий в промышленности имели в конце концов те же результаты, что и в

о том, что здесь увеличился удельный вес крупных ремесленных мастерских. См. V. P r ů c h a. Ibid., s. 53—54.

¹⁸ Archiv Státní plánovací komise č. j. 138. Situační zpráva o čs. průmyslů k 30 září 1945, s. 1.

¹⁹ V. P r ů c h a. Ibid., s. 58.

²⁰ Подробно эти сюжеты рассмотрены в работе V. K r a l. Ibid., t. III, s. 52—93.

²¹ Об уровне зарплаты, росте цен, увеличении рабочего дня и т. д. См. V. K r a l. Ibid., s. 119—137, 138—175.

Чешских землях: рабочий класс Словакии выступил в движении Сопротивления как самая радикальная сила общества.

Все вышеописанные изменения в положении различных классов и социальных групп чехословацкого общества в годы войны и оккупации привели к существенному сдвигу в его политической ориентации. У значительной части политически активного населения страны стало преобладать убеждение в необходимости изменить способ политического и экономического управления страной.

Эти настроения были настолько сильны среди различных социальных групп чешского общества, что руководители буржуазного направления в движении Сопротивления сообщают о них Э. Бенешу уже осенью 1940 г.: «Все слои мечтают о новой, свободной, подлинно демократической жизни, избавленной от пут партийного механизма, диктатуры клика, эксплуатации... Немаловажной... является критика бывшей экономической политики и социального строя, противопоставление его будущему социальному строю, который будет совершенно иным, чем существующий ныне... Рабочая же общественность требует самых последовательных решений. При этом характерно, что она находит поддержку у буржуазных слоев и, главным образом, у служащих. Мы убеждены, что послевоенная Европа будет демократической и что не избежать крупных социальных и экономических перемен в мировом масштабе»²².

Активное вмешательство оккупантов в экономику протектората и присоединенных к рейху пограничных областей, овладение германскими монополиями рядом ведущих отраслей хозяйства Словакии, с одной стороны, и рост радикальных настроений в широких слоях чешского и словацкого общества — с другой, не могли не оказать влияния на формирование социально-экономических программ движения Сопротивления. Все политические течения, провозгласившие своей основной целью борьбу за восстановление независимого чехословацкого государства, должны были дать ответ на вопрос, каким будет, по их мнению, социальное устройство страны в послевоенный период.

¶ Буржуазное направление в движении Сопротивления и, в частности, такая его организация, как «Политический центр внутреннего сопротивления», куда входили наряду с социал-демократами, национальными социалистами и лидовцами представители скомпрометировавших себя партий — аграрной и национально-демократической, — в разработке послевоенных экономических преобразований целиком полагалось на Э. Бенеша и его лондонское окружение. Эта организация не сформулировала никаких четких позиций, ограничившись лишь положением о необходимости после войны пересмотреть вопрос о собственности на землю²³. Значительно четче свои позиции формулирует другой центр — петиционный комитет «Верными останемся», объединяющий вокруг себя более демократические элементы, и где руководящую роль в разработке программы играли социал-демократы. Разрабатывая свою концепцию создания новой Чехословацкой республики, как государства «достойного имени Масарика», комитет «Верными останемся» предлагал провести в системе управления экономикой ряд таких мер, которые должны были ликвидировать засилие капиталистических монополий и создать благоприятные условия для развития ремесла, мелкого и среднего предпринимательства, «которое, — как специально подчеркивалось, — является здоровой и прочной составной

²² «Věrní jsmo zůstali. Účast socialistických demokratů v domácím a zahraničním odboji». Praha, 1946, s. 13.

²³ «Czechoslovak». Londyn, 15 VI 1943.

частью производства»²⁴. В программе выдвигалось требование обобществления ряда отраслей промышленности и прежде всего отраслей, связанных с добычей сырья, а также всех природных богатств. Причем не определялась пока форма предполагаемого обобществления (например, передача государству и т. п.), а указывалось, что все предприятия перечисленных отраслей должны превратиться в общественные. Решение проблемы обобществления авторы видели, исходя из положения банков в системе капиталистического производства, в установлении государственного и общественного контроля над ними. «Банки имеют в своих руках ключи экономической власти и являются действительными собственниками большей части промышленности и торговли... Промышленные и торговые концерны, то есть основа... производства будут уже самим контролем над банками подчинены общественным интересам»²⁵.

В результате таких мер, по мнению авторов программы, сложится «тип смешанной экономики, в котором наряду с общественным сектором и в рамках общественного контроля и единого плана будет иметь место индивидуальная экономическая деятельность за исключением частных монополий»²⁶.

Итак, антимонополистическая направленность программы петиционного комитета несомненна²⁷, однако следует отметить ее половинчатый характер и стремление провести преобразование прежде всего в интересах мелкобуржуазных городских слоев.

Более последовательное решение предлагалось центром подпольного профсоюзного движения. В его телеграмме, адресованной в марте 1945 г. в Москву представителям КПЧ, социал-демократической и национально-социалистической партий, прямо говорилось, что национализация крупных предприятий, металлообрабатывающей, химической, пищевой промышленности, банков и страховых компаний должна стать экономической программой-минимум первого правительства²⁸.

Настроения рабочего класса оказывали воздействие на те организации движения Сопротивления, которые объединяли в своих рядах прогрессивно настроенные элементы интеллигенции и студенчества и поддерживали тесную связь и контакты с подпольными организациями пролетариата. В этой среде, где авторитет Э. Бенеша и лондонского правительства хотя и был очень велик, отчетливо представляли себе невозможность возвращения к прежней, довоенной экономической структуре общества, и требование коренных социальных преобразований выдвигалось на одно из первых мест. «Перестройка пойдет на основе новейшего прогрессивного социализма, что потребует крупных реформ, касающихся собственности финансового, промышленного и сельскохозяйственного капитала. Мы не являемся в большинстве своем коммунистами, но в принципе не исключаем возможности последовать русскому примеру, с которым мы знакомы и который для нас подходит»²⁹, — говорилось в программном заявлении подпольной организации «Совет-3».

²⁴ «Za svobodu do nové Československé republiky». Ideový program domácího odbojového hnutí vypracovaný v letech 1939—1941. Praha, 1945, s. 92.

²⁵ Ibid., s. 86.

²⁶ Ibid., s. 82.

²⁷ По-видимому, этот момент и сыграл немалую роль в том, что некоторым буржуазным группировкам движения Сопротивления, таким как «Защита нации», «Политический центр внутреннего сопротивления», программа петиционного комитета показала «чересчур социалистической». См. K. V e s e l ý - S t a j n e r. Cestou národního odboje. Praha, 1947, s. 55.

²⁸ Ibid., s. 82.

²⁹ Ibid., s. 159

При анализе программы социально-экономических преобразований, выдвинутой подпольным коммунистическим движением внутри страны, следует рассматривать отдельно требования, сформулированные в Словакии и разработанные подпольным ЦК КПЧ, так как борьба коммунистов в Словакии и в Чешских землях происходила в неодинаковых условиях. Если в Словакии V подпольный ЦК, возглавляемый К. Шмидке, Г. Гусаком и Л. Новомеским, акцентируя главное внимание на объединении всех сил, борющихся против клерикально-фашистского режима Тисо, давал общую постановку вопроса, подчеркивая необходимость внесения идей демократии в социальную и экономическую области и углубления их³⁰, то подпольный ЦК КПЧ совершенно четко формулирует необходимость ликвидации крупной капиталистической собственности, ставя в своем программном заявлении, сделанном в январе 1945 г., вопрос о передаче государству всей крупной промышленности и банков³¹. Это требование, как и требование подпольного центра революционного профсоюзного движения отражало настроения рабочего класса Чешских земель. Кроме того, здесь, безусловно, сказывалось и влияние Советского Союза. Его военные победы привели не только к росту доверия широких слоев населения Чехословакии к тем социально-экономическим преобразованиям, которые были осуществлены в СССР, но и усилили в движении Сопротивления группировки, рассматривавшие победу над фашизмом как начало конца капитализма.

Таким образом, краткий анализ некоторых документов, где формулировались требования изменения социальной-экономической структуры послевоенного общества, показывает, что в Чехословакии складывается реальная возможность создания широкого блока, одним из аспектов деятельности которого должны были стать глубокие антимонополистические мероприятия.

Невозможность простой реставрации довоенных отношений в стране осознавалась не только теми буржуазными политиками, которые, находясь в стране, были свидетелями происходящих в обществе изменений, но и теми, кто находился в эмиграции, возглавляя так называемое заграничное движение Сопротивления. Поэтому не случайно при разработке планов послевоенного устройства страны буржуазные политики, сгруппировавшиеся вокруг Э. Бенеша, большое внимание уделяют проблемам социальных реформ. При эмигрантском правительстве создается специальное министерство экономического обновления, которое разрабатывает проекты «передачи крупной промышленности в руки общества», «введения плановой экономики». На заседании Государственного совета раздаются голоса о том, что при разработке планов обновления хозяйственной жизни необходимо «считаться с сильным ростом дипломатического и политического влияния СССР в Европе»³². Именно ведущая роль Советского Союза в антигитлеровской коалиции, его военные победы в значительной мере определили стремление части буржуазных политиков договориться с представителями заграничного руководства ЦК КПЧ о совместной борьбе против фашизма и внешней радикальности той программы, с которой Э. Бенеш пришел на переговоры в Москве в декабре 1943 г. Во время этих переговоров Э. Бенеш настойчиво подчеркивал связь национального и социального аспектов в развертывающейся борьбе, указывая, что национальная революция в Чехословакии «...будет революцией социальной. Через мероприятия национального характера, через мероприятия

³⁰ M. K l i m e š a kol. Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha, 1965, s. 75.

³¹ Ibid., s. 335.

³² См. «Czechoslovak», Londyn, 5 III 1943.

против немецких богачей откроется путь для радикального экономического вмешательства и социальных перемен»³³.

Однако будущие социальные перемены Э. Бенеш рассматривал как временные вынужденные уступки, проведение которых диктуется целым комплексом внешних и внутренних обстоятельств. В одной из бесед с министром эмигрантского лондонского правительства Фейерабендом он заметил: «Если в Европе после войны будут проводиться радикальные изменения экономических и социальных отношений, мы включимся в это революционное движение. Однако не в наших интересах опережать его, но было бы ошибкой и отставать... Мы должны стремиться к тому, чтобы удержать революцию в разумных рамках и воспрепятствовать коммунизации правительства и страны...»³⁴. Делая основной акцент на национальный момент будущих социально-экономических преобразований, Э. Бенеш и его окружение рассматривали таким образом направить революционную энергию масс для борьбы против своего главного экономического конкурента — немецкого монополистического капитала и тех группировок чешской и словацкой буржуазии, которые были с ним наиболее тесно связаны.

Руководство КПЧ, возглавляемое в Москве К. Готвальдом, на переговорах с Бенешем в декабре 1943 г. тоже главное внимание в области социально-экономических мероприятий акцентировало на мероприятиях национального характера, выдвигая требование вмешательства в собственность оккупантов и их чехословацких приспешников. Коммунисты предлагали считать недействительными все имущественные передачи, осуществленные после Мюнхена, мелкие предприятия немедленно вернуть прежним владельцам, а на крупных и во всех акционерных обществах, принадлежащих немцам, ввести национальное управление. Собственность предателей, по мнению коммунистов, должна подлежать немедленной конфискации³⁵.

Однако при этом не национальный момент был для коммунистов определяющим. Они исходили из того, что претворение в жизнь предлагаемых ими требований позволит не только сломить экономическую мощь немецкого капитала, но и ликвидирует наиболее реакционную часть чехословацкой крупной финансово-монополистической буржуазии, приведет к существенному ослаблению экономического и политического влияния буржуазии в обществе, позволит сплотить вокруг пролетариата и его партий те слои общества, которые выступают против засилия капиталистических монополий в экономике страны, что и даст возможность двинуть дальше развитие революции.

Среди коммунистов в этот период уже имелись четкие представления о тех экономических мерах, которые необходимо будет провести, чтобы осуществить наиболее широкое вмешательство пролетариата в буржуазную капиталистическую собственность. Еще в 1943 г. в Лондоне группа коммунистов, возглавляемая А. Годиновой-Спурной, при активном уча-

³³ М. К l i m e š a. kol. Ibid., s. 56. Однако практическая деятельность лондонского эмигрантского правительства по разработке мер «радикального экономического вмешательства» была далеко не столь радикальна, сколь все вышеприведенные заявления. Достаточно сказать, что для обсуждения законопроекта о наказании военных преступников, предателей и коллаборационистов буржуазным политикам потребовалось более года. В ходе дискуссии они стремились найти такие формулировки, которые позволили бы оправдать часть чешских и словацких коллаборационистов. В частности, очень много говорилось о так называемом «непреодолимом принуждении». См. Ibid., s. 162.

³⁴ L. F e j e r a b e n d. Ve vladě v exilu. Washington, 1965, s. 113—114.

³⁵ М. К l i m e š a. kol. Ibid., s. 66.

стии Л. Фрейки (Фройнда)³⁶, занималась разработкой проблемы будущего управления чехословацкой экономикой. Как свидетельствует Ф. Колар, сам активно участвовавший тогда в обсуждении экономических вопросов, Л. Фрейка в своих построениях прямо исходил из работы В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г., где были сформулированы основные положения экономической политики большевиков в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Товарищ Фройнд встал,— пишет Ф. Колар,— и из маленькой библиотечки... выбрал тоненькую желтую книжечку и сказал мне: „Все те меры, которые мы вынуждены будем провести в нашей экономике после войны, предвидел В. И. Ленин...“. Это был английский перевод ленинской „Грозящей катастрофы...“ Он (В. И. Ленин.— Г. М.) предлагал такие демократические мероприятия, как объединение и национализация банков, национализация синдикатов и монополий, отмена коммерческой тайны, принудительная синдикализация, объединение населения в кооперативы и т. п. Ленин сразу же четко объяснил суть вопроса „о контроле“, о котором тогда в Англии столько говорилось: „суть вопроса о контроле заключается в том, кто кого контролирует, т. е. какой класс контролирует, а какой является контролируемым“. Основу и корень всей проблемы послевоенного создания народно-демократического государства, экономической политики национально-демократических революций Ленин сформулировал кратко: „В XX веке, в капиталистической стране, мы не можем быть революционными демократами, если боимся сделать шаг к социализму“»³⁷.

Опираясь на ленинские положения и анализ изменений, происходящих в экономике страны в период оккупации, коммунисты разрабатывают основные мероприятия, которые предполагают осуществить после войны. По их мнению недостаточно будет сломить экономическую мощь нацистов путем изъятия принадлежащих им фабрик, заводов и банков, необходимо добиться, чтобы изъятые у нацистов предприятия не попали в руки частного чешского или иностранного капитала. И отсюда основное требование коммунистов — передача государству всей изъятной собственности³⁸.

При этом переданные государству предприятия должны быть поставлены, причем немедленно, сразу, под контроль народных демократических организаций и новых местных органов власти. Предполагалось также ввести монополию внешней торговли³⁹.

И хотя впоследствии, особенно после переговоров 1943 г. руководства КПЧ с Бенешем, коммунисты не касаются будущего управления экономикой и акцент делается только на моментах, связанных с изъятием собственности оккупантов, не оставляет сомнений тот факт, что основой для коммунистов является не национальная, а социальная сторона этого вопроса. Перестановка акцента позволила избежать разногласий по проблемам социально-экономических преобразований при разработке программы первого правительства Национального фронта чехов и словаков в марте 1945 г. Положения, разработанные коммунистами, составили основу экономического раздела Кошицкой программы. В ней предусматривалась конфискация имущества немцев, венгров и предателей народа,

³⁶ Л. Фрейка после возвращения на родину в 1945 г. возглавил народнохозяйственную комиссию ЦК КПЧ, которая определяла основные направления экономической политики партии.

³⁷ «Přispěvky k dějinám KSČ», № 2, 1965, s. 295—296.

³⁸ «Они станут собственностью демократического народного государства, а не собственностью тех или иных групп своих чешских капиталистов (как это было в 1918 г.) или групп иностранных капиталистов». L. F r e u n d. Vyvlastnění nacistických kapitalistů. «Czechoslovak», Londyn, 11 II 1944.

³⁹ Ibid.

введение национального управления, а также подчеркивалась необходимость «поставить всю финансовую систему, ключевые промышленные предприятия, природные ресурсы и энергетические источники под руководство государства...»⁴⁰.

Если сравнить экономические требования, сформулированные в период войны внутри страны различными левыми группами движения Сопротивления, революционными профсоюзами, подпольным ЦК КПЧ, и позицию заграничного руководства КПЧ в Москве, то нельзя не отметить, что оно выдвигает более умеренные требования.

В своих тактических построениях руководство КПЧ исходило из того, что на повестке дня в Чехословакии стоит не социалистическая, а народно-демократическая революция.

Сохранились собственноручные записи К. Готвальда с оценкой разворачивающегося в стране революционного процесса и определением ближайших задач, которые необходимо решить после освобождения страны. «Не социалистическая революция и диктатура пролетариата, — писал К. Готвальд в апреле 1944 г., — а национально-освободительная демократическая революция, блок рабочего класса, крестьянства, городских средних слоев и интеллигенции. Форма — демократическая республика. В области социальной в чешской и словацкой нации — подорвать власть крупной буржуазии (предателей), не возвращать крупной собственности, ликвидация помещиков; в немецкой нации — ликвидация помещиков, буржуазии, политических представителей генлейновцев. Аналогично и у венгров»⁴¹.

Этот документ весьма наглядно показывает, что руководство КПЧ в Москве главное внимание акцентировало в первую очередь на общенациональных моментах, чтобы не допустить раскола в складывающемся вокруг рабочего класса блоке демократических сил. Оно стремилось, чтобы рабочий класс, являющийся главной силой движения Сопротивления, и его политические представители встали во главе нации, а не были оттеснены на ее левый фланг и изолированы от широких слоев трудящихся. Стремление не уйти слишком далеко влево, не оторваться от масс в этот период было характерно для большинства коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы⁴².

Выдвигая свою, кажущуюся весьма умеренной экономическую программу, руководство КПЧ в Москве, не имея достаточно исчерпывающей информации о настроениях основных слоев населения и, в первую очередь, рабочего класса Чешских земель⁴³, считало, что на данном этапе

⁴⁰ «Program prvé domáce vlády Republiky, vlády Národní fronty Čechů a Slováků», Košice, 1945, s. 24.

⁴¹ М. К л i м е ш а. k o l. Ibid., s. 106.

⁴² Если сравнить требования социально-экономических преобразований, сформулированных рабочими и коммунистическими партиями Франции, Италии, Польши, Югославии, Болгарии, то мы увидим аналогичную картину. Румынская коммунистическая партия, которая в «Проект платформы национально-демократического фронта» внесла пункт о национализации основных промышленных предприятий и 18 крупнейших банков страны, через четыре месяца вынуждена была снять его, признав выдвигание его преждевременным. (См. V. L i v e a n u. Particularité's de la straté que politique de parti comuniste Roumain entre 1944—1948. «E'tudes d' histoire II contemporaine de la Roumanie». Bucarest, 1971, p. 186).

⁴³ О том, что московское руководство КПЧ в марте 1945 г. еще не располагало подробной информацией о положении в Чешских землях, свидетельствует в своей работе, посвященной словацкому восстанию, Г. Гусак (см. G. H u s a k. Svedectvo o slovens kom národnom povstanie. Bratislava, 1964, s. 579); К. Веселы-Штайнер также сообщает, что телеграмма руководства революционного профсоюзного движения, содержащая информацию о настроениях и требованиях рабочего класса, которую должны были передать в Москву через Лондон, не была отправлена. (См. K. V e s e l y - Š t a j n e r. Ibid., s. 209).

речь идет о принятии переходного решения, что вопрос о масштабе экономических преобразований будет зависеть в первую очередь от соотношения сил внутри страны, которое в полной мере станет ясным после освобождения. Выступая за конфискацию имущества немцев, венгров и коллаборационистов, передачу его в руки национальных управлений, оно полагало, что уже сам этот процесс будет таким революционным актом, который, внешне не выходя из рамок национальных и демократических требований, приведет к существенному изменению соотношения сил в экономике страны. Определенный отпечаток на формирование социально-экономической программы КПЧ и особенно ее заграничного ЦК наложил и такой международный фактор, как наличие антигитлеровской коалиции. Это обстоятельство также диктовало необходимость облекать антикапиталистические требования в антифашистскую демократическую национальную форму.

Однако «национальный» этап овладения средствами производства, т. е. период, когда главным содержанием было изъятие промышленных предприятий немцев, венгров и коллаборационистов и передача их в национальное управление, был весьма непродолжительным (май и июнь 1945 г.)⁴⁴. К началу июля требование ликвидации капиталистической собственности на средства производства теряет свою национальную окраску, и на первый план по мере включения в революционный процесс рабочего класса Чешских земель⁴⁵ выступает не национальная, а социальная антикапиталистическая направленность требования национализации. Уже летом 1945 г. рабочий класс стал добиваться, чтобы статусу собственности предприятий, о которых говорилось в Кошицкой программе, были приданы более определенные черты, раскрыто содержание понятия «национальное управление» и «общее государственное руководство».

К этому времени рабочий класс имел уже достаточно прочные позиции в управлении производством как на местах, так и в центральных органах. Представители Центрального совета профсоюзов были введены в правление банков, финансовых учреждений и Союза чешской промышленности, где они заняли решающие позиции⁴⁶. В национальных управлениях предприятий последнее слово тоже принадлежало представителям профсоюзов. Непосредственно на местах, на фабриках и заводах, контроль осуществляли заводские комитеты. Поэтому не случайно министр промышленности Б. Лаушман, характеризуя положение, сложившееся в первые месяцы после освобождения, сказал, что «без согласия профсоюзной организации на предприятиях и в учреждениях не прощмыгнет и мышь»⁴⁷. Над средствами производства устанавливался такой контроль широких демократических организаций, о котором коммунисты говорили еще в 1943 г., обсуждая вопрос будущих преобразований. В этих условиях партии Национального фронта приступили к разработке проектов национализации промышленности.

⁴⁴ К августу 1945 г. уже на 45% промышленных предприятий Чешских земель было введено национальное управление. На заводах и фабриках, изъятых из рук прежних владельцев, работало 75% всех рабочих, занятых в промышленности. (См. «Zpráva o činnosti revolučného odborového hnutí k I všeodborovému sjezdu». Praha, 1946, s. 135).

⁴⁵ Революционный процесс в Словакии отличался большим своеобразием, поскольку в нем преобладающую роль играла борьба словацких крестьян за землю, а проблемы национализации не занимали такого места, как в Чешских землях, поэтому в рамках данной статьи целесообразнее ограничиться рассмотрением событий и определением характерных черт процесса национализации в Чешских землях, где собственно и была сосредоточена основная часть промышленного потенциала Чехословакии.

⁴⁶ Например, в Центральном союзе чешской промышленности из восьми членов правления три были представителями профсоюзов, а заместителем председателя являлся член КПЧ.

⁴⁷ «Práce», 30 V 1945.

Позиции коммунистов, социал-демократов и профсоюзного центра были четко определены уже в выступлении К. Готвальда 9 июля 1945 г., когда он в качестве задачи номер один в области социально-экономических преобразований поставил передачу государству банков, страховых компаний, а также всех отраслей тяжелой и крупной промышленности⁴⁸. Это означало, что национализации будут подлежать не только предприятия немцев, венгров и коллаборационистов, но и все крупные предприятия своей, национальной буржуазии. Социальное содержание акта национализации в этих требованиях выступает на первый план.

Одновременно определились позиции буржуазных партий по этому вопросу. Словацкая демократическая партия и Чешская лидовая партия видели главную задачу национализации в подрыве прежде всего позиций немецкого капитала, поэтому они настаивали на ограничении национализации рамками Кошицкой программы, которую они подписали в апреле 1945 г. Более радикальной была позиция национальных социалистов. Их программа, опубликованная в мае 1945 г., содержала такое, выходящее за рамки Кошицкой программы требование, как установление контроля государства над крупными промышленными предприятиями, природными ресурсами и всеми средствами производства⁴⁹. Эта позиция объяснялась в значительной мере тем, что национально-социалистическая партия стремилась сплотить вокруг себя мелкобуржуазные слои общества с тем, чтобы впоследствии превратить эти слои в ударный кулак против рабочего класса и его организаций⁵⁰. Мелкобуржуазным группировкам, на которые ориентировали свою политику национальные социалисты, вмешательство государства в более широких масштабах, чем его понимали лидовцы и демократы, было необходимо для укрепления их позиций в народном хозяйстве страны и ослабления главного, основного конкурента — отечественного монополистического капитала. Кроме того, это позволило бы в гораздо большей степени использовать государственные рычаги для послевоенного восстановления и реконструкции тех отраслей промышленности, в которых крайне нуждалась средняя и мелкая буржуазия. Программа национальных социалистов не предусматривала расширения вмешательства в сферу капиталистической собственности, а провозглашала гармоничное сотрудничество всех слоев общества под контролем государства.

Однако национальным социалистам не удалось сплотить в этот период вокруг себя мелкобуржуазные слои, поскольку первые месяцы народно-демократического строя показали ремесленникам, мелким торговцам, предпринимателям, что находящиеся под национальным управлением предприятия были не столько конкурентами мелкого производства, сколько поставщиками сырья, так необходимого для восстановления деятельности различного рода мастерских и мелких предприятий. Поэтому требование национализации шахт, предприятий тяжелой и пищевой промышленности, банков, страховых компаний не противоречило интересам мелкобуржуазных слоев города⁵¹.

Движение широких масс за национализацию летом и осенью 1945 г. стало важнейшим фактором развития революционного процесса в стране. Единые действия коммунистов, социал-демократов и представителей профсоюзов в Национальном фронте и правительстве, поддержанные движением масс снизу, сломили сопротивление буржуазных партий, стремящихся ограничить рамки национализации и затормозить ее темпы.

⁴⁸ K. G o t t w a l d. Spisy XII, s. 86, 92.

⁴⁹ «Studijný materiál k dějinám KSČ». Praha, 1967, č. III, s. 83.

⁵⁰ См. Z. D e y l. Ibid., s. 117—119.

⁵¹ Подробно эти же сюжеты исследованы в работе Зд. Дейла. (Ibid. s. 140—152).

Г. Рипка, один из активных деятелей национально-социалистической партии, вспоминая события осени 1945 г., писал: «Против блока коммунистов и социал-демократов мы каждый раз оказывались в меньшинстве, как только в каждом конкретном случае занимали оппозиционную точку зрения... Все мои усилия ограничить национализацию только обществением тяжелых и ключевых отраслей были напрасны»⁵².

24 октября 1945 г. президент Чехословацкой республики Э. Бенеш подписал декреты о национализации 27 отраслей промышленности, шахт, банков и страховых компаний⁵³. Реализация их привела к коренным переменам в экономике страны: были полностью ликвидированы не только позиции иностранного (немецкого и венгерского) капитала, но и существенно ограничена сфера деятельности национальной буржуазии, которая фактически лишилась своей главной опоры — финансового капитала⁵⁴. Создание государственного национализированного сектора, занявшего сразу решающие позиции в экономике страны, создало благоприятные условия для продвижения Чехословакии по пути к социализму. Несмотря на то, что возникший государственный сектор являлся пока еще переходным этапом от капитализма к социализму и его эволюция к социализму находилась в прямой зависимости от укрепления позиций пролетариата в систему государственной власти⁵⁵, он в значительной мере сковывал возможности капиталистического производства в экономике страны. Буржуазия, лишившись своих опорных пунктов в народном хозяйстве, уже не могла выступать в качестве определяющей силы экономического развития республики. Это в свою очередь влекло за собой и ослабление ее политического влияния в обществе, создавая благоприятные возможности для дальнейшего развития социалистической революции.

Таким образом, опыт борьбы чехословацкого пролетариата и его политического авангарда в период развертывания в стране социалистической революции в 1945 г. доказал на практике возможность подведения широ-

⁵² Н. Р и п к а. *Czechoslovakia enslaved*. London, 1950, p. 43.

⁵³ По этим декретам в руки государства переходили: финансово-кредитная система — 100%, страхование — 100, горнорудные предприятия — 100, энергетические ресурсы — 99,7, шахты — 99,5, химическая промышленность — 74,5, металлургическая промышленность — 71,8, керамическая промышленность — 63,5, кожевенная — 57,9, бумажная — 50,2, текстильная — 47,7%. Частный капитал сохранил свои позиции в пищевой, пивоваренной, стекольной и некоторых других отраслях. (См. Л. Ф г е j к а. *Historie bojů o znárodnění československého průmyslu*. Praha, 1950, s. 27—28).

⁵⁴ Структура народного хозяйства ЧСР после проведения национализации в 1945—1946 гг.:

Сектор народного хозяйства	Количество предприятий		Количество рабочих и служащих, %
	о	общее число	
Национальный	17	2867	61
Частно-капиталистический	49	8449	23
Мелкое производство	34	нат данных	16

Е. Д в о ř а к о в њ а — Р. Л е с j у к. *Československá společnost a komuniste v letech 1945—1948*. Praha, 1967, s. 57.

⁵⁵ Весь период от подписания декретов о национализации в октябре 1945 г. и вплоть до февраля 1948 г. вокруг государственного сектора в экономике, его объема и содержания велась сложная борьба. Буржуазные партии в правительстве направляли свои усилия на то, чтобы не только воспрепятствовать дальнейшему проведению национализации, но и дать предприятиям государственного сектора такой статус, который в будущем, при благоприятных для буржуазии условиях, позволил бы весьма легко превратить «национальные предприятия» в акционерные общества, допустив в них участие иностранного и частного капитала.

ких народных масс к коренным социально-экономическим преобразованиям под демократическими, антимонополистическими лозунгами, пути, предложенного В. И. Лениным в 1917 г. Опыт чехословацкого пролетариата показал, что в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, когда интересы финансово-монополистической верхушки капиталистического общества приходят во все большее противоречие с интересами большинства непролетарских масс, антимонополистические социально-экономические преобразования, осуществленные под руководством и по инициативе рабочего класса, разрушая основу капиталистического способа производства, открывают широкие возможности продвижения к социализму.

В. А. ДЬЯКОВ

ОБ «ЭПОХЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» В ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

«Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму» — так формулируется одна из крупных комплексных проблем, над которой в настоящее время работают историки (включая историков культуры), литературоведы и языковеды Института славяноведения и балканистики АН СССР в тесном сотрудничестве со специалистами ряда других научных центров². Речь идет о периоде генезиса капитализма, формирования наций и национальной культуры, борьбы за создание новых независимых национальных государств буржуазного типа или за восстановление ранее утраченной политической независимости. В болгарской, чехословацкой и югославской историографии этот период принято называть «эпохой национального возрождения». По отношению к истории народов Албании, Венгрии, Греции, Румынии, Польши термин этот применяется реже, но основное содержание происходивших там процессов было в значительной мере аналогичным. Что касается соседствующего с «возрождением» понятия «просвещение», то оно применяется в странах Центральной и Юго-Восточной Европы едва ли не повсеместно. Поэтому представляется, что эпоху перехода от феодализма к капитализму на перечисленных территориях в целом можно назвать «эпохой национального возрождения» или просто «эпохой возрождения». При этом, разумеется, не следует забывать, во-первых, об условности данного термина, а во-вторых, о том, что он подчеркивает общие закономерности исторического развития, но вовсе не подвергает сомнению наличие специфики для тех или иных составных частей региона и для каждой из входящих в него стран.

Основное внимание сосредоточено в статье на рассмотрении следующих вопросов: 1) как соотносится «национальное возрождение» в Центральной и Юго-Восточной Европе с тем, что было в других регионах; 2) каково историческое содержание «эпохи национального возрождения» и как соотносится в нем факторы социально-экономического и политического развития с факторами, относящимися к сфере культуры; 3) каким образом должна учитываться региональная специфика при изучении «эпохи национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и что можно сказать о внутренней периодизации этой эпохи.

¹ Статья написана на базе доклада, прочитанного автором этих строк на симпозиуме по теме «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)».

² Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 93 и др.

Названные вопросы позволяют затронуть как раз то, что представляется особенно необходимым для создания определенной теоретической базы для конкретных исследований.

Прежде чем начать сопоставление «национального возрождения» в странах, расположенных к востоку от Эльбы, с возрожденческими явлениями иного типа, необходимо напомнить общеизвестную, но часто упускаемую из виду истину о том, что закономерности перехода от феодализма к капитализму распространяются не только на Европу. В разное время и не в одинаковых формах указанный переход может осуществляться и на других континентах. Следовательно, результаты любых историко-генетических или историко-типологических сопоставлений будут полными только при учете всех тех населенных территорий земного шара, где данный процесс наблюдался, наблюдается или будет наблюдаться.

Если говорить о европейских вариантах перехода от феодализма к капитализму, то здесь как в собственно историческом смысле (хронологическая последовательность событий), так и в смысле историографическом (изученность проблемы) на первом месте оказывается Запад. С него мы и начнем.

Термин «Ренессанс», как известно, французский, но классическим для Западной Европы вполне обоснованно считается итальянское Возрождение, которое началось в XIV в. Отвлекаясь от разногласий, которые имеются среди специалистов при определении конкретных рамок эпохи Возрождения (эти разногласия в данном случае не имеют существенного значения)³, мы можем зафиксировать, что конечная грань этой эпохи для Западной Европы может быть отнесена к XVI или к первой половине XVII в. Что касается эпохи Просвещения, которая по общему признанию является прямым продолжением эпохи Возрождения, то она датируется в основном XVIII в. Однако ее истоки в ряде случаев лежат в предшествующем, т. е. семнадцатом, а завершающий этап — в последующем, девятнадцатом, столетиях. Следовательно, в западноевропейских странах общая длительность двух эпох составляла триста — четыреста лет.

Западная буржуазная историография традиционно связывает с понятием «Возрождение» и «Просвещение» лишь литературу, искусство, общественную мысль и образование⁴. При этом буржуазные ученые оставляют вне поля зрения глубинные социально-экономические процессы, которые вызвали к жизни соответствующие явления в сфере культуры и полностью детерминировали их основное содержание. Марксистская же наука, исходя из неразрывного единства базисных и надстроечных явлений (при определяющем значении базиса), всегда рассматривала проблемы «Возрождения» и «Просвещения» во всей их широте и комплексности. Прочной методологической основой являются при этом достаточно многочисленные и очень глубокие по своему содержанию высказывания основоположников марксизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали на ведущее место Италии в развитии Западной Европы по пути к капитализму, подчеркивая, что именно с этим в конечном счете связаны возникновение и размах итальянского Возрождения. В предисловии к переводу «Коммунистиче-

³ См. об этом: М. Л. А б р а м с о н. Обсуждение проблем истории Возрождения и гуманизма. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 169—172; С. Д. С к а з к и н. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. Сб. «Средние века», вып. 11, М., 1958.

⁴ О Ренессансе, писал академик Н. И. Конрад, — «говорят в равной мере ученые-немарксисты и ученые-марксисты, но говорят, конечно, по-разному: первые, связывая явления Ренессанса главным образом с историей культуры, особенно искусства; вторые — с общей историей, а в ее сфере — с историей социально-экономической; (Н. И. К о н р а д. Запад и Восток. Статьи. М., «Наука», 1972, стр. 19).

ского манифеста» на итальянский язык, изданном в 1893 г., Энгельс писал, например: «Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени»⁵. К. Маркс в «Капитале» так определяет социально-экономические истоки итальянского Возрождения: «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи»⁶.

Сделав свои первые шаги в Италии, Возрождение охватило и другие страны Западной Европы. Сходные по своей сущности социально-экономические сдвиги неизменно влекли за собой аналогичные изменения в политическом строе и во всей духовной жизни общества. Все эти перемены описаны в одном из вариантов введения к «Диалектике природы». «Вся новая история, — писал Ф. Энгельс, — ведет свое летоисчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией, — французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто, и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований. <...> Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество <...> В спасенных при падении Византии рукописях, вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлым образом исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уж больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы. Рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая в свою очередь послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве сбросили ее и приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и птавившееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века.

Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до этого времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая родила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное государство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно ограниченными»⁷.

Огромное методологическое значение этого высказывания совершенно очевидно. В данном случае, как и в других высказываниях основоположников марксизма, социально-экономические, политические, идеологиче-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 22, стр. 382.

⁶ Там же, т. 23, стр. 728.

⁷ Там же, стр. 345—346. Изложение тех же мыслей в более краткой форме см. там же, стр. 508.

ские и культурные аспекты Возрождения рассматриваются в неразрывном единстве и внутренней взаимосвязи друг с другом. Из этого не следует, разумеется, что историко-культурная тематика не имеет здесь права на самостоятельное существование, однако совершенно очевидно, что эта тематика далеко не исчерпывает Возрождения как научной проблемы, что данная проблема может ставиться и успешно решаться только на комплексной основе, при неслучайном учете огромного диапазона явлений, относящихся и к базису и к надстройке.

Западноевропейское Просвещение основоположники марксизма также рассматривали широко и разносторонне. Они видели в нем эпоху широких идейных движений, характерных для завершающего этапа борьбы буржуазии против феодализма. Существенное отличие эпохи Просвещения от эпохи Возрождения заключалось, по их мнению, в том, что развивавшаяся и окрепшая буржуазия не довольствовалась уже чисто философскими доктринами, литературой, искусством, а вторгалась непосредственно в политические взаимоотношения, ставила и решала вопросы подготовки к захвату власти. И это естественно, ибо эпоха Просвещения была не просто кануном, но и подготовительной стадией к эпохе буржуазных революций.

В «Анти-Дюринге» Энгельс дал развернутую характеристику классическому в своем роде французскому Просвещению. При этом он показал его социальные истоки и вскрыл подлинное содержание ведущих идейно-политических доктрин французских просветителей. «Великие люди, — говорится в «Анти-Дюринге», — которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно <...> Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего <...> Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума — общественный договор Руссо — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁸.

Отталиваясь от приведенных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о западноевропейском Возрождении, попытаемся сопоставить его с теми явлениями, которые были характерны для перехода от феодализма к капитализму на территориях к востоку от Эльбы. Такая попытка вполне правомерна, ибо основоположники марксизма видели свою задачу главным образом в разработке методологии и, естественно, не могли решить все конкретные вопросы. Не случайно, отвечая одному из буржуазных экономистов, пытавшихся искать какие-то частные недоработки в «Капитале», Энгельс в 1895 г. писал: «Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые формы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»⁹.

Начиная сопоставление, остановимся прежде всего на вопросе длительности переходного периода. На Западе, как уже отмечалось, Возрождение и Просвещение в целом длились три-четыре столетия. В большинстве стран, расположенных к востоку от Эльбы, соответствующая историческая эпоха началась во второй половине XVIII, а закончилась

⁸ Там же, т. 20, стр. 16—17.

⁹ Там же, т. 39, стр. 352.

в 70-х годах XIX в., т. е. продолжалась всего около ста лет. На западе процесс капиталистического развития проходил в целом значительно интенсивнее, хотя не без задержек и зигзагов; старые социально-экономические отношения, политический строй и духовная жизнь претерпели там гораздо более глубокие и всесторонние изменения. На территориях к востоку от Эльбы феодализм сопротивлялся несравненно дольше, а когда рухнул, то оставил после себя весьма живучие пережитки, существенно влиявшие на экономическую и идеологическую сферы. Социальная суть переходного периода была аналогичной, но четкость отдельных звеньев процесса на востоке от Эльбы оказалась значительно меньшей; они сместились во времени, как бы паложились друг на друга.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы фактически не прошли в своем развитии этапа, буквально соответствующего классическому Возрождению. Более или менее заметные шаги были сделаны на территории Польши, Чехии и на Далматинском побережье. Об отдельных явлениях, напоминающих западноевропейское Возрождение на раннем этапе его развития, иногда говорят применительно к Болгарии, Венгрии, Греции, а также к другим странам рассматриваемого региона¹⁰. Разумеется, подобные явления нельзя сбрасывать со счетов. Но внимательно изучая их, мы должны помнить, что речь идет о неразвившихся зачатках тех процессов, которые на Западе стали Возрождением, или об отражении идей Возрождения, его культуры, не могущих проникнуть в глубь общественной жизни, так как они не были связаны с ее социально-экономическими устоями. Иное дело эпоха Просвещения, но и она не везде приобрела четко выраженные очертания и весь набор характерных для нее признаков. На Западе без всякого труда могут быть выделены три составные части переходного периода: 1) идейное пробуждение буржуазии, т. е. собственно Возрождение; 2) ее политическое становление, соответствующее эпохе Просвещения; 3) открытая борьба за власть в период буржуазных революций. На Востоке, где феодалы занимали гораздо более прочные позиции, где буржуазия была малочисленнее и слабее, различными фактически две составные части, а местами и они слились воедино. Именно поэтому термину «национальное возрождение» может быть придан здесь собирательный смысл, и термин этот будет относиться ко всей переходной эпохе в целом.

Теперь сопоставим отмеченные Энгельсом особенности западноевропейского Возрождения, заключающиеся в образовании крупных этнически однородных государств, которые стали базой для формирования соответствующих буржуазных наций. На востоке от Эльбы в эпоху феодализма также сложился ряд крупных государств, но они были многоэтничными по составу, причем исторические условия не вели к нивелировке этнических противоречий, а обостряли их. На западе в рамках одного государства складывалась, как правило, одна нация, а социально-экономические процессы, характерные для переходного периода, были настолько интенсивными, что сравнительно легко ломали некоторые внутренние этнические перегородки (примером здесь может служить Франция, где между гасконцами, провансальцами, бретонцами и т. д. до поры до времени существовали весьма значительные отличия). Восточнее Эльбы в рамках одного государства нередко формировалось несколько внутренних рынков и соответственно складывалось несколько наций. Положение осложнялось тем, что одни нации при этом занимали господствующее положение, а другие оказывались в той или иной степени зависимыми от них.

¹⁰ См. И. И. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы М., 1963.

Третья область сравнения связана с общей расстановкой сословно-классовых (социальных) сил в период перехода от феодализма к капитализму. На Западе к моменту решительных выступлений противников старых порядков существовала уже сильная национальная буржуазия и складывался рабочий класс, тогда как почти во всех странах к востоку от Эльбы и буржуазия и рабочий класс были еще очень слабыми; к тому же и среди буржуазии и в рабочей среде зачастую существенную долю составляли инациональные элементы. С другой стороны, наличие острых национальных противоречий внутри государств приводило в лагерь противников существующего порядка, делало попутчиками революции значительное число представителей феодального класса. В результате возникали такие сложные переплетения национальных и социальных интересов, и соответственно, такие внутренне противоречивые социально-политические блоки, которые на Западе были просто невымыслимы, ибо там противоборствующие классовые силы выступали в более или менее чистом виде. На Западе, по словам Энгельса, мощь феодализма сломил бюргерство, причем «на заднем плане борьбы <...> показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата...»¹¹. В странах, расположенных восточнее Эльбы, против феодальных порядков и абсолютистских государств, наряду с крестьянством, выступали: слабая и недостаточно самостоятельная буржуазия, немногочисленные городские низы, которые еще не доросли до уровня «предшественников пролетариата», а также более или менее значительная часть дворян. В этих условиях роль буржуазии была значительно меньшей, а роль крестьянства — значительно большей, чем на западе. Роль крестьянства возрастала здесь и в связи с тем, что, как правило, антифеодальная борьба была для крестьян одновременно и борьбой за национальное освобождение.

Четвертая и последняя сфера для сопоставления — это идеология освободительного движения, определяемая теми социально-экономическими и политическими условиями, о которых говорилось выше. На Западе к концу эпохи Просвещения буржуазия имела свою хорошо разработанную идейно-политическую платформу, а «предшественники пролетариата», о которых писал Энгельс, шли «уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах»¹². Что касается интересующего нас региона, то положение в нем было иным. Идеологи феодально-крепостнического строя удерживали там гораздо более прочные позиции, а буржуазно-мещанская струя в духовной жизни усилилась, но далеко не заняла ключевых позиций. На общественных деятелей, идеология которых так или иначе отражала интересы трудящихся масс Центральной и Юго-Восточной Европы, оказывали определенное влияние доктрины утопического социализма и коммунизма. Но влияние это не было значительным, а распространялось оно чаще всего в форме весьма умеренных идей проповедников христианского социализма типа аббата Ф. Ламенне.

Важной чертой общественно-политического движения в интересующем нас регионе являлся очень большой удельный вес национальных программ. В идеологии деятелей западного Возрождения эти программы вообще не занимали сколько-нибудь самостоятельного положения, тогда как в странах к востоку от Эльбы им почти всегда принадлежала ведущая роль. И в том и в другом случае определяющее значение имели социальные факторы и именно от них главным образом зависели характер и смысл развертывающейся борьбы. Однако на территориях к востоку от Эльбы

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 508.

¹² Там же.

классовые интересы находили свое воплощение преимущественно в национальных требованиях, из-за чего подлинная суть социальных столкновений, характерных для перехода от феодализма к капитализму, оказывалась скрытой или несколько деформировалась национальными факторами. Отсюда специфическая сложность анализа идеологии и программ освободительного движения, связанная с необходимостью выяснения социального смысла национальных требований тех или иных партий, политических групп и отдельных деятелей.

Заканчивая сопоставление Возрождения в Западной Европе и в странах, расположенных к востоку от Эльбы, можно сформулировать следующий вывод. Нет никакого сомнения в том, что речь идет о явлениях, которые однотипны по своей основной социальной сущности и по важнейшим внешним проявлениям в социально-экономической сфере, в области политики, идеологии и культуры. Наличие общих закономерностей неоспоримо, но совершенно очевидна и специфика Центральной и Юго-Восточной Европы. В конкретной исследовательской работе необходимо постоянно иметь в виду как первое, так и второе. Следует учитывать также и то, что территории к востоку от Эльбы вовсе не были отделены «китайской стеной» от Западной Европы, а потому они испытывали влияние Запада и сами влияли на него в социально-экономической, идейно-политической и культурной сферах.

Об «эпохе национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы чрезвычайно интересный сравнительно-исторический материал дает итальянское Рисорджименто. Как известно, под этим названием в историю вошло национально-освободительное движение итальянского народа, продолжавшееся с конца XVIII до 70-х годов XIX в. и имевшее своей основной целью ликвидацию иноземного гнета, уничтожение политической раздробленности, создание единого независимого государства. Истоки движения были связаны с объективной необходимостью уничтожения феодальных отношений, с окончательным утверждением нового, буржуазного строя. Однако после первых шагов по пути капиталистического развития, о которых упоминалось выше, в Италии по многим причинам начались процессы, которые повлекли за собой консервацию феодальных порядков на длительное время; вдобавок страна не могла преодолеть политической раздробленности, а значительная часть ее территории находилась под иноземным господством в той или иной форме. Таким образом, социально-экономические и политические условия были здесь весьма близкими к тем, которые сложились на уже рассматривавшихся нами территориях к востоку от Эльбы. Не удивительно, что Рисорджименто, которое можно рассматривать в качестве «второго издания» итальянского Возрождения, как по хронологическим рамкам, так и по своему историческому смыслу оказалось почти тождественным с «эпохой национального возрождения» у славянских и балканских народов.

Весьма поучительный материал для сопоставлений дает также история немецких земель на протяжении столетия перед 1870 г. В XV—XVI вв. разложение феодальных порядков продвинулось в Германии настолько, что Крестьянскую войну 1524—1525 гг. иногда называют даже ранней буржуазной революцией¹³. Однако в тот период победа реакционных сил значительно затормозила ход экономического развития и привела ко

¹³ См. материалы специальной дискуссии на страницах «Вопросов истории» за 1956—1958 гг., в которой приняли участие М. М. Смирин, О. Г. Чайковская, А. Д. Эпштейн и другие ученые.

«второму изданию крепостничества»¹⁴, а последствия Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. надолго закрепили политическую раздробленность Германии. Быстрое развитие капиталистического уклада возобновилось лишь во второй половине XVIII в. Этот этап ознаменовался появлением просветительской идеологии (Г. Лессинг, Г. Гердер и др.), а также возникновением общественного движения под символическим названием «Буря и натиск». В последующие десятилетия развернулась длительная борьба за ликвидацию феодально-крепостнических порядков и создание на немецких землях единого национального государства. Обусловленная прежде всего социально-экономическими факторами, эта борьба велась и в идейно-политической сфере, литературе, искусстве, причем столкновения осложнялись ожесточенными спорами о путях объединения Германии и острым соперничеством между Австрией и Пруссией.

Весьма любопытным представляется и еще один сравнительно-исторический аспект: сопоставление «эпохи национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе с Просвещением и возрожденческими явлениями в странах Востока. Основные черты эпохи Просвещения довольно подробно освещены в недавно появившемся специальном сборнике статей, изданном Институтом востоковедения АН СССР. Сборник содержит ряд конкретных исследований, относящихся к Турции, Афганистану, странам арабского Востока, Корее, Японии, Вьетнаму, Индонезии, Индии, Малайе. В обобщающей статье ответственного редактора сборника И. С. Брагинского сделано следующее важное обобщение: «Возникновение просветительства на Востоке связано, как и на Западе, с определенными историческими условиями, когда предпосылки капитализма переходят в начало капиталистического производства (преимущественно XIX век) и происходит формирование буржуазной нации»¹⁵.

Что касается Возрождения, то академик Н. И. Конрад указывал на более или менее существенные признаки этой эпохи в Китае VIII—XII вв., а также в Средней Азии, Иране, Закавказье IX—XIII вв.¹⁶ Конкретные выводы Н. И. Конрада далеко не бесспорны, но с точки зрения методологической ход его рассуждений представляется вполне правильным и плодотворным. «...Вопрос об эпохе Возрождения, — говорится в одной из теоретических работ Н. И. Конрада, — перестает быть вопросом истории какой-либо отдельной страны и становится вопросом мировой истории. Вместе с тем возникает и новый вопрос: о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах <...> Поэтому понятие историческое содержание Ренессанса можно только на основе учета того, что имело место во всех странах, так или иначе затронутых этим движением, группируя их на основе их исторических связей по определенным культурно-историческим зонам, например европейская, восточноазиатская, средневожосточная. Ренессанс же как явление мировой истории во всем своем историческом значении раскрывается только при сопоставлении явлений Ренессанса как в отдельных странах, так и в каждой из возможных зон. И в этом общем свете гораздо отчетливее станут явления Ренессанса в каждой стране — их качество, их значение, их историческая роль»¹⁷. Думается, что с таким толкованием эпохи Возрождения, превращающим его в неотъемлемую часть всемирной истории, не согласиться просто невозможно. Трудно не увидеть также, что аналогичный подход вполне пра-

¹⁴ Подробнее см. С. Д. С к а з к и н. Основные проблемы так называемого второго издания крепостничества в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

¹⁵ «Просветительство в литературах Востока. Сборник статей». М., «Наука», 1972 стр. 315.

¹⁶ Н. И. К о н р а д. От автора. В кн. Запад и Восток, стр. 5.

¹⁷ Н. И. К о н р а д. Об эпохе Возрождения. Там же, стр. 242.

вомерен и для эпохи Просвещения (об этом особенно убедительно свидетельствует уже называвшийся сборник под редакцией И. С. Брагинского). А раз так, то изучение «национального возрождения» народов Центральной и Юго-Восточной Европы должно непременно осуществляться на широком историческом фоне, который позволяет более рельефно и точно осветить многие явления.

Содержание проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму» очень многогранно. Поэтому мы попытаемся лишь обозначить и в самой краткой форме охарактеризовать те ее составные части, которые представляются наиболее важными и существенными.

Это прежде всего переходные явления в социально-экономической сфере и процесс первоначального накопления. Думается, что с точки зрения проблемы «национального возрождения» в указанном процессе особенно важно обратить внимание на социальные последствия экономических сдвигов, происходивших в городе и деревне. Рассматривая их, Маркс в первом томе «Капитала» писал: «В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера»¹⁸. Другим хорошо известным образцом конкретно-исторического рассмотрения данного круга вопросов применительно к восточноевропейским условиям является работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Общие оценки и методологические высказывания основоположников марксизма-ленинизма облегчают анализ уже накопленного и впервые вводимого в оборот страноведческого материала, сопоставление и обобщение его по отдельным зонам и в рамках всего изучаемого региона. Здесь главная задача должна состоять, по-видимому, в том, чтобы, во-первых, проследить складывание новой структуры общества, а во-вторых, вскрыть объективные социально-экономические факторы, оказывающие влияние на темпы и специфические черты формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Большое значение в формировании наций имеет язык. Без единого языка не может сложиться и нормально функционировать внутренний рынок, без него немислимо сколько-нибудь широкое распространение чувства этнического единства, невозможно то значительное расширение, углубление, упрочение самых многообразных, а не только экономических связей между различными общественными группами и отдельными членами общества, которыми характеризуется переход от феодализма к капитализму. Становление единого национального языка и функционирование его сначала в торговле и повседневном общении, а затем — в литературе и искусстве составляет особый круг вопросов, чрезвычайно важных для проблемы «национального возрождения». Хорошо понимая, что необходима разработка этих вопросов в чисто языковедческих аспектах, мы должны помнить, что для решения проблемы в целом прежде всего нужны те стоящие на пограничье языкознания с историей и литературоведением исследования, которые относятся обычно к рубрике «язык и общество».

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728.

Еще одной важнейшей составной частью проблемы «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы является, на наш взгляд, генезис и развитие национального самосознания. Отдельные его проявления обнаруживаются и на более ранних этапах, но реальной силой, так или иначе объединяющей значительную часть общества, национальное самосознание становится лишь при переходе от феодализма к капитализму. Процесс формирования нации определяется материальными факторами, в том числе изменениями классовой структуры, но его развитие и завершение немисливо без широкого распространения национальных чувств, без появления национального самосознания в форме различного рода национальных программ и национально окрашенных философских, исторических и иных научных доктрин, без национальной литературы и национального искусства, без книгопечатания и школы на национальных языках. Конечно, изучению «национального возрождения» в конечном итоге содействует любое частное исследование, относящееся к указанной тематике. Однако представляется несомненным, что для исследования проблемы в целом наибольшую пользу могут принести те работы, которые вскрывают органическую связь между всем, что перечислено выше, и национальным самосознанием, работы, отражающие наиболее важные результаты изучения историко-культурной проблематики.

Характеризуя социально-экономические процессы интересующей нас эпохи и отмечая объективную необходимость устранения всяких препятствий на пути развития национального языка и литературы, В. И. Ленин особо подчеркивал, что для полной победы товарного производства требуется не только завоевание внутреннего рынка буржуазией, но и «государственное сплочение территорий, говорящих на одном языке»¹⁹. Если на западе Европы эта задача переходного периода осуществлялась относительно легко, то на территориях к востоку от Эльбы возникли такие трудности, что на преодоление их иногда не хватало всей эпохи капитализма. На наш взгляд, это является следующей составной частью проблемы «национального возрождения». Национальные движения и национально-освободительная борьба относятся к сфере политики, но они тысячами нитей связаны с теми социально-экономическими и идеологическими факторами, которые перечислялись выше. При этом речь идет о двусторонней связи, ибо, с одной стороны, характер национальных движений, их политическая программа и результаты обуславливаются кризисом феодально-крепостнических отношений, формированием наций и складыванием национального самосознания, а с другой, на все эти факторы оказывают обратное воздействие национальные движения, причем иногда это воздействие бывает довольно значительным²⁰.

Из сказанного явствует, что к числу важнейших составных частей проблемы «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы представляется возможным отнести: а) содержание и основные результаты социально-экономических сдвигов, характерных для перехода от феодализма к капитализму; б) процессы формирования наций, национального самосознания и национальных культур, взятые

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258.

²⁰ См., например, С. В. Никольский. Художественное сознание эпохи национального возрождения. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 53—61; Л. А. Обушеникова, В. И. Фрейдзон. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие национального самосознания. В сб. «История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М., 1973, стр. 125—149; В. И. Злыднев, И. И. Лещиловская, Е. П. Львова. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур. Там же, стр. 330—343.

в их наиболее существенных проявлениях и общих закономерностях; в) основное содержание и реальные итоги национальных движений и национально-освободительной борьбы, направленной на восстановление или завоевание политической независимости. Хорошо понимая, что этот перечень охватывает лишь магистральные направления исследований, но не дает полного представления о всем многообразии тематики, которая входит в проблему, назовем ряд тем, дополняющих и конкретизирующих названные выше направления, хотя и не исчерпывающих их содержания: специфика формирования наций в ее взаимосвязи с особенностями социально-экономического развития отдельных стран, субрегионов и региона в целом; анализ национальных программ (взятых отдельно и в сопоставлении друг с другом) с точки зрения их социальной обусловленности и идейно-политического содержания; обобщение истории национальных движений в смысле сопоставления их форм, задач, социального облика и достигнутых результатов; взаимосвязи между борьбой за социальное и национальное освобождение (на примере отдельных народов и в сравнительно историческом освещении); национальные движения и идея межнационального революционного сотрудничества; объективные истоки, политическая интерпретация и роль идеи славянского единства на различных этапах исторического развития; исторические и культурные связи народов Центральной и Юго-Восточной Европы с соседними народами как фактор их развития в период перехода от феодализма к капитализму; эволюция национальных программ в странах региона, условия и формы превращения национальной идеологии угнетенного народа в национализм; складывание единого литературного языка и его роль в формировании нации для одного народа или в плане сопоставления; вклад отдельных слоев общества в национальную культуру и ее восприятие различными социальными группами; соотношение между понятиями «национальная и народная культура», между понятиями «культура феодального общества и буржуазная культура»; формирование национальной интеллигенции в отдельных странах, в субрегионах и регионе в целом; генезис национальных литератур и сравнительно-исторический анализ соответствующих процессов в сопоставлении с процессом формирования наций и национального самосознания; возникновение национального театра, музыки, изобразительного искусства, национальных элементов в архитектуре; их связь с формированием нации и национального самосознания; место фольклора в становлении и развитии национального самосознания; развитие книгопечатания на национальной основе и его влияние на формирование нации, национального самосознания; взаимосвязи между формированием нации и развитием школы; национальные направления в педагогике; соотношение между национальным самосознанием и различными формами религиозной идеологии.

В заключение коснемся вопроса о внутренней периодизации «национального возрождения» народов Центральной и Юго-Восточной Европы и об изучении специфики процессов на тех или иных территориях.

При этом следует учитывать, что каждая из трех основных частей проблемы (социально-экономические сдвиги; формирование наций, национального самосознания и национальных культур; национальные движения и национально-освободительная борьба) может иметь свою собственную периодизацию. Периодизация проблемы для отдельных субрегионов, органически связанная как с общеисторической периодизацией, так и периодизацией отдельных составных частей проблемы, может полностью не совпадать ни с той, ни с другой.

Известно, что, рассматривая капиталистическую формацию в целом, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал коренное различие, в зависимо-

сти от характера национальных движений, между двумя частями этой формации. Первую из них он называл эпохой «краха феодализма и абсолютизма», эпохой складывания буржуазно-демократического общества, противопоставляя ей эпоху «сложившихся капиталистических государств (...), которую можно назвать кануном краха капитализма»²¹. Совершенно очевидно, что первая эпоха для Центральной и Юго-Восточной Европы фактически совпадает с «эпохой национального возрождения». За конечную хронологическую грань этой эпохи можно принять 70-е годы XIX в., так как к этому времени почти во всех странах указанного региона кончился тот исторический этап, содержание которого охарактеризовано у В. И. Ленина следующим образом: «Пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств»²².

Опираясь на ленинские определения и на приводившиеся выше аналогичные высказывания Маркса и Энгельса о западноевропейских странах, попытаемся определить начальную грань «эпохи национального возрождения» для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Сколько-нибудь точная датировка «пробуждения национальной жизни» возможна лишь для каждой страны в отдельности, да и то не во всех случаях. Говорить о всей территории на восток от Эльбы значительно труднее, но думается, что не будет ошибкой, если мы отнесем первые признаки «национального возрождения» ко второй половине XVIII в. Именно так определены нами хронологические рамки проблемы «Закономерности развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму», именно в этих рамках планируются симпозиумы, коллективные труды и индивидуальные исследования по этой проблеме.

Внутри «эпохи национального возрождения» нам представляется возможным выделить два этапа. Основное содержание одного из них соответствует западноевропейским Возрождению и Просвещению, взятым вместе, т. е. охватывает начальную стадию развития капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, а также первый этап формирования наций, национального самосознания, национальной культуры. Суть другого этапа состоит в более или менее открытой борьбе за ликвидацию феодальных порядков, за восстановление или завоевание независимости. Конец первого этапа представляется обоснованным датировать началом 40-х годов XIX в., т. е. тем временем, когда начали созревать непосредственные предпосылки революции 1848 г. Второй этап начинается, по нашему мнению, кануном революции, а завершается тем временем, когда в странах, расположенных к востоку от Эльбы, закончилось становление капиталистических отношений²³. Это был период революций и решающих преобразований социального и политического характера²⁴.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 264.

²² Там же, т. 24, стр. 424.

²³ Видный чешский ученый Ярослав Пурш датирует, например, промышленный переворот в Чешских землях, Нижней Австрии, Каринтии и Штирии 1867—1873 гг., а в Австро-Венгрии в целом — 80-ми годами XIX в. (J. P u ř. Průmyslova revoluce. Praha, 1973, s. 692).

²⁴ И. И. Лещилова в своей интересной статье «О социальной сущности и периодизации хорватского возрождения» («Советское славяноведение», 1971, № 5) пишет: «Революционные годы явились для Хорватии завершением периода „национального возрождения“ и одновременно началом капиталистической эпохи...» (стр. 42). Думается, что такая датировка неточна, ибо она охватывает только ту часть эпохи перехода от феодализма к капитализму, которая относится к первой из названных формаций, оставляя за бортом завершение важнейших процессов «национального возрождения», развернувшихся по-настоящему только после революции 1848 г.

О региональной специфике явлений, относимых нами к проблеме «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, было немало дискуссий, которые отчасти нашли свое отражение в печати²⁵. Автор этих строк убежден, что особенности социально-экономического, политического и культурного развития этих стран в «эпоху возрождения» дают основания и даже обязывают нас выделить на территориях к востоку от Эльбы три более или менее самостоятельных субрегиона. К первому из них относятся входившие в Габсбургскую монархию территории с венгерским, румынским, чешским, словацким, польским, украинским и югославянским населением, ко второму — находившиеся под властью Османской империи румынские, греческие, албанские, болгарские и югославянские земли, а к третьему — подвластные Пруссии и России польские земли, а также территория с серболужицким населением. Необходимость выделения балканского субрегиона, где на экономику, культуру и политическое устройство весьма существенный отпечаток наложило многовековое турецкое владычество, едва ли требует особой аргументации. Между двумя остальными субрегионами есть немало сходного. Однако различия в экономике, политической ситуации, а особенно в характере национальных движений настолько значительны, что объединение их в один субрегион представляется необоснованным ни с теоретической, ни с практической точки зрения.

Вводя предложенную (или иную) внутреннюю градацию, необходимо сделать две существенные оговорки. Первая из них касается тех народов, земли которых были разделены между двумя, а то и тремя более сильными соседями. Ясно, что, учитывая специфику каждого из субрегионов, мы не должны забывать о том, что история соответствующих народов как в «эпоху национального возрождения», так и на предшествующем этапе составляла единое неразрывное целое. Вторая оговорка касается соотношения между закономерностями, общими для всего региона, и спецификой каждого из трех субрегионов. Учитывая широкую историческую перспективу, о которой много говорилось выше, мы должны отчетливо видеть общие закономерности глобального масштаба, а также общие черты, присущие Европе в целом и территориям к востоку от Эльбы. Однако это ни в коей мере не должно мешать самому тщательному изучению специфики каждого субрегиона, в особенности балканского, где эта специфика наиболее ощутима.

Высказанные соображения, относящиеся к теоретическому содержанию и внутренней структуре проблемы «Закономерности развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму», подводят нас вплотную к «технологии» ее разработки. Этой стороне дела можно было бы не придавать особого значения, если бы речь шла о простом накоплении материала «в запас», которое может осуществляться в более или менее стихийном порядке. Но ведь предполагается осуществить качественный скачок к широкому обобщению по проблеме в целом, причем сделать это в минимальный срок и на максимально добротной фактической основе. В таких условиях выбор путей и способов организации исследовательской работы приобретает далеко не второстепенное значение. Какие же выводы по этому поводу можно сделать из сказанного выше?

Первый из них вытекает из многоаспектности, сложности и сугубо комплексного содержания проблемы «национального возрождения». На-

²⁵ См. И. С. М и л л е р. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения. «Советское славяноведение», 1972, № 4, стр. 34—35; Д. Ф. М а р к о в. Там же, стр. 88—89; 93—94.

званные особенности проблемы требуют не только участия в ее разработке специалистов различного профиля, не только полной согласованности их усилий, но и строгого соблюдения пропорций при изучении составных частей проблемы, постоянного соотношения частных результатов исследования с задачами и итогами исследования проблемы в целом. Ведь задача состоит не столько в односторонней, хотя и глубокой разработке отдельных обособленных участков, сколько в том, чтобы двигаться широким фронтом, прежде всего обеспечивая решение узловых вопросов и завершения исследований, дающих материал для широкого обобщения, для подытоживания результатов работы во всем ее объеме.

Второй вывод касается возможных способов подведения итогов. Теоретическое содержание и внутренняя структура проблемы определяют три направления, по которым может идти обобщение. Одно из направлений можно было бы назвать предметно-тематическим; другое — региональным, а третье — структурно-хронологическим. Первое направление сводится к более или менее самостоятельной разработке отдельных составных частей проблемы, таких как: генезис капиталистических отношений и его отражение в экономике и социальной структуре общества; становление и развитие национальных культур; формирование наций и национального самосознания; появление собственных литературных языков и их роль в «национальном возрождении»; национальные движения и борьба за создание или восстановление политической независимости. Второе направление подразумевает сочетание синтеза материалов по каждому из субрегионов с обобщением, которое охватывает основные явления в масштабах всех территорий к востоку от Эльбы. Третье направление имеет в виду состоящее из двух частей, но внутренне единое обобщение, в котором первая часть охватывала бы начальный этап «эпохи национального возрождения» — с начальных проявлений национального пробуждения до 40-х годов XIX в., а вторая — революцию 1848 г. и завершающий этап «национального возрождения».

Каждый из названных способов одинаково правомерен, если отвлечься от фактора времени и забыть о трудностях, которые связаны с комплексностью изучаемой проблемы. Но так поступить нельзя, и это заставляет отдать предпочтение второму и третьему способам, которые, кстати говоря, не исключают, а дополняют друг друга. Что же касается первого, то он так или иначе обособляет каждую из составных частей проблемы, в связи с чем нарушается комплексность подхода к ней, и неизбежно замедляет темп работы, ибо возможные в данных рамках обобщения могут служить лишь промежуточным звеном, подходом к генеральному синтезу, охватывающему проблему в целом. Предметно-тематический аспект представляется уместным и необходимым на подготовительной стадии работы, включающей проведение нескольких тематических симпозиумов и осуществление ряда исследований более или менее частного характера. Но работы подготовительной стадии нельзя превращать в самоцель, от них необходимо как можно скорее переходить к завершающему этапу разработки проблемы, который неизбежно ведет нас к подлинно комплексным обобщениям регионального и структурно-хронологического характера.

Сказанное далеко не исчерпывает теоретических и научно-организационных вопросов, относящихся к разработке проблемы «Закономерности развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». Автор не ставил перед собой подобной задачи; в статье изложены размышления, которые автор вовсе не считает исчерпывающими, а рассматривает лишь как исходный рубеж для дальнейшего обсуждения.

Н. БОГОМОЛОВА

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОЭЗИЯ ЛЕОПОЛЬДА СТАФФА

Сборники «Лозина» (1954) и «Девять муз» (1958) составляют последний, завершающий этап длительного и плодотворного творческого пути Стаффа. Как когда-то лирика 1930-х годов явилась вершиной всего созданного до тех пор поэтом, так теперь сборники 1950-х годов, свидетельствующие о неувядающем стаффовском таланте, неожиданно открыли его новые, блистательные возможности и были высоко оценены критикой. «Если смотреть на сборник „Лозина“ (добавим от себя: и „Девять муз“.— Н. Б.) глазами современного читателя, то он окажется самым выдающимся и в художественном отношении наиболее зрелым из всех поэтических циклов Стаффа»¹.

1950-е годы в польской поэзии ознаменованы не только новыми достижениями таких признанных мастеров, как В. Броневский, Ю. Тувим, Я. Ивашкевич и К. И. Галчиньский, но и успехами молодых поэтов: А. Каменской, В. Шимборской и дебютировавшего во время войны Т. Ружевица, выступившего от имени поколения «уцелевших», чья поэзия с постоянным, мучительным обращением к памяти трагических военных лет стала «совестью» современников. Именно линия поэзии Ружевица, подчеркнута стремящегося к прозаизации, к непосредственности поэтической выразительности, оказалась наиболее близкой творчеству Стаффа 1950-х годов.

В последних томиках стаффовской поэзии отразилась сложность мировосприятия человека XX в., пережившего ужасы второй мировой войны, национальную трагедию, свидетеля огромной, совершавшейся в это время в Польше общественно-экономической ломки. В них оставила свой след и напряженность послевоенных лет с нависшей над Европой угрозой атомной войны.

Сложный характер сборников определил неоднозначную интерпретацию их со стороны польской критики. Существует точка зрения Яструна, отметившего утрату автором «Лозины» и «Девяти муз» гармоничного мировосприятия, душевного равновесия, разочарованность поэта в своих прежних идеалах, тревожную атмосферу сборников, пессимистический, граничащий с экзистенциалистским взгляд поэта на действительность. «Стафф,— пишет Яструн,— достиг той границы, за которой начинается хаос и непознаваемое. Поэт, придерживавшийся концепции искусства и понимания жизни XIX в., в конце своего пути столкнулся с абсурдностью и мраком нашего столетия»².

¹ J. Kwiatkowski. L. Staff. Obraz literatury polskiej XIX i XX wieku. «Literatura okresu Młodej Polski», t. I. Warszawa, 1968, s. 484.

² M. Jastrun. Ostatni Staff. «Między słowem a milczeniem». Warszawa, 1960, s. 418—419. См. также: M. Jastrun. L. Staff. «Poezja i rzeczywistość». Warszawa, 1965, s. 219.

Е. Квятковский не разделяет точки зрения Яструна относительно пессимистического перелома в творчестве Стаффа и, напротив, обращает внимание на верность поэта оптимистической концепции мира³.

Если говорить о пессимизме Стаффа, вызывает сомнение прежде всего «внезапность» утраты им в 50-е годы гармонического мировосприятия, подчеркиваемая Яструном. Эта утрата не была столь неожиданной, ее подготовили циклы 30-х годов, в которых поэт окончательно выходит из своего идеально-эстетизированного мира в мир действительности, зло смеется над общественной системой 30-х годов, над громкими фразами об общественном благе, над обезличиванием («Митинг», «Афиша» и др.), обнажая социальные контрасты («Нищий»), иронизируя над духовным убожеством обывателя («Воскресная прогулка», «Бережливый» и др.). Односторонности, плоскости мещанского мышления Стафф противопоставляет объемное восприятие мира в его многогранных связях и проявлениях. В сборнике «Высокие деревья» (1934) гармония мира отрицалась, а выступала в усложненной форме: «кроме правд и обманов, есть еще третья». Акцентируется уже не гармония двух существующих в мире, человеческой природе противоположных начал (кредо Стаффа 1910-х годов), а сложность их взаимосвязей.

В сборниках «Лозина» и «Девять муз» этот акцент перенесен уже на их антитезу. «Очарованность поэта тем, что само по себе противоположно, — справедливо замечает Квятковский, — становится явным и выразительным»⁴.

В стихотворении «Именно» в шутилой, близкой Тувиму, форме поэтизируется пробуждение весны — светлые «именины апреля»: «апрель вымолвил свое имя, шумя свежими веточками березы, а что оно рифмуется с сердцем, не пришло мне в голову...» (образы природы соединяются с образами поэтического творчества, человеческого состояния, и именно из этого союза возникает особый характер поэтизации).

Стихотворение заканчивается утверждением:

...Taki właśnie jest cały sens wiosny.
Ale i całkiem inny...
...Именно в этом весь смысл весны.
Но и совсем в ином...

Мир раскрывается с различных, противоположных граней. Определяющим является человеческое восприятие. Акцентируется его неоднозначный, двойственный характер. Четко проведена антитеза — гармония невозможна.

Эта мысль о двойственности человеческого восприятия мира еще более заостренно выражена в стихотворении «Круги». Рисуются две развернутые, взаимоисключающие, экспрессионистически окрашенные картины, символизирующие диаметрально противоположный характер восприятия одного и того же явления (возвышенный — сниженный), соединенные между собой по принципу: «но было совсем иначе».

...Когда зловеди тучи в небе,
И ложь повсюду, и все ничтожно,
Пою от злости, смеюсь во гневе.
Как это просто. Как это сложно.

«Спокойные думы...», сб. «Лозина».
Перевод А. Эппеля

³ J. K w i a t k o w s k i. U podstaw liryki L. Staffa. Warszawa, 1966, s. 169, 172. См. также: J. K w i a t k o w s k i. L. Staff, s. 484.

⁴ J. K w i a t k o w s k i. U podstaw liryki L. Staffa, s. 162.

Смех, ирония становятся заслоном боли, отражением неприятия царящего в мире зла, фальши, своеобразным выражением общественной, нравственной позиции художника. Стихотворение построено на двойном парадоксе (парадоксальность реакции: «пою от злости...» готовит выразительную антитезу заключительной строки, отражающей двойственность человеческого состояния, точнее, два его оценочных полюса). Именно в этой парадоксальной релятивистской позиции (которая прослеживается на протяжении всего стаффовского творчества) Квятковский справедливо видит оптимистический источник мировосприятия поэта⁵. Обычно соединенная с элементами юмора, иронии, эта двойственность, контрастность восприятия становятся выражением определенного стоицизма.

Восприятие поэта, мир его эмоционального состояния сложны. Не в гармоническом согласии, как когда-то, живут здесь диссонансные чувства: в каждом из них открывается как бы собственное его отрицание — «наипечальнейшее души веселье» («Паганини»). Кажется, что Стаффа привлекает рождение не света, а мрака («Тень»). Трагична миниатюра «Опоздавшему» об органиченности человеческих возможностей, о бессилии достичь цели. «Поколебалась вера поэта в постоянство и познаваемость мира»⁶.

Новый мир Стаффа зыбок, неопределенен. На одной плоскости оказывается живое, реальное и — ускользающее, несуществующее:

У окошка в потемках
 Мать колыбель качает,⁷
 Где спит ребенок,
 Но только нет колыбели,
 Но только нет и ребенка.
 Пропал он, расплылся в тумане.
 Мать сидит одиноко в потемках,
 Баюкает воспоминанье.

«Мать», сб. «Лозина».
 Перевод А. Гелескула

Этот мир трудно выражаем словами. И поэтому так часто на помощь автору «Лозины» приходит музыка («Флейта», «Мечта», «Закат», «Новсенс»). И напротив, поэт «находит выражение тому, что невидимо, материализуя абстракцию»⁷. «Годы и века», как немые слушатели, скрываются по углам библиотеки («Время от времени»).

Время становится центральной проблемой сборников Стаффа, особенно «Девяти муз». Певец «вечного», открывавший его даже в мимолетном, теперь утверждает зыбкость всего существующего, приоритет мгновения. Постоянству мертвых вещей противопоставляется быстротечность человеческой жизни: «только то, что мертво, не гибнет, воплощенное в гранит и бронзу» («Живая Нике с Акрополя»). Эпопея переживает Гомера («*Quandoque bonus dormitat Homerus*»). Справедливо замечает Яструн, что «никогда до этого не было в стаффовской поэзии таких глубоких, таких пронизывающих образов преходящести всего живущего в мире, как в стихотворении «Осень» или «Сорокалетие»⁸.

...Мы были будущим тогда. Где время
 То, с городами и с горами теми.

⁵ Ibid., s. 172.

⁶ M. J a s t r u n. L. Staff, s. 224.

⁷ Ibid., s. 217.

⁸ M. J a s t r u n. Ostatni Staff, s. 420.

Над гробом, где былое погребло их,
 Нет нас обох.
 Перед порогом, хоть его уж нету,
 Кладу я сердце, хоть его уж нету,
 Как ту подкову, хоть подкову эту
 Не потеряло
 Счастье.

«Сорокалетье», сб. «Девять муз».
 Перевод В. Британишского

Стремясь показать уничтожающую силу времени, Стафф применяет прием двойного отрицания.

«Перевернутыми» оказываются привычные представления о времени, его последовательности, стерты, точнее, раздвинуты его границы («Возраст», «Время», «Мгновение»). Освобождение от оков времени понимается Стаффом как тождественное обретению былой гармонии, «утраченного счастья», которое казалось таким недостижимым. Автор «Девяти муз» возвращается в юность:

...Это правда ли? Снов ли безумных обману?
 Это было до вечности! До бытия!
 Не цветы, не деревья, не райские страны —
 Юность! Юность! Ведь все это юность моя!

«Возвращение», сб. «Девять муз».
 Перевод В. Британишского

Одновременно с появившимся страхом перед грозной силой времени в этих «временных смещениях» безусловно нашли свое отражение новые открытия в области физики, расширившие прежние представления о материи, о времени⁹.

Внимание поэта сконцентрировано не столько на многогранности самих явлений мира («Высокие деревья»), сколько на субъективности человеческих представлений о нем. В сложном восприятии отразился трагизм недавних переживаний, связанных с войной, оккупацией, нанесших удар по гуманистическим идеалам и традициям. Стафф уже «не олимпийский и не францисканский». Вместе с былыми представлениями о времени «перевернуты» и представления о прекрасном. Образы античного мира, его искусства и легенд пронизаны иронией: играет на флейте безголовый стройный мраморный фавн («Фавн»), отказывается освободиться от оков Прометей — ему нравится кавказский фон («Прометей»).

Прошлое незабываемо. Тревожна атмосфера стаффовских стихотворений: «Три города», «Садовники», «Noggor vacui», «Человек». Подобно Т. Ружевичу и с той же прозаической интонацией, производящей особенно сильное впечатление, Стафф постоянно напоминает живущим о моральной ответственности, о памяти:

Три маленьких города,
 Таких маленьких,
 Что могли бы втроем в одном уместиться.
 На карте их нет,
 В войну их разрушили,
 Потому что в них жили люди,
 Работящие, тихие,
 Мирлюбивые.

⁹ На это обращает внимание Е. Квятковский: J. K w i a t k o w s k i. U podstaw liryki L. Staffa, s. 165.

О люди частные, безучастные,
Почему никто из вас не ищет эти города?..

«Три города», сб. «Лозина».
Перевод Б. Слуцкого

В сложном восприятии мира отразилась и просто человеческая усталость 79-летнего поэта, болезнь, нарушавшая его душевное равновесие. В одном из стихотворений у Стаффа вырывается откровенное признание:

Светает,
Но еще не светло,
Я полупроснулся.
Вокруг беспорядок.
Что-то надо связать,
Что-то надо собрать,
Выяснить что-то.
...Очень болит голова.

«Пробуждение», сб. «Девять муз».
Перевод А. Эппеля

Однако это стихотворение имеет и другое значение: «беспорядок» (ощущение его передано непосредственно и в стилевом, и в ритмическо-интонационном, свободном строе стиха. — *Н. Б.*) здесь — это не просто беспорядок в комнате беспомощного старика, это и сознание невозможности охватить новую, сложную действительность рамками того «классического порядка», в построении которого Стафф всегда видел смысл и оправдание поэзии, искусства. Поэт словно бы отождествляет себя с историей: «что-то надо связать» и в истории, где в результате происходящего грандиозного перелома на какой-то момент «распалась связь времен», и во внутренней биографии Стаффа¹⁰. Таким образом, Британишский находит еще одно объяснение «распаду временному», связывая его с потрясением поэта совершавшейся у него на глазах ломкой общественных, экономических, нравственных отношений.

Выше уже отмечалось, что в самой парадоксальной релятивистской позиции Стаффа скрыто стоическое начало. Еще явственней оно выразилось в стихотворениях: «Бремя», «Фундамент», «В дороге», «Рябина». В прошлом поклонник Эпикура, Стафф в последние годы жизни склоняется к стоицизму. Сложен смысл миниатюры «Фундамент». Это не дорога в «никуда», как интерпретирует ее Яструн¹¹. Ощущение тяжести пережитого, кошмара газовых камер концлагерей (именно об этом говорят последние строки) огромно, и все-таки поэт, словно напрягая последние силы, вновь готов поверить в созидательные возможности человека, в возрождение:

На песке я построил —
Рухнуло.
На граните построил —
Рухнуло.
Теперь начну
С печного дыма.

«Фундамент», сб. «Лозина».
Перевод А. Эппеля

¹⁰ В. Б р и т а н и ш с к и й. Классик неклассического века (Поэзия Леопольда Стаффа). «Вопросы литературы», 1972, № 9, стр. 61.

¹¹ М. J a s t r u n. Ostatni Staff, s. 417.

Именно это стоическое начало ощутил в стихотворении Стаффа Ружевиц, непосредственно обратившись к его заключительной строке в «Ветке оливы»¹². Певец прекрасного, творений человеческого гения, увидевший это прекрасное в руинах, — нашел в себе силы обрести надежду, состояние внутреннего обновления, свободы, парадоксального сознания «выхода из самого себя»:

Проблем не решают.
 Проблемы переживают,
 Как дни, что прошли и пропали,
 Как спощенную одежду,
 Из которой вырос:
 Скинул с плеч —
 И в последние двери
 Входишь нагой и свободный,
 Словно рассвет.

«Проблемы», сб. «Девять муз».
 Перевод А. Эшеля

Несмотря ни на что остается вера — «почь безоружна перед рассветом» («Мир»). И по-прежнему Стафф «доверчив и полон уверенности, ожидая без сомнений того единственного мгновения, когда на свете будут одни лишь радости и на всех циферблатах — единое время» — «Письмо» (снова высказывается мучившая поэта мысль об «освобождении» от времени, тождественном обретению гармонии).

Стихи последних стаффовских сборников далеки от однозначности. Время необратимо. Эпопея переживает Гомера, человеческая жизнь бессильна перед временем. Но в неумолимом его течении заключена и великая идея исторического развития, обновления:

...А надежда будет возрождаться.
 Новым чудом новый день придет.
 Эпопея будет продолжаться,
 Хоть Гомер немного и вздремнет.

«Quandoque bonus dormitat Homerus»,
 сб. «Лозина». Перевод В. Британишского

В стихотворении «Живая Нике с Акрополя» «вечное» искусство не только противопоставлено быстротечности человеческой жизни, но и одновременно (во второй своей части) поставлено на одну плоскость с ней, «уравнено в правах»: образ молодости, хотя и хрупкий, продолжает жить в памяти. А «мертвая» скульптура Нике оказывается подвластной времени — она «оживает» («оскверненная временем, поправляя бапмачок»).

Именно этот акцент «живой» Нике передает название стихотворения. Двойствен смысл и миниатюры «Опережающему». Трагично звучит мысль о непризнании первооткрывателей. Но одновременно в ней содержится и утверждение, что без их усилий невозможен прогресс челове-

¹² ...wbrew ciemności
 błyskającej złotymi kłami
 wbrew burzy która pożerała
 ściany i fundamenty tak
 że poeci zaczynali budowę
 «od dymu z komina».

«Gałązka oliwna». — «Czerwona rękawiczka», 1947—1948.

чества:

Ты пал. Прохожий праздный
Спокойно ставит ногу.
Ну что же — так и должно.
Протаптывается стезя, дорога.

«Опережающему», сб. «Лозина».
Перевод А. Эпцеля

Мир бесконечен, но нет пределов и человеческому разуму («Небо ночью»). Несмотря на сомнения, на пробивающуюся трагическую окраску мироощущения, поэт остается верен своей оптимистической концепции мира, идеалам добра, разума, гуманизма, прогресса — и точка зрения вятковского представляется более справедливой, чем яструновская.

Горькие муки выпали на долю польской нации, тяжело ее наследство, тернист путь к возрождению. Но поэт с пониманием и оправданием относится к трудностям: «Ведь ты знаешь, что трудно идти по уже вспаханной земле» («В дороге»). Он принимает новый, строящийся на его родине мир, мир труда («Сказка о маковом зернышке», «В парке»). Его «привлекают, — пишет Британишский, — молодость и активность нового общества, его динамизм, его увлеченность строительством, его устремленность к будущему»¹³. Новая действительность волнует Стаффа не абстрактной героикой, а конкретной добротой, посвященностью людям. Поэт пишет стихотворение памяти учительницы, спасшей ценой своей жизни четырех детей из огня («Людвика Вавжиньска»). Стафф необычайно внимателен к простым людям, уставшим после работы, заставляя ветер «еле ступая пройти босиком, чтоб не тревожить [их] походкой своей» («Тишина», сб. «Лозина», перевод А. Гатова). Ему близки естественные проявления человеческих чувств («Наутро», «Пробуждение»).

Стафф продолжает линию своей прежней поэзии с ее утверждением значительности малого («Ряска»), открытием прекрасного в повседневном. Сквозь призму сказочной поэтизации рисуется ночной город:

Залиты кровли серебряным месяцем.
Залиты кровли серебряным месяцем.
Залиты кровли серебряным месяцем...
Столпились дома в беспорядке,
Голубых черепиц кутерьма,
Словно чертик, до выдумок падкий,
Крынку ртути плеснул на дома,
Тебя к ступеням сторбянтся.
Улица вдаль пролегла.
А там, над какой-то звонницей, —
Сияющая игла...

«Полнолуние», сб. «Девять муз».
Перевод А. Эпцеля

Одновременно, как и в 1930-е годы, образы, почерпнутые из мира повседневности, сами становятся средствами поэтизации. «Заземленность» возвышенного вносит элемент шутки, иронии и поэтической свежести. Гордая богиня Nike, на чей скульптуре время оставило свои следы, вынуждена поправлять башмачок («Живая Nike с Акрополя»), а в миниатюре «Памятник Мицкевича» атмосферу возвышенного разрушает поэти-

¹³ В. Б р и т а н и ш с к и й. Там же.

ческая игра слов («стоишь, бронзовый на земле, которая не из бронзы»). В рождественскую ночь деревенские ребятишки поймали за лучи «хорошенькую звезду» и держат изо всей силы. «И теперь все дело в том, чтобы желания сбылись» («Звезда»).

Когда-то поэт, подчиняясь внутренней дисциплине, скрывал от читательских глаз процесс своего труда. Теперь он, подобно Тувиму, искренне наслаждаясь своим даром, радуясь неожиданно новой вспышке своего таланта, «ловит» чудо рождения поэтического мгновения («Стих»). Поэтическое творчество становится одним из объектов, одной из центральных тем стаффовской поэзии последних лет («Пean», «Галчинский», «Случай»), наиболее поэтичным отражением и свидетельством оптимистического мироощущения поэта, его неутраченной способности радоваться светлым мгновениям:

В клочки изорвана страница,
 ...Сгорели все четыре строчки.
 Когда ж меня смирила проза,
 Вдруг над зачеркнутой строкою
 Взлетела снежно тубероза.
 Бывает в жизни и такое.

«Случай», сб. «Девять муз».
 Перевод А. Эпшеля

Продолжаются поиски свежих метафорических образов, идущих — с одной стороны — в направлении «заземленности», с другой (часто эти линии перекрещиваются) — в направлении открытия пластических возможностей стиха. Свойственная и прежде поэту чуткость к зримому образу становится особенно обостренной. Пластичность образа достигается не только посредством цвета, но и остроты линии, и ритмической экспрессии, как в «Полнолунии». Подобно Павликовской-Ясножевской, Стафф обращается к более сложному музыкально-цветовому образу: «...И, углубляя блики, граничащие с тенью, закат окрасил землю виолончельным тоном» («Закат», сб. «Лозина», перевод А. Эпшеля).

Однако в лирике 1950-х годов заметны и изменения в сравнении со стихами 1930-х годов. Поэт склоняется к метафоре, развернутой в сюжетный образ — символ двойственности восприятия мира («Круги») или настроения одиночества («Астролог»). Образы как бы поспешно нанизываются один на другой, рисуются достойные пера Лесьмяна фантастические ситуации и картины, выраженные подчас в экспрессивно-гротескной форме. «Эти стихи, менее совершенные в сравнении с прежними, скомпанованные свободнее, представляют собой род фантастического монтажа, где не каждая деталь в отдельности, но лишь вся общая атмосфера произведения заключает определенный символический смысл»¹⁴.

Одновременно с поисками оригинальных экспрессивных средств заметно и стремление к большей простоте выразительности, к раскрепощению стиха. Уже в «Лозине» Стафф старается освободиться от строгих классических канонов стиха, от регулярности ритма; строки становятся неодинаковыми по своей конструкции (больше напоминающими прозаическую речь). Концовка, которая 1930-е годы заключала в себе весь поэтический эффект стихотворения, хотя и не утрачивает своего бывшего значения, однако отраженный в ней характер, в частности поэтического парадокса, изменяется, становясь более непосредственно выраженным.

В «Девяти музах» Стафф, отказываясь от поэтических эффектов, идет еще дальше в направлении подчеркнутого разрыва с классической гармо-

¹⁴ A. S a n d a n e r. Poeci trzech pokoleń. Warszawa, 1955, s. 23.

нией формы. Вместо виртуозных художественных образов — чистота мысли, ее «обнаженность». Подчас стаффовские строки звучат как афоризмы. Не боится поэт, чьи «мысли суетятся в рабочих блузах», и самых простых, кажущихся банальными выражений своего состояния — он сознательно обращается к ним.

Начиная с 1930-х годов Стафф склоняется к короткой поэтической форме. В сборнике «Девять муз» ведущее место занимает миниатюра из восьми, шести и даже четырех нерифмованных строк. Обретает полную свободу стаффовский стих. В конце жизни строгий классик отдает предпочтение верлибру. Неоднозначность мысли, глубокая ироничность соединяются с удивительной искренностью, непосредственностью. Порой создается ощущение, что поэт смотрит на мир глазами ребенка. Не случайно своему последнему циклу он предпослал нечто вроде эпиграфа из букваря: «У Али — кот». С этим особым восприятием мира сквозь призму возвращения в детство, обретения «утраченного рая» связан и совершенно особый образный строй, оставляющий впечатление свежести и легкости импровизации. Так часто скрывавший в прошлом за совершенными стихами свое поэтическое «я» (за что и получавший упреки критики в «безличности»), в конце своего пути поэт словно «снял маску», которую долго носила его поэзия, и заговорил голосом подлинно человеческой исповеди.

Оглядываясь на свой долгий путь и прощаясь со своими читателями, в последнем стихотворении поэт мечтает не о громкой славе, а о простом человеческом признании:

Мои друзья давно в могилах,
 На свете я один остался...
 Менялась жизнь и проходила,
 И сам я, словно жизнь, менялся.
 ...Уйду, презрев молву мирскую,
 Медь монументов, крики «браво».
 Оставлю комнату пустую
 И тихую простую славу.

«Мои друзья давно в могилах...»,
 сб. «Девять муз». Перевод А. Эпцеля

Наиболее близкие по духу современному читателю, свидетельствующие о не утраченной поэтом способности к творческому возрождению, сборники «Лозина» и «Девять муз» остались едва ли не самым удивительным явлением в богатой стаффовской поэзии.

Ознаменованный отречением от былых «классических» привязанностей, новаторскими поисками, последний этап в творчестве Стаффа одновременно является блистательно завершившимся итогом начатых еще в 1910-е годы стремлений поэта к естественности в выражении чувств, к высокой простоте и правде поэтического слова.

Е. ЛЬВОВА

В. ПОПОВИЧ И Г. ДАНЧОВ — МАСТЕРА ЭПОХИ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Подъем национально-освободительного движения в Болгарии в XIX в. привел к активизации творческих сил народа, к созданию произведений, воплотивших дух народной борьбы, ее размах, образы ее героев, картины крестьянского быта. Народность болгарского изобразительного искусства проявлялась не только в социальном происхождении художников, но и в их общественных взглядах или выборе моделей и сюжетов их произведений. То, что принято теперь называть самодеятельным искусством, в эпоху национального Возрождения являлось одной из форм духовного проявления формирующейся нации. Стремление утвердить в разнообразных художественных формах красоту и богатство мира, природу Родины, образы людей и мужество народных героев было присуще не только первым профессиональным художникам нового времени. Наряду с ними почти в каждом селе и городе жили и творили десятки безымянных талантливых мастеров, украшавших повседневный быт крестьян и горожан: зографы, стенописцы, резчики по дереву и металлу, керамисты, создатели декоративных панно в интерьерах фасадов, создатели ковров, тканей, вышивок.

Передовые представители формирующейся интеллигенции, обладая профессиональным умением и навыками, создавали произведения светского характера, станковой живописи, отразили в своем творчестве атмосферу готовящейся революции, порыв к освобождению.

Нередко в одном лице соединялось несколько талантов — например, один из самых ярких представителей болгарского Возрождения, по прозвищу мастер Колю Фичето, архитектор Николай Фичев был инженером, строителем, ваятелем.

Большой интерес представляет творчество В. Поповича и Г. Данчова. В. Попович был первым художественным критиком, драматургом, прозаиком, учителем, общественным деятелем и художником. В. Попович родился в 1832 г. в г. Браиле, учился в гимназии в Киеве (закончил ее в 1856 г.), поступил в 1857 г. в Киевский университет и затем продолжал образование в Москве, на историко-филологическом факультете. В 1859 г. в «Русской беседе» он начал печатать свои повести и стихотворения¹. Рисунки и акварели В. Поповича представляют несомненную художествен-

¹ Как художник В. Попович мало изучен. Первые сведения о его работах см.: А. В а с и л и е в. Стар и неизвестен български художник, родоначалник на битовата ни живопис. «Зора», 27 VIII 1938. Н. Мавродиев не упоминает о В. Поповиче как о художнике, но говорит о его критических статьях. О них же см.: Т. С и л я н о в с к а. Васил Попович и началото на българското изкуствознание, кн. II. «Известия на Института за изобразителни изкуства». София, 1958.

ную ценность². Из известных нам работ следует указать прежде всего на его «Автопортрет» — он интересен не только для понимания творчества В. Поповича, но и для всего болгарского искусства той поры. В. Попович рисует только свое лицо, в отличие от обычных погрудных или поясных портретных изображений других болгарских художников XIX в. В нем читается характер сложный, незаурядный и мужественный. Вкладывая в «Автопортрет» смысл беседы с самим собой, вопросов к себе, В. Попович раскрыл в нем свои сокровенные мысли, страдания и в то же время — силу духа. Художник не склонен идеализировать или приукрашать свою внешность, он видит задачу автопортрета в правдивом рассказе о своем внутреннем мире. «Автопортрет» В. Поповича свидетельствует о владении им приемами графического мастерства: он умело пользуется сочетаниями линий и штриховки, соединяя их со своеобразной живописной тональной лепкой объемов. Судя по графическому наследию В. Поповича, в первую очередь и больше всего его интересовал бытовой жанр. Тематика, к которой обращался В. Попович, очень разнообразна. Многие его работы, особенно акварели, исполнены на высоком профессиональном уровне. Произведения Поповича, хранящиеся в указанном архиве, можно разделить на несколько групп. К первой из них относятся жанровые сцены, как правило связанные с пейзажем. Лучшей работой этой группы представляется миниатюра, изображающая беседу пастуха с группой крестьян. В работе привлекает не только тонкость, артистизм и изящество рисунка, но и пристальное внимание к образу человека, передаче его характера. Образ старого пастуха, как и молодой болгарской крестьянки, исполненной особой красоты и благородства (л. 33), кажется написанным с натуры. Примыкающую к этой работе «Жатву» (л. 35) можно считать одной из первых жанровых композиций на тему о крестьянском труде. Фигуры жниц в национальных костюмах естественно связаны с многоплановым, величественным пейзажем. В. Попович передает тонкие переходы оттенков цвета в природе, воспевая красоту Болгарии, величие ее горных вершин, синеевущих далей, зелень садов. Это один из лучших, подлинно лирических пейзажей той эпохи, где художник передает и простор огромного неба, причем в работе ясно читается самобытность, оригинальность видения художника-живописца, владеющего техникой акварели. Интерес к быту крестьянства, к его повседневному труду проявился и в такой работе Поповича, как «У очага», в десятках зарисовок карандашом и пером.

Другую группу произведений В. Поповича можно было бы назвать предметно-документальными зарисовками — так они точны по рисунку, продуманы в деталях. Это «Букет цветов» (л. 38), нарисованный очень уверенно, построенный в единой гамме зеленых и розовых оттенков. «Угол крестьянского жилища» (л. 34) также одна из самых удачных вещей В. Поповича. В ее реалистической предметности выражена особая любовь и внимание художника к красоте болгарского крестьянского жилища, полному солнца и тепла, к его деталям: открытая дверь с тяжелой металлической ручкой, являющейся также произведением народного творчества, посуда. Эта работа по своему характеру близка русской школе, перекликаясь с интерьерами школы Венецианова чистотой и целостностью восприятия, отношением к крестьянскому быту. Произведение это представляется более удачным, чем, например, «У очага», так как в нем особенно ярко и целостно выражено и отношение художника к жизни, и его умение увидеть красоту в повседневности.

² Значительная часть рисунков и акварелей художника хранится в Государственном историческом архиве (далее — ГИА). София, ф. 988, оп. I, а.е. 33, 34, 35, 37, 38, 40.

К самостоятельной группе можно отнести разнохарактерные произведения романтического плана, где обращает на себя внимание историческая тематика, которая интересовала В. Поповича — представителя возрожденческой культуры. Здесь и наброски образов Всеволода, Игоря, Святослава, и образы рыцарей в шлемах, и романтические скалы, пейзажи церквей и архитектуры городов, и наконец чистый пейзаж — «Буковый лес» (л. 37), нарисованный акварелью, но отличающийся от других работ В. Поповича плотностью цвета, самым колоритом. Образ природы здесь иной — могучий лес с переплетающимися ветвями деревьев кажется написанным маслом. В этом пейзаже нет акварельной тонкости и полутонов, свойственных другим работам художника. Он интересен и по восприятию природы, и по своей композиции, в которой В. Попович ищет передачи глубинной перспективы, многоплановости пейзажа путем градаций зеленого цвета, резкого высвечивания близлежащего пространства. Наконец, к этой группе работ можно отнести и портретные зарисовки, среди которых следует выделить «Портрет болгарской девушки» (л. 31), В. Попович при всей многоликости, многогранности своего творчества представляется фигурой очень цельной, словно собравшей в себе направления поисков, проблемы, характерные черты, свойственные болгарской культуре 60—70-х годов XIX в. Так же как Ц. Цокев, Н. Павлович и Г. Данчов, В. Попович продолжал работать после освобождения (80—90-е годы), развивая сформировавшиеся в период национального подъема тенденции болгарской культуры. Ему свойственны демократизм, интерес к истории родины, к окружающему быту и природе.

Другой художник — самоучка Г. Данчов (1846—1868) родился в г. Чирпане. Творчество Г. Данчова развивалось во второй половине XIX в., а многие его произведения были созданы уже после освобождения Болгарии от турецкого ига. В самобытном творчестве Г. Данчова воплотились наиболее типичные черты художественного творчества национального Возрождения — он прошел путь от иконописи к светскому искусству, став одним из самых интересных портретистов 70—90-х годов. Его портреты по уровню профессионального умения могут поспорить с лучшими портретами Н. Павловича точностью психологической характеристики и тонкостью живописного мастерства. И в то же время Г. Данчов сумел сохранить в своих работах яркость и непосредственность передачи образов, что делает его продолжателем линии Захария Зографа и декоративно-го искусства многих народных мастеров первой половины XIX в.

Богатой и целостной жизни Г. Данчова были свойственны наиболее яркие приметы его эпохи. Основным лейтмотивом его деятельности была борьба за национальное освобождение и стремление к просвещению, к знаниям.

Г. Данчов был смелым и талантливым живописцем. Связь его с народным творчеством особенно органична. Он брался за решение самых труднейших профессиональных задач, порой в самом процессе создания работ овладевая необходимыми навыками и приемами живописи, литографии, перспективы.

В Государственном историческом архиве в Софии, а также в Народной библиотеке им. Ив. Вазова в Пловдиве сохранился интересный документальный материал, связанный с жизнью и творчеством Г. Данчова. Его письма, воспоминания, документы, ранее собранные сыновьями художника, помогают представить себе ту атмосферу, в которой рос и формировался художник. В своей автобиографии Г. Данчов вспоминает: «В те годы Чирпан был довольно большим городом — 14 000 жителей, турок и болгар»³. В середине XIX в. болгарское население Чирпана

³ ГИА, ф. 740, оп. V, а.е. 7, л. 1.

состояло из землевладельцев, ремесленников и торговцев — замечает Г. Данчов и подробно описывает ремесла, распространенные в то время в его родном городе. Интересно его замечание о том, что к художественному ремеслу в Чирпане испытывали особое пристрастие: в каждом доме можно было увидеть штампы или иконы. Г. Данчов рассказывает о своем детстве, о той (типичной для середины XIX в.) системе начального школьного обучения, которую он одолел, начав с псалтыри в килийной школе.

Отец хотел сделать мальчика торговцем, но увлечение рисованием стало решающим в его судьбе ⁴. Г. Данчов вспоминает, что, переписывая жития святых, он начал их иллюстрировать, а иконостасы болгарских церквей стали для него «чирпанской картинной галереей» ⁵. «Переписывая жития мучеников, — пишет он, — я рисовал их лица». Позже он стал набрасывать в отдельном блокноте целые фигуры и сцены. Г. Данчову было тогда 12 лет. Через два года он уже изображал фигуры апостолов, копировал иконы церквей в Чирпане. Один месяц был учеником мастера усто Кынчо из Трявны, работавшего в новой церкви св. Архангела в Чирпане. Но этот известный мастер, подобно представителям других школ в те годы, выполнив полученный заказ, отправился в другой город. В поисках нового учителя Г. Данчов написал письмо иконописцу, изографу Алексию, с просьбой взять его в ученики. Художник подробно описывает, как он был учеником и слугой у мастера Алексия Атапасова, учился у него смешивать краски, рисовать фигуры, моделировать складки одежды, а затем научился и искусству полутонов, делающих объемными фигуры и лица. Учеников у мастера Алексия, как пишет Г. Данчов, было (вместе с ним) три. Они учились «золотить иконы», овладевали техникой иконописного письма. В 1864 г. после девяти месяцев обучения подмастерья под руководством мастера Алексия приняли участие в выполнении заказа на росписи стен в Араповском монастыре.

Как пишет А. Василиев, в настоящее время трудно четко разделить авторство росписей, но высокий уровень художественного исполнения композиций и их значимость в болгарском искусстве эпохи Возрождения не вызывают сомнений ⁶. В первую очередь следует отметить общее мажорное колористическое решение стенописей. Фрески Араповского монастыря чрезвычайно интересны для понимания не только творчества Г. Данчова, но и всего болгарского искусства того времени: это живое свидетельство активного вторжения бытовых элементов в церковную живопись, представляющих по существу серию бытовых сюжетных сцен с десятком действующих лиц. Десять композиций представляют сцены из жизни Кирилла и Мефодия, четко разделенные нарисованными на стене «рамками». Выбор самой темы представляется интересным и типичным для культуры Возрождения — так же как и обращение к И. Рильскому, патриарху Евтимию, которые изображены в тех же стенописях. Патриотическая направленность выражена и в самой трактовке изображенных событий. Так, в одной из сцен изображены крестьяне в местной одежде, слушающие проповедь Кирилла. Художник интересовался не только точностью передачи одежды крестьян, но, в первую очередь, их лицами: выразительно переданы типы крестьян разного возраста — от детей до старцев, внимательно слушающих говорящего. В стенописях Г. Данчов впервые решал для себя трудную задачу построения много-

⁴ Там же, оп. I, а.е. 6, л. 22—24. В варианте автобиографии Г. Данчов подробно пишет о своих родителях и о раннем детстве.

⁵ Там же, оп. V, а.е. 7, л. 9.

⁶ А. В а с и л и е в. Араповски манастир. София, 1973, стр. 4.

фигурной композиции, причем стремился развернуть ее в пространстве, сделать ее глубинной, введя объемный пейзажный фон. Здесь Г. Данчов и его учитель идут вслед за Захарием Зографом, создавая, однако, образы более земные, реалистические. В то же время стенописи Араповского монастыря продолжают традиции декоративного творчества в болгарском искусстве более ранней поры, целиком сохраняя его насыщенные цветовые соотношения, живую непосредственность. Связь искусства с окружающим миром, с жизнью крестьянства проявилась не только в стенописях, но и в декоративном оформлении наружной части скромного по архитектуре здания церкви св. Недели, а также в написанных для нее иконах, в первую очередь — образах Богородицы с младенцем и св. Недели. Представляя вполне реальные образы современных болгарок, обе они исполнены радости жизни и земной красоты. Если в образе Богоматери с младенцем художник изобразил тихую и спокойную радость, то образ св. Недели — совсем иной, словно символизирующий некий вопрос, внутреннее смятение, волнение. Обе иконы, столь различные по переданному в них настроению, «списаны с натуры» — с живых людей, и образы в них имеют явные черты индивидуальности реальных характеров.

Свое самостоятельное творчество молодой художник начинал под руководством мастера Алексия, и уже первые его работы говорят о многом. Видимо, в творчестве мастера Алексия Г. Данчову импонировало умение строить циклы иконографического плана, его тонкое живописное чувство. Хотя далеко не все росписи стен Араповского монастыря одинаково удачны (в них есть и некоторые примитивно решенные сцены), в общем они были важным этапом в патриотическом творчестве Г. Данчова, свидетельствуя о его художественной самостоятельности. Сохранив четкость, ясность, простоту выражения, свойственные народному искусству, Г. Данчов поднимался на иной, более высокий художественный уровень, стремясь к логической завершенности. Сравнительно быстро постиг художник тайны иконописного ремесла, но его работы последующих лет свидетельствуют о его ориентации на решение задач нового, светского и революционного искусства.

В ныне действующей церкви с. Спасово, близ г. Чирпан, сохранились неизвестные подписные иконы мастера Алексия и Г. Данчова (последний подписывался через «е» — Данчев). Нет сомнения в том, что мастер Алексий был одним из самых талантливых колористов эпохи болгарского Возрождения⁷. В его работах привлекает гармония чистых и ярких красок, здесь господствует декоративное начало. Небольшая икона «Св. Козьма и Демьян» (церковь с. Спасово) датирована 1856 г. Фигуры святых изображены в одинаковых фронтальных позах, но ощущение статичности снимается многоцветностью: икона буквально сияет яркими и насыщенными красками. Фон в ней — ярко-синий, одежда святых тоже синяя, но уже иного, более глубокого цвета, с тщательно и умело прорисованными складками; ткань одежды святых покрыта тончайшей по исполнению орнаментальной росписью золотом, которая светится на синем фоне как легкое золотое кружево. Лица святых — круглые, румяные, несколько напоминают по характеру лица стенописей Тома Вишанова. Икона полна радости жизни, света, оптимистического мироощущения, хотя в иконографическом отношении она вполне традиционна.

В церкви рядом с этой иконой находятся еще две, подписанные Г. Данчовым, — св. Филарет и св. Иоанн Рильский-чудотворец. Обе иконы зна-

⁷ Творчество Алексия Изографа (так он подписывал свои работы) мало изучено. См. упоминание о нем в книге: А. В а с и л и е в. Български възрожденски майсторл. София, 1900, стр. 625.

чительно больше по своим размерам и говорят о поисках молодого мастера, стремящегося передать в пределах иконного изображения человеческого характер и глубинность реального пейзажа. Смуглое, седобородов лицо св. Филарета напоминает образы чирпанских ремесленников, портреты которых позже создаст художник. Краски (зеленая, алая и их оттенки) говорят о силе декоративного начала в творчестве Г. Данчова, прошедшего школу мастера Алексия. Икона, изображающая св. Иоанна Рильского, с полным правом может быть названа картиной, изображающей зимний ночной пейзаж. Он господствует в иконе, хотя Г. Данчов написал фигуру святого в традиционной манере, выведя ее на передний план. Синее глубокое небо, серая каменная громада монастыря, запесенного снегом, привлекали художника в первую очередь. Особенно интересно, что Г. Данчов стремился передать неверное, скользящее лунное освещение, которое придает пейзажу романтический характер. Очевидно, Г. Данчов рисовал с натуры. Об этом свидетельствуют и его воспоминания, где художник пишет: «Самым искусным моим учителем была сама природа»⁸. Он замечает также, что стремился, работая с натуры, быть предельно точным в воспроизведении предметов, их цвета и формы.

В эпоху национального Возрождения пейзаж довольно часто вводился в церковные стенописи и в иконы⁹. Чаще всего (особенно в первые десятилетия XIX в.) это был пейзаж-фон, на котором изображалось то или иное событие или персонаж; фон, декоративный по цвету, плоскостный, в котором весьма наивно трактуется деревья, поля, горы, элементы городской архитектуры и т. д. Иногда, вводя пейзажный фон, художник ограничивался тем, что в самой общей форме, почти символически, давал зрителю понять, какое время года изображено на его стенописи или иконе, какая погода сопутствовала данному событию. Так, например, если надо было изобразить грозу, художник рисовал на темно-синем небе серые или белые облака, если это была буря на море, намечал черные волны и т. д. Утрачивая функции символического фона, пейзаж постепенно становился компонентом композиции, играя важную роль в раскрытии сюжета и создании определенного настроения, а вскоре выделился и в самостоятельный жанр.

После работы в Араповском монастыре художник вернулся в Чирпан, изучал математику, богословие, историю, географию (среди своих учителей он вспоминает, в частности, Иордана Ненова). Многие книги он увидел впервые в книжном магазине в Пловдиве, где в 1860 г. ему встретилась литография из серии «Райна — княгиня» Н. Павловича, которая заставила Г. Данчова заняться изучением и практикой графической техники. Эта литография возбудила, как пишет Г. Данчов, его патриотические чувства, и он решил, подобно Н. Павловичу, посвятить свое искусство родине¹⁰. В 1865 г. Г. Данчов отправился в Царьград, поступил на работу в литографическую мастерскую некоего армянина Исариона, был его слугой и изучал в течение полутора лет технику гравирования на камне. Г. Данчов подробно пишет об атмосфере ожесточенной общественной борьбы в Царьграде, о представителях болгарского просвещения. Вернувшись в Чирпан в 1865 г., он участвовал в создании народного читальнища. Особое внимание в своем творчестве уделил художник бытовой тематике, «рисовал портреты, — вспоминает он, — лица — старые и молодые, очень верно, по памяти — труднее»¹¹.

⁸ ЦГИА, ф. 740, оп. I, а. е. 6, л. 28.

⁹ На роль пейзажа в церковной живописи указывает М. Цончева. — Българско възрождане. София, 1962, стр. 14.

¹⁰ ГИА, ф. 740, оп. I, а. е. 7, л. 14.

¹¹ Там же, оп. I, а. е. 6, л. 27.

К концу 60-х годов относится расцвет творчества Г. Данчова. Рисунки самобытного художника увидел (или узнал о них) Н. Геров. В 1866 г. он поручил Г. Данчову создать серию рисунков — бытовых сцен из народной жизни, отражающих обычаи болгарской деревни, — для Этнографической выставки в Москве, состоявшейся в 1867 г. Они были выполнены и отправлены в Москву. Из письма Н. Герова узнаем, что всего было 19 листов рисунков¹². На них были изображены крестьяне в национальной одежде из Чирпана, Сливена, Старой Загоры, Пловдива, других городов, а также сцены сельской жизни — свадебный обряд, сельские крестины, праздничная процессия, сопровождаемая народными музыкантами и танцем-рученицей и т. д.

Давняя дружба с Василием Левским помогла Г. Данчову включиться в революционное движение. Вплоть до самой гибели Левского Данчов был одним из самых активных его помощников. Когда же Левский был арестован, по поручению революционного комитета художник организовал четыре засады на дороге, по которой должны были везти Левского, чтобы освободить его. Однако Левский был отправлен по другому пути и трагически погиб, а Данчов был схвачен и отправлен в тюрьму — крепость Диарбекир¹³. Г. Данчов пишет: «... я был другом Василя Левского, помогая в его работе по организации комитетов борьбы за Освобождение Болгарии. Пять лет носил железные цепи в заточении моем в крепости Диарбекир, но следы их — как орден за храбрость»¹⁴. В письмах к брату Николаю он подробно описал мучительное путешествие в тюрьму и свою жизнь в заточении¹⁵. Находясь в тюрьме, Г. Данчов (под предлогом создания орнамента для корана) получил доступ в местную литографическую мастерскую и напечатал там свои работы, а также написал первую в Болгарии книгу под названием «Краткая теоретическая и практическая перспектива». Во время Апрельского восстания Г. Данчов бежал из тюрьмы и, перейдя границу, пешком отправился в Россию — в Тифлис и Одессу. Находясь в Одессе, он написал символическую картину «Трагедия Болгарии» (Национальная художественная галерея, София). После окончания русско-турецкой войны Г. Данчов создал несколько портретов, продолжающих традиции болгарской живописи эпохи национального Возрождения. Самыми интересными из них следует считать «Автопортрет» (Национальная художественная галерея, София) и «Портрет Василя Левского» (Государственный художественный музей, Пловдив). Все они очень лаконичны по силуэту и выразительны по цветовому решению. В портрете В. Левского Г. Данчову удалось выразить и индивидуальные черты Апостола, передать светлый героический порыв, которым жил Левский и его сподвижники. Автопортрет Г. Данчова (1867 г.) — один из самых ярких и характерных образов нового человека эпохи национального Возрождения. Он сконцентрировал в себе революционный порыв и страстную веру в жизнь, ту особую человеческую гордость и радость мироощущения, к воплощению которых стремилась болгарская художественная культура тех лет.

Как и многие другие поясные портреты той поры, он насыщен в колористическом отношении. На нейтральном, спокойном охристом фоне фронтально поставлена фигура художника, пристально и с живым интересом

¹² Архив на Н. Геров, т. I, стр. 423.

¹³ Н. С т б ч е в. История и этнография на гр. Чирпан. София, 1939, стр. 248.

¹⁴ ГИА, ф. 740, оп. 1, а. е. 6, л. 4.

¹⁵ А. Василев частично публикует эти документы в своей книге «Български възроженски майстори», стр. 632—636. Кроме указанных писем есть и другие, не опубликованные, хранящиеся в архивах Народной библиотеки им. Ив. Вазова в Пловдиве. Это также письма Г. Данчова из тюрьмы Диарбекир, в которых он подробно рассказывает о своей жизни и творчестве.

глядящего прямо на зрителя. Он одет нарядно, ярко: на нем алая феска дающая рефлексы на смуглое молодое лицо (что еще более подчеркивает ослепительно-белый воротничок рубашки), ярко-синий костюм с блестящими золотыми пуговицами заставляет вспомнить о введении элементов золота в одежду святых на болгарских иконах той поры и о портретах Захария Зографа. В целом автопортрет Г. Данчова — совершенно новое явление в развитии его собственного творчества и в то же время — реалистический по живописи светский портрет, целиком относящийся к искусству нового времени. Не менее интересен и другой портрет, выполненный Г. Данчовым до освобождения, — «Пейо Кюркчия» (1869 г. Национальная художественная галерея, София). Художник мастерски изобразил представителя определенного сословия, одного из самых уважаемых граждан Пловдива, возглавлявшего местных ремесленников-меховщиков, создав значительный и емкий по психологической характеристике образ. Его лицо — целая повесть о прожитой трудовой жизни, закалившей этого старого человека, напоминающего многих героев болгарской литературы, созданных Л. Каравеловым и Ив. Вазовым.

В живописном отношении портрет свидетельствует о том, насколько предан был Г. Данчов жизненной правде в искусстве, как старался быть подлинным реалистом в изображении своих современников. Хотя и в этом портрете сохранена традиционная для его работ фронтальность постановки фигуры на фоне нейтрального пространства, легкий наклон головы делает образ Пейо Кюркчия нестатичным; особенно удачно удалось художнику передать живые, умные, пытливые глаза старика. В портрете ощущается внутренняя сила героя: его могучая рука сжимает тяжелую трость с золотым набалдашником, который является единственным ярким цветовым акцентом в этом портрете, выдержанном в благородной лилово-охристой гамме.

Литография «Свободная Болгария», которую создал Г. Данчов, носит чисто символический характер, перекликаясь с аналогичными образами, созданными русскими художниками в период русско-турецкой войны.

В 60—70-е годы во всех уголках Болгарии и за ее рубежами создавались произведения, прямо или косвенно отражавшие идеи и революционные события того времени. В иконах, церковных стенописях современные сюжеты, трактованные с различной степенью умения, ясно свидетельствовали о переломе, происходящем в художественном мировоззрении, в эстетических вкусах. Творчеству художников-профессионалов, решавших значительные задачи эстетического, программного характера, сопутствовали работы самоучек, перекликавшиеся с ними единой идейной целеустремленностью. Искусство в разных своих формах развивалось в тесной связи с событиями, отражая их, объясняя и вмешиваясь в сам ход этих событий.

Подъем национально-освободительного движения болгарского народа, его мужественная борьба за свободу вызвали к жизни новые жанры болгарского искусства — в частности политическую карикатуру. Одним из первых в этой области начал работать польский художник эмигрант Хенрик Дембицкий (1830—1906), творчество которого, к сожалению, мало изучено. Среда болгарской революционной эмиграции в Румынии, сотрудничество с Христо Ботевым в журналах «Барабан» и «Будильник» способствовали революционной направленности его творчества¹⁶. Дем-

¹⁶ Работы Дембицкого были опубликованы Т. Силяновской-Димитровой, см. «Нови данни върху творчество на Хенрик Дембицкий», — «Известия на Българското историческо дружество», кн. XXII—XXIV. София, 1948; см. М. Ц о н ч е в а. Българско Възраждане. София, 1962, стр. 84—85; Е. Т о м о в. Възрожденски шампи и литографии. София, 1962, стр. 100—104.

бидцкий прибыл в Бухарест из Польши после восстания 1863 г. и был привлечен Хр. Ботевым для работы в качестве карикатуриста. Он разоблачал гнилость турецкой феодальной системы, ее покровителей в лице английского и французского капитала. В своих острых и злободневных произведениях, отличавшихся наглядностью и точностью графических решений, художник-карикатурист выступал против позиций реакционной партии «старых», поддерживал своими карикатурами позицию революционной партии «молодых». Это были сатирические ответы врагам революции, раскрывавшие языком изобразительного искусства идеи Ботева.

Работы Дембицкого отражают и другую, тесно связанную с революцией линию болгарского искусства — романтическую приподнятость, воплотившуюся в обращении к исторической тематике, о чем свидетельствуют литографии «Царь Симеон перед Царьградом» и «Самоубийство Ангела Кынчева». Дембицкому принадлежат и другие литографии — «Второе сражение болгарских повстанцев» («Чета Хаджи Димитра»), «Сладко умереть за свое Отечество». Лучшая из его работ этого плана изображала трагическую смерть болгарского революционера Ангела Кынчева, который предпочел самоубийство турецкому плену. Работа построена на контрастных характеристиках: исполненный мужества и достоинства герой и карикатурно поданные турецкие поработители.

Значительный интерес представляют болгарские иллюстрированные прокламации 1866 г., явившиеся первыми в своем роде на Балканском полуострове¹⁷. Факт появления иллюстрированной прокламации, подписанной Т. И. Мутевским, заинтересовал советского историка В. Н. Кондратьеву. Текст, приведенный в ее статье совпадает с аналогичными текстами патриотических воззваний тех лет, продолжая по стилю патриотические традиции времен Паисия, но, разумеется, на новом историческом этапе. По предположению русского консула в Русуке В. Кожевникова (его донесение от 21 октября 1866 г. цитируется в статье В. Н. Кондратьевой), текст прокламации был составлен Г. С. Раковским, а прокламация в целом «вызвала брожение умов». Кожевников справедливо определяет прокламацию как рисунок-воззвание, имевший широкий отклик и нашедший отражение в европейской печати.

Текст воззвания сопровождается иллюстрацией, состоящей из четырех частей, каждая из которых символизировала определенный исторический этап в жизни болгарского народа: в первой был изображен этап болгарской государственной независимости, которую олицетворяла женщина в короне со знаками власти в одной руке, другой рукой держащая щит с изображением болгарского льва; в верхней части дана была ссылка на произведения, в которых говорится о свободной Болгарии (среди них — Раич, Раковский и др.). Следующая композиция была уже многофигурной: в центре ее были изображены варвары-турки, терзающие Болгарию, закованную в цепи, поправшие щит с изображением льва и корону. Справа были помещены две фигуры: одна — священника в облачении, указующего перстом на мучения поработенной Болгарии; в данном случае зрителям-читателям рекомендовалось прочесть Медаковича, Д. Войникова, Раковского и Раича, указывались даже страницы в их сочинениях; третий рисунок также изображал Болгарию, закованную в цепи, в виде скорбящей, прекарной женщины. Ссылки на литературу даны здесь на Раича и «Лесного путника» Раковского. Наконец, в четвертой композиции та же символическая фигура женщины указывала группе мужчин на развалины старинных дворцов и крепостей, символизировавших,

¹⁷ Впервые были опубликованы В. Н. Кондратьевой. Болгарские прокламации 60-х годов XIX в. В сб. «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 151—169.

в свою очередь, бывшее могущество Болгарии. Текст под рисунком гласил: «О, ты, народ, посмотри туда, где видны старинные постройки, там обитали прадеды...» — и далее содержался призыв к потомкам вернуть свое наследие. Основная цель всех изображений — донести в символических образах тему бывшего могущества родины и призвать к ее освобождению. Все указанные рисунки были, несомненно, выполнены одним мастером в духе того времени. Трудно сказать, кто явился автором работ, но если сравнить образ Болгарии в прокламации с поздней литографией Г. Данчова «Свободная Болгария», то можно отметить в них много общего, прежде всего в безусловном сходстве центрального образа и в изображении символики. Сходна и трактовка одежды, хотя «Свободная Болгария» современнее по рисунку, включает реалистический многоплановый пейзаж, в то время как в прокламации художник размещает фигуры на первом плане, жертвуя перспективой. В одном из писем Г. Данчова есть упоминание, что он создал картину «Трагедия Болгарии». Если учесть, что почти все художники болгарского Возрождения употребляли слово «картина» применительно и к живописи, и к графике, то можно предположить, что речь идет именно о прокламации.

И еще один факт, заставляющий думать о возможном авторстве Г. Данчова: это время создания прокламации — 1866 г.; именно в этом году Г. Данчов работал над серией литографий для этнографической выставки в Москве и затем послал их Н. Герову.

В. Н. Кондратьева высказывает предположение, что рисунки-прокламации были напечатаны в Бухаресте Г. С. Раковским. Если вспомнить о тесных связях Раковского в те годы с Н. Павловичем, можно было бы предположить, что автором рисунков был Н. Павлович. Некоторое сходство первого рисунка с иллюстрациями Н. Павловича к произведению Раковского об Иване Асене II говорит в пользу этого предположения. Однако, если сравнить другие рисунки-прокламации с литографиями Н. Павловича (и особенно с его рисунками), первые кажутся далекими от Н. Павловича.

Дальнейшие исследования помогут уточнить авторство рисунков прокламации. Для нас они важны как показатель укрепляющейся связи искусства с революционной борьбой, как прямое участие художника в этой борьбе наглядными средствами агитационного искусства — литографии, соединенной с текстом политического содержания.

Так расширялись эстетические границы, шли художественные поиски образных средств и их решений в работах деятелей болгарского искусства.

В. П. ГУДКОВ

ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ РУССКО-СЕРБСКОХОРВАТСКИЕ, СЕРБСКОХОРВАТСКО-РУССКИЕ И ПЕРСПЕКТИВА ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Переводные (двуязычные) словари — самый массовый, многотиражный жанр лингвистической литературы. К словарям обращаются и учащиеся, только приступающие к изучению иностранного языка, и специалисты, давно переставшие обращаться к иным пособиям по иностранному языку — грамматикам, учебникам. Нет нужды говорить о важности словарного дела, о необходимости его развития. Положение дел в переводной лексикографии, качество выпускаемых словарей, состояние теории двуязычной лексикографии свидетельствуют, однако, что словари не пользуются равносторонним вниманием в той мере, в какой они его заслуживают. Это проявляется, в частности, в слабом развитии лексикографической критики применительно к переводным словарям. В рецензиях и статьях, посвященных отдельным двуязычным словарям, редко содержится многогранная и обоснованная характеристика изданий и их качеств с учетом нужд и потребностей читателей, которым словарь адресован. И совсем редко встречаются работы, в которых тот или иной словарь оценивается в результате длительного его испытания на практике. Лексикографическая критика могла бы играть значительно большую роль в развитии словарного дела, могла бы быть более эффективным стимулятором в разработке теории переводной лексикографии.

Вышесказанное может иллюстрироваться примерами из лексикографической практики различных языков — и более или менее распространенных. Это относится в полной мере к словарям русского и сербскохорватского языков.

В СССР издано начиная с 1946 г. несколько русско-сербскохорватских и сербскохорватско-русских словарей. Среди них есть словари карманные, специализированные (политехнические и т. п.)¹. Особого внимания заслуживают в первую очередь словари общие, предназначенные для широкого круга потребителей. Это «Русско-сербскохорватский словарь» С. Ивановича и И. Петрановича («Советская энциклопедия», I изд. 1965, 2 и 3 стереотипные издания — 1966 и 1967 гг.), «Сербскохорватско-русский словарь» И. И. Толстого (I изд. — ГИС, 1957, 2 изд., стереотипное, — 1958, 3 изд., исправленное и дополненное, — «Советская энциклопедия», 1970) и «Краткий сербскохорватско-русский словарь» Р. И. Григорьевой (М., 1960).

¹ Сведения об этих словарях содержатся в работе В. В. Барсуковой «Обзор двуязычных русско-сербскохорватских и сербскохорватско-русских словарей». В кн. Исследования по сербскохорватскому языку. М., «Наука», 1972, стр. 359—362.

О большом спросе на словари сербскохорватского языка и их распространении в нашей стране и за ее пределами говорит достаточно выразительно факт переиздания словарей И. И. Толстого и С. Ивановича и И. Петрановича. Эти труды стали необходимыми пособиями при обучении сербскохорватскому языку (а в Югославии — русскому), ими пользуются переводчики и просто читатели. Труд И. И. Толстого получил высокую оценку югославских филологов². Однако в лингвистических изданиях нашей страны мы не найдем обстоятельного профессионального разбора общих и частных свойств, достоинств и недостатков трех названных словарей³. Это не значит, что они не представляют интереса для специального анализа. Материал этих словарей дает повод для обсуждения многих вопросов общего и частного значения.

«Русско-сербскохорватский словарь», составленный С. Ивановичем и И. Петрановичем, обнаруживает свои качества, как только его статьи начинают оцениваться с позиций потребителя, которому этот лексикон предназначен. В аннотации (стр. 4), предпосланной изданию, говорится: «Предназначается для лиц, изучающих сербскохорватский язык, и для переводчиков»⁴. Имеются в виду, по-видимому, переводчики, родным языком которых является русский, так как далее названы жители Югославии, которые т а к ж е могут пользоваться словарем.

Как профессиональные переводчики, так и учащиеся употребляют словарь для перевода с русского (родного) языка на иностранный, хотя информация, которая им нужна, чаще всего не совпадает по объему. Переводчикам-профессионалам, свободно владеющим сербскохорватским языком, словарь требуется преимущественно для оживления в памяти слов пассивного запаса, не сразу приходящих на ум, и для самоконтроля. Но таких специалистов немного. Большая часть потребителей (в том числе студенты и многие дипломированные филологи и историки) ищут в словаре (по заданию преподавателя или по собственному побуждению) лексемы, эквивалентные русским словам, чтобы по подысканию их составить фразу, эквивалентную русской переводимой фразе. Следовательно, русско-иноязычный словарь должен снабжать потребителей информацией, необходимой и достаточной для корректного употребления иноязычных слов в составе иноязычной фразы.

Словарь С. Ивановича и И. Петрановича не рассчитан на читателя, слабо владеющего сербскохорватским языком, его составители не учитывали специфику перевода с языка родного на иностранный. Нередко за русским заглавным словом следуют два или три сербскохорватских слова или словосочетания без комментария, и читателю предоставляется знать или гадать, являются ли они взаимозаменяемыми или нет. Так, на стр. 164 находим: д ъ я в о л м. *ђаво м.*, враг м.; д я д я м. *стриц м.*, ујак м., тетак м. Такая подача сербскохорватских эквивалентов может только дезориентировать читателя. Если лексемы *ђаво* и *враг* во многих случаях могут безболезненно заменять друг друга, три лексемы второй статьи совершенно не взаимозаменяемы. *Стриц* — это дядя (брат отца), *ујак* — дядя (брат матери), *тетак* — дядя (муж сестры отца или матери). Кстати сказать, у слова *дядя* есть и другие сербскохорватские соответствия, в частности *чича* (почтительное обращение к старшему). Дядя

² Рецензии югославских лингвистов перечислены в вышеназванной работе В. В. Барсуковой, стр. 359, примеч. 6.

³ Рецензии В. К. Журавлева на словарь И. И. Толстого («Слов'яньске мовознаство», кн. 4. Киев, 1962, стр. 279—282) и П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова на словарь Р. И. Григорьевой («Лексикографически сборник», вып. VI. М., 1963, стр. 182—184) имеют преимущественно информационный характер.

⁴ Здесь и далее цитируется первое издание словаря (1965 г.).

Сэм (мифический образ американца) будет *ујка Сам*, а герой драмы Чехова дядя Ваня — *ујка Вања*.

Носитель сербскохорватского языка сумеет, учитывая контекст, выбрать одно подходящее слово из трех, данных как эквиваленты русск. у г о л (стр. 706): угол м. угао м., кут м.; ћошак м. А какое из трех соответствий должен употребить русский, не очень хорошо знающий сербскохорватский язык? В статье нет сведений о том, например, что *кут* — это только внутренний угол, отсутствует стилистическая оценка слова *ћошак*.

Можно привести многие десятки таких примеров. Это статьи б а з а р (1. пијаца, пазар, тржница) и р ы н о к (1. трг, пијаца, тржница), б е с и л и е (1. немоћ, слабость, изнемоглост; третье из этих слов значит 'изнеможение'), б о л о т о (мочвара, рит, блато), б о л ь н о й (1. болестан, болан, хотя употребление этих прилагательных различно) и т. п. Серб или хорват, желающий найти эквиваленты русскому глаголу *жить* — прочитает в соответствующей статье (стр. 172), что он может переводиться глаголами *живети*, *становати*, *боравити*. Их значение и употребление читателю хорошо известно, и он воспользуется тем из них, который более всего подходит данному контексту — *живети* 'жить', *становати* 'проживать', 'квартировать' или *боравити* 'пребывать', 'находиться'. Большинство же читателей, родным языком которых является русский, оказываются в недоумении.

Пренебрежение интересами и нуждами значительной части потребителей проявляется в словаре С. Ивановича и И. Петрановича во многом. Большой недостаток словаря, обезоруживающий читателя, — это скудость грамматической информации. В нем сообщается крайне мало сведений о словоизменении. Не указываются случаи чередования гласных и согласных (ср. русск. *рожь* — *ржи*, но сербскохорв. *раж* — *ражи* и т. п.), не приводятся формы настоящего времени (определить их, зная только форму инфинитива, не всегда возможно, ср. *читати* — *читам*, но *шап-тати* — *шапћем*, *кашљати* — *кашљем*, *ћутати* — *ћутим*), сербскохорватские слова и словоформы не акцентуированы. Учащиеся вынуждены отыскивать слова, извлеченные из русско-сербскохорватского словаря, еще и в словаре сербскохорватско-русском, чтобы получить сведения о просодических и словоизменительных характеристиках той или иной лексики.

Существует мнение, удобное для составителей словарей, но безосновательное, что недостаточность информации, сообщаемой в словарных статьях, обусловлена ограниченностью места и необходимостью его экономии. На самом же деле данный словарь (как, впрочем, и некоторые другие) перегружен излишним, избыточным материалом, и только за счет его устранения, не говоря уже о возможно более компактном построении статей, легко достигнуть большой выигрыш места на книжной странице. В словаре дано немало атрибутивных словосочетаний, образуемых вполне свободно, по регулярным моделям, и потому не обязательных для помещения в словарные статьи. Так, при слове *война* находим словосочетания *Великая Отечественная война*, *национально-освободительная война*, *партизанская война*, *гражданская война*, *империалистическая война*, *мировая война*. Большинство этих сочетаний без всяких сложностей перелаживаются на сербскохорватский язык, так же как и выражения *война атомная*, *грабительская*, *колониальная*, *народная*, *молниеносная*, *революционная*, *справедливая* и т. п., которые нередко приходится переводить на иностранный язык. В словарях должны сообщаться только те словосочетания, которые не могут быть легко, без сомнений сложены из отдельных элементов. Таково, например, выражение *гражданская вой-*

на, поскольку в сербскохорватском прилагательному *гражданский* соответствуют *грађански* и *цивилни*, и переводящий может оказаться в затруднении, какое из этих двух слов избрать. Подобный случай представляет и сочетание *отечественная война*.

Важным показателем качества словаря является разумный подбор эквивалентов. Большое количество иноязычных слов, сообщаемых как эквиваленты русским словам, не свидетельствует о высоких достоинствах словаря. Это нередко ставит в затруднительное положение человека, переводящего текст с родного языка на иностранный. «Я считал и считаю, — писал Л. В. Щерба, — что синонимика важна и даже очень нужна, но для людей, хорошо знающих язык и желающих это знание углублять. Она решительно вредна в переводном словаре, так как ведет зачастую к анекдотическим переводам»⁵. К этому можно прибавить, что неумеренная подача возможных эквивалентов загромождает словарь, занимая много места.

Точным соответствием русским словам *абсурд* и *абсурдный* в сербскохорватском являются *апсурд* и *апсурдан*. Надо ли прибавлять еще *бесмислица* 'бесмыслица' и *логички немогућ* 'логически невозможный'? (На стр. 15 читаем: а б с у р д м. апсурд м., бесмислица ж., довести до ~ ~ а довести до апсурда; это ~ то је бесмислица; — а б с у р д н ы й апсурдан, логички немогућ, бесмыслен).

Вопрос об адресате словаря, об ориентации словарей на определенный контингент потребителей с учетом их интересов и нужд принадлежит к важнейшим, ключевым проблемам теории и практики переводной (двуязычной) лексикографии. Л. В. Щерба убедительно обосновал целесообразность и необходимость выпуска четырех словарей для каждой пары языков: русско-иноязычного и иноязычно-русского для русских и русско-иноязычного и иноязычно-русского для тех, родным языком которых является данный нерусский. Это положение Л. В. Щербы принимается и одобряется специалистами-лексикографами, однако оно оказало значительно меньшее влияние на практику изготовления словарных трудов, чем следовало ожидать. Оно не получило дальнейшего развития, не было конкретизировано и доведено до практических рекомендаций. В словарном деле не произошло качественного скачка, который сулило применение на практике конкретных рецептов, подсказываемых с большей или меньшей очевидностью и определенностью вышеназванным тезисом Л. В. Щербы.

Отсутствие дальнейшей разработки и углубления плодотворных идей Л. В. Щербы привело к тому, что недавно была предпринята попытка ревизии тезиса о четырех словарях для одной пары языков. В. П. Берков, автор монографии, посвященной проблемам словника двуязычных словарей, пишет: «Это положение Л. В. Щербы сыграло несомненную положительную роль, обратив внимание лексикографов на то, что разноязычные потребители одного и того же двуязычного словаря ищут в нем несколько различную информацию»⁶. «Однако, — продолжает В. П. Берков, — на практике для большинства пар языков, по крайней мере в настоящее время, создание четырех словарей является нереальным из-за сравнительно ограниченной потребности в них и вследствие этого небольших их тиражей. Так, например, именно в силу ограниченного читательского спроса нереально создание в настоящее время двух исландско-русских словарей (для русского и для исландского читателя)

⁵ Л. В. Щерба, М. И. Матусевич. Русско-французский словарь. Изд. 9-ое. М., «Советская энциклопедия», 1969, стр. 8.

⁶ В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии (словник). Л., 1973, стр. 18—19.

или двух русско-норвежских словарей»⁷. Далее автор монографии, отведя тезис Л. В. Щербы под предлогом его «практической неприменимости», стремится «сформулировать некоторые проблемы двуязычной лексикографии, касающиеся самых разнообразных языков, изложить теоретическую сторону этих проблем и предложить решения, которые, как он берет на себя смелость надеяться, в основном соответствуют современному состоянию лингвистики»⁸.

Довод В. П. Беркова, что не представляется реальным издание двух исландско-русских или двух русско-норвежских словарей, учитывающих интересы разноязычных потребителей, не может служить основанием и оправданием для элиминации, устранения творческого и плодотворного тезиса Л. В. Щербы. Сам этот довод сомнителен. Почему нереально опубликование двух русско-норвежских словарей, одного для русских, другого для норвежцев? Конечно, не следует выпускать их в одной стране. Первоочередная забота отечественных лексикографов — подготовить русско-норвежский словарь для носителей русского языка, дело норвежцев — выпустить словарь, удовлетворяющий интересы другой стороны. Изготовить словарь, одинаково хорошо служащий разноязычным читателям, пока еще никому не удавалось.

Положение Л. В. Щербы о целесообразности издания четырех словарей для каждых двух пар языков остается в ряду перспективных идей отечественной лексикографии. Актуальной задачей является дальнейшая разработка этого положения и последовательная реализация его на практике. Существование четырех словарей практически возможно для многих пар языков, по крайней мере для тех, которые служат средством межгосударственного общения. Совершенствование двуязычных словарей с учетом тезиса Л. В. Щербы следует ожидать от соединения опыта лексикографии и теории перевода, которая четко разграничивает специфику перевода с иностранного языка на родной и с родного на иностранный.

Как было показано выше, в нашей стране существует потребность в подготовке и издании русско-сербскохорватского словаря, концепция которого учитывала бы и отражала особенности работы со словарем тех переводчиков и учащихся, для которых сербскохорватский язык является иностранным. Словарь С. Ивановича и И. Петрановича малоэффективен как орудие переводчика и почти непригоден в качестве учебного пособия при обучении сербскохорватскому языку.

Значительно лучше положение с сербскохорватско-русскими словарями. Вот уже полтора десятилетия все обращающиеся к текстам на сербскохорватском языке пользуются «Сербскохорватско-русским словарем» И. И. Толстого, в котором удачно сконденсирован опыт отечественной и югославской переводной лексикографии. Труд И. И. Толстого является надежным ключом к текстам разных жанров, принадлежащих перу сербских и хорватских авторов. «При составлении словаря, — писали представители словарной редакции, — ставилась задача широко и всесторонне отразить лексику литературного сербскохорватского языка XIX—XX вв. и удовлетворить потребности самого широкого круга читателей и специалистов. Поэтому в словарь наряду с современной лексикой были включены областные и устаревшие слова, в том числе и турцизмы, встречающиеся в произведениях сербских и хорватских писателей»⁹.

⁷ Там же, стр. 19.

⁸ Там же, стр. 20.

⁹ В. В. Барсукова, Г. А. Мартынова. Новое издание «Сербскохорватско-русского словаря» И. И. Толстого. «Советское славяноведение», 1970, № 5, стр. 102.

В третьем издании словарь И. И. Толстого имеет около 54 тыс. словарных статей, т. е. он принадлежит к словарям среднего объема. Литературный язык сербов, хорватов и черногорцев с его нестрогой нормированностью, значительными лексическими различиями между западным и восточным вариантами литературной нормы, не стесненным допущением на страницы печатных изданий региональных и диалектных слов обладает огромным лексическим фондом, с множеством дублетных образований, и составителям словарей бывает очень нелегко соблюсти меру при отборе слов, помещаемых в качестве заглавных. Не удивительно поэтому, что в любом переводном лексиконе сербскохорватского языка обнаруживаются пропуски слов, широко употребительных и известных. В этом смысле не является исключением и труд И. И. Толстого.

Хотя при подготовке третьего издания его словник был несколько пополнен, читатель не найдет в словаре таких распространенных слов как *изазов* 'вызов', *изазован* 'вызывающий', *инспиратор* 'вдохновитель', *обол* 'лепта', *одмаралиште* 'место отдыха', *офарбати* 'окрасить', *официјелан* 'официальный', *премијер* 'премьер-министр', *путер* 'сливочное масло' (дана, впрочем, менее распространенная форма *бутер*), *перфидан* 'коварный', *разбуктавати* 'раздувать', 'разжигать', *свеукупни* 'всеобщий', 'всезелый', *усаглашавати* 'приводить в соответствие', 'координировать', 'согласовывать' (и *усагласити*), *шницла* 'шницель', 'котлета' и ряд других. Всех этих слов нет, к стати (за исключением *премијер*) и в самом большом югославском переводном словаре довоенной поры — в «Словаре сербскохорватского и немецкого языка» С. Ристича и Й. Кангрги.

Обнаруживаются некоторые недочеты и в обработке отдельных слов: не вполне удачный подбор эквивалентов, пропуски самостоятельных значений и т. п. Надо иметь в виду, что составители иноязычно-русских словарей в значительной мере зависят от существующих трудов по лексикографии данного иностранного языка: они больше полагаются на данные лексиконов этого языка, разработанных носителями языка, чем на самостоятельные разыскания в литературных текстах. Переводные иноязычно-русские словари отражают поэтому некоторыми своими характеристиками уровень соответствующей иноязычной лексикографии. Так, недостатками своего словника словарь И. И. Толстого объединяется с известными лексикографическими произведениями сербских и хорватских авторов.

Ныне, когда в Югославии завершается издание шеститомного толкового словаря сербскохорватского языка, лексикографы, работающие в области переводных словарей, получают благоприятнейшую возможность опереться на тщательно собранный и обработанный лексический материал современного литературного языка¹⁰. Реальную почву имеет теперь ожидание большого сербскохорватско-русского словаря, который нужен и квалифицированным переводчикам и учащимся.

Использование толковых словарей при составлении словарей переводных имеет свои особенности и сложности. Теория двуязычной лексикографии не дает еще, к сожалению, ясного, законченного представления о взаимоотношениях словарей этих двух типов. Между тем обработка лексем в толковом и переводном словаре существенно различается, так как эти издания имеют разные цели и назначение. В одном случае словарная статья должна четко раскрывать семантику слова средствами

¹⁰ Этот труд (Речник српскохорватскога књижевног језика) издает, начиная с 1967 г., Матица сербская в Новом Саде. Первые два тома, напечатанные латиницей, выпустила и Матица хорватская в Загребе, отказавшаяся впоследствии от сотрудничества с Матицей сербской.

того же языка. Статья переводного словаря должна указывать иноязычные лексемы, эквивалентные полностью или в определенных границах заглавному слову. Понятия «значение», «набор значений» не вполне тождественны, когда они применяются к материалу толкового или переводного словаря. Например, в словаре Матицы сербской глагол *желети* описан так: ж е л е т и 1. а. иметь желание, хотеть... б. выражать кому-нибудь какое-либо желание (пожелание)... 2. испытывать страсть (к кому-либо)... Из этого видно, что сербскохорватский глагол *желети* и русский *желать* имеют одинаковую семантику. Поэтому в переводном словаре соответствующая статья займет одну строку: ж е л е т и, ж е л и м желать. И. И. Толстой прибавил еще: *хотеть*.

Часто бывает иначе: статья переводного словаря содержит больше внутренних подразделений, чем статья словаря толкового. Так, толкование слова *вожња* заняло в словаре Матицы сербской одну строку (не считая примеров), а при переводе на русский И. И. Толстой выделил три «значения»: 1) езда; 2) плавание; 3) поездка, катание. Видимо, следует отказаться от употребления выражения «разработка значений», когда речь идет о переводном словаре. Работа составителя сводится к разработке эквивалентности лексических единиц, к поиску и подаче соответствий. Когда составитель переводного словаря имеет возможность опереться на толковые (одноязычные) словари, это служит большим подспорьем в его работе, но в процессе работы должна выработаться методика извлечения из толкового словаря тех материалов и данных, которые необходимы и уместны в словаре переводном (двуязычном). Это особенно касается смысловой стороны лексических единиц.

Возвращаясь к оценке существующих сербскохорватско-русских словарей, следует отметить, что в труде И. И. Толстого и в кратком словаре Р. И. Григорьевой недостаточен объем сообщаемой грамматической информации. Иностранно-русский словарь, служащий главным пособием при изучении данного иностранного языка (а по сербскохорватскому языку у нас почти нет учебно-справочной литературы), должен содержать полные сведения о словоизменении тех лексем, которые имеют какие-либо деklinационные или конъюгационные особенности. Это относится и к просодии, освещение которой представляет особую сложность, но и особое значение.

Состояние двуязычной лексикографии и, в частности, сербскохорватско-русские и русско-сербскохорватские словари возбуждают немало вопросов, достойных внимания, обсуждения и изучения. К ним следует отнести проблему соответствия словарей языковым отношениям, языковой реальности наших дней. Известно, что лексикографические труды с небольшим запозданием фиксируют перемены, происходящие в лексическом фонде языков. В сербскохорватской лексикографии это отставание было до недавнего времени очень большим, что до сих пор сказывается на качестве переводных словарей.

В двуязычных словарях сербскохорватского языка плохо представлен, например, обширный пласт лексики, образовавшийся в результате заимствования слов из западноевропейских языков и непрерывно пополняющийся в наши дни. Внимательные наблюдатели говорят о процессе «интернационализации» лексического фонда¹¹. Составители слова-

¹¹ Известный белградский лингвист М. Пешикан пишет: «Если будущее национальных языков — это все большая интернационализация лексики, тогда бессмысленно слишком усердно воевать против будущего, тогда неумеренный пуризм и изгнание интернациональных слов является в сущности торможением прогресса». (М. П е ш и к а н. Наш књижевни језик на сто година послје Вука. Београд, 1970, стр. 189).

рей, однако, относятся к иноязычной лексике, заимствованной в течение последних ста — ста пятидесяти лет, пренебрежительно. Ссылаются на то, что многие подобные слова не утвердились, не «привились», ощущаются как чуждые (однако широко употребляются, не забываясь и не исчезая), что они известны носителям всех или многих европейских языков в равной мере и с одинаковым значением. На этом «основании» авторы двуязычных словарей избегают помещать многие интернационализмы на страницах своих трудов. Молчаливо господствует убеждение, что хоть и не все «европеизмы» или интернационализмы в разных славянских языках семантически тождественны, различия между ними не столь значительны, чтобы вызвать затруднения и помехи в процессе восприятия текста.

Дело обстоит, однако, не так просто. Можно привести много примеров, демонстрирующих, как неверное осмысление слов, принадлежащих к интернациональной лексике, приводит к искажению содержания или стилистических качеств переводимого текста. Сошлось на досадные случаи из собственной практики: неточности перевода в словарице, приложенном к хрестоматии текстов сербских и хорватских авторов.

В этом словаре можно прочитать в частности: *детонација ж.* детонация, *кандидат м.* кандидат¹². Первое слово представлено в отрывке из рассказа М. Крлежи, в котором описывается покушение на жизнь бана, выстрелы, произведенный ими шум: Акустика је била врло лоша, јер су *детонацију* прогутала дебела врата и твђавни зидови куле...¹³. Этот и другие примеры из современных литературных текстов (...Почеше трести земљом тешке *детонације* — Б. Ђошић) свидетельствуют, что существительное *детонација* значит: 1. детонация, взрыв; 2. звук выстрела, взрыва (ср. немецк. Detonation). Русск. *детонация* имеет более узкое значение и применяется как специальный термин. Второе из названных слов, *кандидат*, употребляется в рассказе Р. Маринковича, отрывок из которого напечатан в той же хрестоматии (стр. 136—138), в значении 'экзаменующийся', 'учащийся, который сдает или будет сдавать экзамен'. В русском *кандидат* не имеет такого значения, и не случайно расширилось употребление существительного *абитуриент*, которым нынче именуют не только выпускников, но и участников конкурсных вступительных экзаменов.

Поскольку лексика, принадлежащая к слою интернационализмов, представлена и обработана в сербскохорватско-русских и русско-сербскохорватских словарях неудовлетворительно, а читатели не всегда сознают опасности, таящиеся в словах, на первый взгляд, знакомых и ясных, приведем небольшой перечень лексем-интернационализмов, которые в сходном фонетическом и графическом облике представлены и в русском и в сербскохорватском языках, но разнятся (хотя бы частично) значением.

А к т е р м. 1. действующее лицо, исполнитель, участник (*главни актери спекулација* главные участники спекуляций); 2. актер.

А н к е т а ж. опрос, анкета; *спровести анкету* провести опрос. (В русском *анкета* употребляется преимущественно в значении 'опросный лист').

А с п и р а н т м. претендент. (Это слово употребляется, например, когда речь идет о борьбе за титул чемпиона мира; в сербскохорватском есть и существительное *претендент*).

А т л е т и к а ж. 1. атлетика; 2. легкая атлетика. (Производное *атлетичар* легкоатлет).

¹² В. П. Гудков. Сербохорватский язык. М., 1969, стр. 143 и 147.

¹³ Там же, стр. 119.

Афера ж. шумное дело, скандал. (Русское *афера* значит 'мошенничество, сомнительная сделка').

Гарнитура ж. 1. гарнитур, набор; 2. группа (людей), группировка; *владајућа гарнитура* правящая группировка.

Декада ж. 1. десять лет, десятилетие; 2. десять дней, декада.

Диапазон м. 1. диапазон; 2. камертон.

Дискусија ж. 1. прения, дискуссия; 2. выступление, речь. (Председавајући рече да је *дискусија* делегата Н. «крајње реакционарна» — Председательствующий сказал, что выступление делегата Н. «крайне реакционно»).

Елеватор м. подъемник, эскалатор. (Элеватор по сербскохорватски обозначается словом *силос*).

Етикета ж. 1. этикетка, ярлык; 2. перен. ярлык (поверхностная, тенденциозная характеристика); 3. этикет. (Есть и глагол *етикетирати* 1. снабжать/снабдить этикеткой, ярлыком; 2. перен. наклеивать / наклеить ярлык).

Илузионист (а) м. 1. иллюзионист; 2. мечтатель, предающийся иллюзиям. (Млади *илузиониста* коме је пала копрена са очију — Юный мечтатель, с глаз которого спала пелена).

Индустрија ж. 1. промышленность; 2. промышленное предприятие.

Инспиратор м. вдохновитель; инициатор. (В семнадцатитомном академическом словаре русского языка *инспиратор* истолковывается как «лицо, внушающее что-либо, побуждающее к чему-либо; подстрекатель», что указывает на тяготение этого слова к лексемам негативно-оценочным, таким как *пособник*, *вояж* и т. п. Существительное сербскохорватского языка лишено такой окраски).

Инструмент м. 1. инструмент; 2. прибор, аппарат; *сеизмографски инструменти* сейсмографические приборы; *инструменти су затајили* приборы отказали.

Инсулт=инзулт м. 1. оскорбление; 2. нападение; 3. припадок, пароксизм.

Информација ж. 1. информация; 2. сообщение. (Како се из новинских *информација* види — Как видно из сообщений газет. В сербскохорватском данное слово имеет формы множественного числа).

Канцеларија ж. 1. канцелярия; 2. кабинет, рабочая комната.

Квалификација ж. 1. квалификация; 2. определение квалификации, оценка квалификации; 3. спорт. квалификационное, отборочное состязание. (Слово имеет формы множественного числа).

Кекс м. печенье.

Команда ж. 1. команда; 2. командование; 3. управление, рычаг управления, средство управления (напр., в самолете).

Комбинезон м. 1. комбинезон; 2. комбинация (белье).

Конвој м. 1. конвой; 2. караван судов. (Раньше имелся в виду охраняемый караван; теперь это слово применяется просто к группе судов, например, проходящих через шлюзы).

Конкурисати 1. (некоме) конкурировать (с кем-либо); 2. участвовать в конкурсе, принять/принимать участие в конкурсе.

Консултвати (некога) консультироваться (с кем-либо); *консултвати адвоката* консультироваться с адвокатом.

Критика ж. 1. критика; 2. критическое выступление (статья и т. п.). (Почели су *критике* и пребацивања — Начались критические нападки и упреки).

Носталгија ж. тоска (по чему-то дорогому, далекому; не только тоска по родине).

О к у п и р а т и 1. оккупировать, занять/занимать; 2. занять/занимать, захватить/захватывать (о делах, заботах). (*Окупирала га је брига — Овладела им забота*).

О к у п а ц и ј а ж. 1. оккупация; 2. дело, забота, увлечение.

П а р а д а ж. 1. парад; 2. *спорт*, парирование удара, бросок (враг); \diamond *лепа парада!* глупости! ну и ну!

П а р к е т м. 1. паркет; 2. партер.

П а р т и к у л а р а н частичный; отдельный, частный; *партикуларна историја* история отдельных государств. (В семнадцатитомном словаре русского языка отмечены следующие значения прилагательного *партикулярный*: 1. частный, неофициальный; 2. штатский, гражданский).

С е р и ј с к и 1. серийный; 2. многосерийный (о кинофильме или телефильме). Кстати сказать, в значении 'серия (часть многосерийного телефильма)' употребляется слово *епизода*.

С и м у л и р а т и 1. симулировать; 2. имитировать. (Этот глагол употребляется, когда говорят, например, об имитации на земле условий космического полета).

С п е к т а к л м. 1. пышное, впечатляющее зрелище (например, о поставленном с большим размахом кинофильме, о волнующих спортивных состязаниях и т. п.); 2. спектакль.

С п о р т м. 1. спорт; 2. вид спорта; *олимпијски спортови* олимпийские виды спорта; *хала спортова* дворец спорта.

С т р у к т у р а ж. 1. структура, строение; 2. сооружение, постройка, строение. (В одном сообщении о раскопках древней крепости говорится: *Сачувани остаци древних архитектонских структура су у добром стању — Сохранившиеся остатки древних архитектурных сооружений находятся в хорошем состоянии*).

Приведенные примеры, количество которых может быть умножено, показывают, что составители двуязычных словарей должны одинаково внимательно и уважительно относиться ко всем слоям лексического фонда литературного языка. Это, как и всесторонний учет интересов потребителей, обобщение опыта лексикографических разработок и развитие теории двуязычной лексикографии, является неперенным условием подготовки и выпуска более совершенных лексикографических трудов.

М. ЕРЕЩЕНКО

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ МОНАРХО-ФАШИСТСКИХ РЕЖИМОВ В БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последнее десятилетие в исторической литературе наблюдается растущий интерес к изучению истории фашизма. Это объясняется не только тем, что сегодня исследователи имеют больше возможностей для анализа темы. Отмечая происшедшие на международной арене политические изменения, представители мирового коммунистического и рабочего движения на симпозиуме в Эссене (ФРГ, 1973 г.), посвященном вопросам усиления борьбы с реакцией и фашизмом, еще раз подчеркнули, что и в наши дни «сохраняются экономические, политические и социальные условия для роста фашистской угрозы»¹. Фашизм не приходит в одну ночь, но фашистская опасность может вырасти в короткие сроки, поэтому значение богатейшего международного опыта борьбы с реакцией и фашизмом «выходит за рамки чисто методологического, а тем более исторического интереса»².

Известна тенденция западной историографии затушевывать взаимосвязь между империализмом и фашизмом, ставить под сомнение правомерность трактовки фашизма как продукта эпохи общего кризиса капитализма³. Современные буржуазные исследователи стараются исключить из характеристики фашизма вопросы экономической сущности режима, его связи с монополистическими кругами крупного капитала, отрицать влияние экономических факторов на ход политической эволюции фашистских диктатур⁴. Вскрывая бессилие буржуазной историографии объяснить фашизм, П. Тольятти писал: «Чрезвычайно удобно и столь же бессмысленно повторять, что в жизни нации фашизм был периодом безумства, роковой ошибкой. Фашистский режим был формой правления... буржуазии»⁵.

Весьма примечательно стремление многих буржуазных авторов сузить понятие фашизма, свести его только к форме экстремистских политических движений германского и итальянского образцов⁶. Ныне эта концепция логически приводит к реабилитации многих фашистских режимов; исходя

¹ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, стр. 29.

² П. Т о л ь я т т и. Лекции о фашизме. М., 1974, стр. 3.

³ «Peut on écrire une histoire du fascisme?». «Annales», Paris, 1964, № 1.

⁴ E. N o l t e. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

⁵ П. Т о л ь я т т и. Вступительная статья к русскому переводу кн. Р. Батталья. «История итальянского движения Сопротивления». М., 1953, стр. 7.

⁶ S. M. L i p s e t. Political Man. The Social Bases of Politics. London — Toronto, 1960, p. 131.

из нее невозможно представить возрождение фашизма в современных условиях. Однако, как отмечают некоторые западные историки радикального направления, сегодня анализ и характеристика фашизма не могут обойтись без глубокой «реконструкции истории национальных форм фашизма»⁷. В свете этого встает вопрос и о новой оценке традиционных типов «классического» фашизма и специфических вариантов фашистских диктатур 30-х годов в Юго-Восточной Европе.

В последние годы марксистская историография уделяет все большее внимание раскрытию проблемы закономерностей и специфики в фашизме, анализу конкретных условий развития фашистских движений как в отдельных странах, так и в рамках региональной истории межвоенного периода. Показательно, что в исторической науке последних лет неоднократно начинались длительные дискуссии по поводу оценки разновидностей фашистских режимов. Одна из таких дискуссий состоялась на международном симпозиуме в Праге в 1969 г.⁸ Ряд вопросов об особенностях фашизма в странах Юго-Восточной Европы и о новом прочтении определения фашизма, данного Коминтерном в 1933—1935 годах, был поднят в докладе венгерского историка М. Лацко на XIII международном конгрессе исторических наук в Москве (1970 г.)⁹. Важное значение имела дискуссия по проблемам общей оценки диктаторских режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе и их соотношения с фашизмом, развернувшаяся на болгаро-польской комиссии историков в декабре 1972 г. в Софии¹⁰.

Нельзя не согласиться с мнением ряда участников отмеченных дискуссий, что национальная история этих стран не может быть научно объяснена без учета и реального использования результатов исторического анализа, предпринятого по отдельным разновидностям фашизма на фоне целого региона¹¹. Принимая во внимание сходство социально-экономических структур и связанных с ними структур политических в странах Юго-Восточной Европы, нам представляется особо интересным комплексное рассмотрение специфики становления политической системы фашизма в 30-е годы на примере двух балканских стран — Болгарии и Румынии.

По признанию румынских историков¹², наиболее ценными теоретическими исследованиями данной темы в Румынии являются труды видного деятеля компартии, ученого-марксиста Л. Патрашкану¹³. Он рассмотрел особенности общественно-экономического развития королевской Румынии накануне войны, социальную базу и эволюцию румынского фашизма. Интересно выяснение им роли и места крупного монополистического капитала в системе фашизации государственной власти.

Значительным явлением в румынской историографии 50-х годов стал выход систематического курса лекций по истории Румынской рабочей партии, где наиболее цельное освещение получили проблемы становления фашизма в стране¹⁴.

В последние годы ученые СРР проделали большую работу по изучению экономических и политических процессов, приведших к установле-

⁷ R. de Felice. Le interpretazioni del fascismo. Bari, 1969, p. 21.

⁸ «Fasismus a Europa. An international Symposium». Praha, 1969, t. 1, 1970, t. 2.

⁹ М. Л а ц к о. Фашизм. Разновидности фашизма в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1970.

¹⁰ «Исторически преглед». София, 1973, № 3.

¹¹ Я. Ж а р о в с к и. Проблема авторитарных и диктаторских режимов в Центральной и Восточной Европе в период между двумя мировыми войнами. «Etude balkaniques». Sofia, 1973, № 2, p. 93.

¹² «Impotriva fascismului». București, 1971, p. 259.

¹³ L. P ă t r ă ș c a n u. Problemele de bază ale României. București, 1945; e г о ж е. Sub trei dictaturi. Bucuresti, 1970.

¹⁴ «Lecții în ajutorul celor care studiază istoria a PMR». București, 1961.

нию в стране фашистской диктатуры¹⁵. Ценным исследованием важнейших проблем королевской диктатуры и противоречий, существовавших в румынском обществе накануне второй мировой войны, является работа А. Саву¹⁶.

Разработка проблем предвоенного периода истории Румынии ведется и в советской историографии. Большое внимание изучению внешней политики Румынии, а также взаимоотношений реакционного союза правящих классов и фашистского движения накануне и в ходе войны уделяется в трудах Н. И. Лебедева¹⁷. Вопросам экономического базиса и политической истории буржуазной Румынии 30-х годов, проблемам румынского фашизма и антифашистской борьбы масс посвящены работы А. А. Язковой¹⁸. А. А. Шевяков подробно исследовал зависимость румынской экономики от иностранного капитала и широко показал борьбу трудящихся во главе с КПР против германской экспансии и королевской диктатуры¹⁹.

Отмеченные работы румынских и советских исследователей, а также «История Румынии. 1918—1970»²⁰ многосторонне освещают различные стороны жизни румынского общества в межвоенный период.

Советские ученые внесли определенный вклад и в разработку проблем болгарского фашизма. Процесс развития фашистского наступления, история классовых боев и антифашистского сопротивления болгарского народа в 30-е годы рассматриваются в монографии Л. Б. Валева²¹. Из новейших работ заслуженно привлекает к себе внимание исследование В. Д. Вознесенского, который вскрывает социально-экономические корни установления фашистской диктатуры в Болгарии²².

Итоги освещения современной болгарской историографией данной тематики были подведены в ходе плодотворной дискуссии, организованной Болгарским историческим обществом и посвященной характеру, сущности и этапам развития фашизма в Болгарии²³. Важное значение для развертывания дальнейших исследований в этом направлении имели и материалы болгаро-польской комиссии историков (София, 1972), которые получили отражение в болгарской и польской исторической литературе.

Исследования различных сторон фашизма, этого сложного и противоречивого социально-политического явления в истории Болгарии и Румынии кануна второй мировой войны, разумеется, еще должны будут углубляться на основе изучения новых документов и дополняться новыми выводами. Не получила окончательной оценки сама форма политического режима в Румынии в 1938—1940 гг. — так называемая «королевская диктатура». В настоящее время проблемы социальной природы королевского режима в Румынии, политической эволюции монархо-фашистской дикта-

¹⁵ «Impotriva fascismului»; I. F ă t u, I. S p ă l ă ț e l u. Garda de fier organizatie de tip fascist. București, 1971.

¹⁶ А. Саву. Диктатура regală (1938—1940). București, 1970.

¹⁷ Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961; е г о ж е. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968.

¹⁸ А. А. Язкова. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963; е е ж е. О некоторых вопросах изучения истории румынского фашизма. «Вопросы истории», 1970, № 3.

¹⁹ А. А. Шевяков. Борьба компартии Румынии против политики фашизации страны (1939—1941). «Вопросы истории», 1959, № 8; е г о ж е. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963.

²⁰ «История Румынии. 1918—1970». М., 1971.

²¹ Л. Б. Валева. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964.

²² В. Д. Вознесенский. Царь Борис, Гитлер и легионеры. «Новая и новейшая история», 1971, №№ 1—2.

²³ Л. Б. Валева, Р. П. Гришина, С. А. Никитин. Обзор журнала «Исторически преглед». «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 195—196.

туры в Болгарии носят дискуссионный характер в историографии этих стран. Поэтому автор не претендует на исчерпывающее освещение проблемы становления политической системы фашизма в рассматриваемых странах, однако, по некоторым вопросам исследуемой темы уже могут быть высказаны предварительные суждения.

Откровеннее и полнее всего национальная специфика фашизма в странах Юго-Восточной Европы проявилась в самой форме организации системы государственной власти. Как в Румынии, так и в Болгарии утвердился монархо-фашистский режим — разновидность так называемого «королевского фашизма», социальную сущность которого можно правильно оценить лишь при анализе социально-экономических структур и политических традиций в этих странах. Румыния и Болгария в предвоенные годы были странами со слабо развитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством, где было занято до 70—80% населения. Однако было бы непростительной ошибкой при определении характера экономики обеих стран ограничиваться лишь количественными характеристиками. Следует учитывать, что в довоенное десятилетие и в Румынии, и в Болгарии на общем фоне слабо развитой капиталистической экономики достаточно высокого уровня достигла концентрация промышленного и банковского капитала. После экономического кризиса 1929—1933 гг. подъем промышленного производства в этих странах затронул прежде всего отрасли крупной промышленности, связанные с расширением все более возраставших государственных заказов. Вследствие неизбежных переливов капитала при такой неблагоприятной для ряда старых традиционных отраслей производства экономической конъюнктуре, а также целенаправленной политики милитаризации государства в экономике обеих стран укрепились позиции монополистического капитала тяжелых отраслей промышленности, где концентрация и централизация производства и рабочей силы достигли высокого уровня²⁴.

Фактически в болгарской промышленности выделилась кучка монополистов, которой принадлежали 50—80% всех капиталов и еще более значительная доля производства²⁵. Засилье крупнейших монополий царило и в румынской экономике. Особенностью монополистического развития экономики этих стран являлось усиление позиций иностранного капитала; практически они находились в полной зависимости от иностранных монополий. Нефтяная, химическая, цементная, бумажная и отдельные отрасли легкой промышленности Румынии целиком управлялись фирмами международных монополий²⁶.

В обеих странах сложилась сильная финансовая олигархия. В Болгарии значительную роль стали играть смешанные монополии болгаро-германского и болгаро-французского капитала. Выделившиеся группы финансово-монополистической элиты Бурова — Губидельникова, Атанасова — Наудашера — Брупбахера заняли ключевые посты в государстве, составляя ближайшее окружение царя Бориса²⁷. С середины 30-х годов и в Румынии ведущее положение занимала «большая пятерка» крупнейших банков. Достаточно сказать, что члены их административных советов занимали почти 400 постов в руководстве промышленными и торговыми монополиями, эти банки определяли по существу всю финансово-экономическую политику в стране²⁸.

²⁴ «Anuarul statistic al României. 1938—1939». București, 1939, p. 19.

²⁵ Л. Б. В а л е в. Там же, стр. 40.

²⁶ N. N. C o n s t a n t i n e s c u, V. A x e n c i u c. Capitalismul monopolist in România. București, 1962, p. 175.

²⁷ В. Д. В о з н е с е н с к и й. Там же, стр. 81.

²⁸ N. N. C o n s t a n t i n e s c u, V. A x e n c i u c. Ibid., p. 174—175.

Специфика социального развития Румынии состояла прежде всего в том, что там исторически сложился реакционный союз правящих верхов из представителей империалистической буржуазии и земельной аристократии. Крупные промышленные и финансовые магнаты, как правило, сохраняли свои связи с землевладением. Например, один из ведущих представителей монополистического капитала Г. Негропонтэ, располагая десятками тысяч акций одного только Румынского банка, являлся столь же крупным землевладельцем, хозяином 3 огромных поместий в 1430 га. Семейство Алимаништяну — старая землевладельческая аристократия — в 1938 г. владело акциями ведущих нефтяных и химических монополий, а также держало пакеты акций нескольких промышленных и банковских обществ²⁹. Особенностью социальной структуры буржуазной Болгарии было почти полное отсутствие крупного землевладения при значительном расслоении крестьянского населения.

Политически наиболее реакционной силой в болгарском обществе было офицерство. Как показывают исследования, высшее офицерство имело тесные связи с крупным капиталом Болгарии³⁰. Кроме того, решающим фактором укрепления позиций военщины в системе политической реакции являлась программа пересмотра Нейиского договора и выдвижение претензий на возвращение Южной Добруджи. Итак, территориальные потери в первую мировую войну, слабость экономического и военного потенциала Болгарии, бремя репараций, значительное ухудшение положения армии, — все это усиливало стремление военщины взять власть в свои руки.

Аналогичную позицию, хотя и не так отчетливо, ибо Румыния оказалась в лагере победителей после первой мировой войны, занимали и румынские милитаристские круги. Особое место армии в системе буржуазной государственности всегда порождало у военной бюрократии стремление играть самостоятельную роль в политике. Поэтому, на наш взгляд, вообще невозможно представлять эволюцию политических режимов в той и другой стране без тесного переплетения их с планами милитаризма.

Многие особенности перехода к фашизму в Болгарии и Румынии определялись формой государственной власти в этих странах — монархией. После экономического кризиса начала 30-х годов в политике этих стран прослеживается усиление фашистских тенденций правления. Руководящие группы национальной буржуазии — монополии связывали поиски выхода из кризиса с политикой «твердой руки», которая обеспечила бы им преимущественное положение в правящих верхах. Прежние формы управления — конституционно-парламентские системы, даже и в неразвитом, ущемленном балканском варианте, становятся препятствием для тотального контроля монополий и государства над обществом. «Вот почему буржуазия вынуждена стать реакционной и обратиться к фашизму»³¹, — писал П. Тольятти. К середине 30-х годов в обеих странах отмечается усиление власти монарха и органов государственного аппарата, его милитаризация, практиковалось введение чрезвычайного положения в периоды нарастания социальных конфликтов. Ставка буржуазии в этой политике — установление своей диктатуры в открытой форме.

Но каково место фашизма в ее планах?

Отдельные организации националистического и профашистского типа возникли в той и другой стране после первой мировой войны. Вначале это были различные неоднородные мелкобуржуазные группы, включавшие молодежь, деклассированные элементы, бывших фронтовиков, они раз-

²⁹ Ibid., p. 174—175.

³⁰ «Исторически преглед», София, 1966, № 6, стр. 86.

³¹ П. Т о л ь я т т и. Лекции о фашизме..., стр. 40.

вивались импульсивно и выступали независимо друг от друга. Их выступления не играли еще большой роли в политической жизни общества. Фашизм приобретает характер целенаправленного движения, когда «решающие слои финансового капитала — промышленники и аграрии — увидели в фашизме орудие, позволяющее им сломить революционный подъем рабоче-крестьянских масс, орудие для осуществления диктатуры крупной буржуазии, финансового капитала над широкими массами трудящихся»³².

Своеобразием в развитии Болгарии в 20-е годы следует считать тот факт, что в обстановке острого революционного кризиса, вызванного войной и влиянием Великого Октября, болгарская буржуазия сделала ставку на установление военно-террористического режима. Реакция, используя разобщенность народных масс и политических сил страны, в июне 1923 г. совершила государственный переворот, свергла буржуазно-парламентское правительство БЗНС и установила военно-фашистскую диктатуру³³.

В Болгарии наиболее сильной фашистской организацией стало Национально-социальное движение (НСД) Ал. Цанкова, платформа которого являла собой компиляцию программных идей германского и итальянского фашизма и политических устремлений болгарской буржуазной реакции³⁴. Другим центром фашистских тенденций являлась политическая группировка «Звено», программа которой предусматривала ликвидацию конституционно-демократических форм правления во имя «возрождения» государства на началах «нового порядка». НСД и «Звено» с начала 1934 г. начали подготовку к захвату власти. Они были связаны с Военным союзом — организацией болгарского офицерства.

19 мая 1934 г. в Болгарии был осуществлен военно-государственный переворот, который имел крайне узкую социальную базу, «прежде всего непосредственно лишь часть армии, кадры среднего офицерского состава и очень узкие слои крупной буржуазии...»³⁵. Поэтому установленная в Болгарии военная диктатура не была устойчивой. Экономически господствующие монополистические верхи при захвате власти опирались на армию, но в дальнейшем антимонархические настроения офицерских кругов становились неприемлемым фактором для крупной болгарской буржуазии.

Вскоре после переворота происходит несколько смен состава правительства, но военные кабинеты не переросли в политическую администрацию. Царь Борис взял политическую инициативу в свои руки. Сформированный им из своего ближайшего окружения и полностью послушный чиновничий кабинет Г. Кюсеиванова положил начало взаимной ассимиляции монополистической элиты и военно-фашистской реакции в рамках диктатуры монархии. Система складывавшегося таким образом монархо-фашистского режима в Болгарии слила в единое целое монархию и фашизм, отражая политическое господство наиболее реакционных слоев буржуазии.

В политической жизни Румынии середина 30-х годов была ознаменована значительным ростом вмешательства государства во все области жизни общества, так что лидеры старой либеральной буржуазии с тревогой отмечали «кризис либерализма» и предупреждали о наступлении эры «диктатуры государства»³⁶. Усиление откровенно фашистских тенденций

³² «Коммунистический Интернационал», 1932, № 27, стр. 62.

³³ Подробнее см. работы Р. П. Гришиной: «Советское славяноведение», 1972, № 1; «Коммунист», 1973, № 14.

³⁴ В. Г е о р г и е в. Буржуазните и дребнобуржуазните партии в България. София, 1971, стр. 46.

³⁵ «БКП в резолюции и решение на конференциите и пленумите на ЦК», т. III. 1924—1944. София, 1954, стр. 321.

³⁶ G. B r ă t i a n u. Liberalismul și democrație. București, 1935, p. 20.

во внутренней политике господствующих классов было обусловлено глубокими экономическими сдвигами, о чем уже говорилось ранее, а также влиянием наступления фашизма на международной арене. В эти годы началось экономическое и политическое сближение Румынии с Германией³⁷. В этих условиях намеченные на декабрь 1937 г. парламентские выборы должны были определить будущую политическую ориентацию Румынии. Массы выступали против реакции и фашизма, но не могли выбрать — за кого голосовать, чтобы спасти демократию. Позитивных избирательных программ у ведущих политических партий страны — национал-либеральной и национал-царанистской — не было. Более того, лидеры национал-царанистской партии, за которой шло большинство крестьянских масс, подготовили предательский сговор с фашистской партией «Железная гвардия» («Все для отечества»), чтобы провалить планы короля на установление личной диктатуры. Фашистское движение сумело использовать эту противоречивую обстановку в стране для демагогического разоблачения антинародной политики королевского правительства и добилось значительной поддержки избирателей. Так в декабре 1937 г. в Румынии у власти оказалась профашистская национал-христианская партия Гоги-Кузы.

Сформировав полностью зависимое от него правительство Гоги и назначив на командные посты своих сторонников, Кароль II тем самым обеспечил себе свободу политического маневрирования. Он не опасался слабо организованной и не имевшей реальной экономической силы, массовой базы и популярного в народе руководства национал-христианской партии. В этом видится предпринятая румынской монархией попытка выйти из разразившегося кризиса «верхов» с помощью открыто фашистского движения.

Анализируя специфику складывающихся монархо-фашистских режимов, исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой весьма острых противоречий монархии с низовыми фашистскими организациями, а вернее, с руководством этих организаций (например, легионерами — «железнодорожниками», ратниками, цанковцами). Однако эти движения не были достаточно сильными, чтобы самостоятельно утвердиться у власти или удержать ее. Главенствующая роль в установлении диктаторских режимов в странах Юго-Восточной Европы принадлежала централизованной исполнительной власти в лице царя, короля; правящие круги буржуазии, имея в лице монарха твердого защитника своих интересов, сохраняли всю полноту власти и не желали делить экономические и политические преимущества своего положения с главарями фашистского движения, пришельцами из низов общества. Один из участников дискуссии, проводившейся в журнале «Исторически преглед», И. Димитров считает, что «нужно видеть различия между причинами появления фашизма и установления фашистской диктатуры в стране и причинами, ради которых те или иные политические группировки ориентировались на него»³⁸. Монархия, опирающаяся на узкую группу крупнейших представителей финансово-монополистических кругов, высокопоставленных чиновников бюрократического аппарата, высшее офицерство, монархия, допускавшая некоторый альянс с фашистским движением ради обеспечения себе массовой базы в низах, именно в тоталитарном режиме видела не только способ защиты интересов правящих классов, но и путь для обеспечения династии неограниченной власти. Фашизм на Балканах шел «сверху», это была идеология и власть наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов финансового капитала.

³⁷ См. А. А. Язькова. Румыния накануне второй мировой войны, стр. 131.

³⁸ «Исторически преглед», 1968, № 1, стр. 96.

Но не следует считать, что фашизм в Болгарии и Румынии развивался по какому-то заранее намеченному плану установления своей диктатуры. Его наступление надо рассматривать как результат эволюции экономических и политических отношений, развивающихся в системе диктатуры монархии под влиянием международной политической конъюнктуры. При ином подходе нам просто не удалось бы объяснить, как и почему после сорокачетырехдневного правления фашистско-националистического правительства Гоги румынская монополистическая элита предоставила неограниченную власть королевской диктатуре (10 февраля 1938 г.). Кароль II окружил себя свитой чиновников и личных советников, резко ограничив круг правящих верхов. Эта так называемая «королевская камарилья» определяла курс внутренней и внешней политики страны и во имя усиления своих экономических и политических позиций стремилась к установлению своей открытой диктатуры. Отрасли экономики, которые находились под контролем представителей «камарильи», таких, как Урдаряну — министр королевского двора, бывшие премьер-министры Татареску, Аржетояну, Джигурту, магнаты нефтяных монополий и металлургической промышленности Малакса и Аушнит, — пользовались всевозможными привилегиями и государственными субсидиями. Круги, не связанные с «королевской камарильей», потеряли после установления королевской диктатуры не только свои позиции у кормила власти, но и бывшую монополию в экономической сфере (например, династия Брэтиану). Зато члены правительства королевской диктатуры представляли более 40 крупных промышленных обществ и главных банков страны³⁹. Не ясно ли, что 10 февраля была установлена не просто «личная диктатура» Кароля II. Государственный переворот осуществили наиболее реакционные круги господствующих классов, предоставив исключительную полноту власти новой элите, представлявшей в первую очередь тяжелую промышленность.

Режим королевской диктатуры не был явлением чисто румынского происхождения. На протяжении 30-х годов во всех балканских странах произошли подобные изменения в формах политического режима. Можно даже заметить, что Румыния была «последним государством на Балканах, которое пошло по этому пути»⁴⁰.

Что означало для этих режимов сочетание таких трех политических категорий, как монархия, диктатура и фашизм?

Складывалась монархо-фашистская тоталитарная система. Причем тоталитарными эти режимы становились с того этапа, когда «решающие слои буржуазии достигли максимального уровня экономического, а значит, и политического объединения»⁴¹.

Кароль II в Румынии и царь Борис в Болгарии, концентрируя в своих руках всю политическую власть, постепенно превращались в «национальных вождей» — фюреров. Монополистический капитал сам поддерживал установление в этих странах открытой диктатуры монархии. Постепенно эволюционизируя, эти диктатуры стали приобретать черты фашистского режима: запрещаются все политические партии, профсоюзы, отменяются последние демократические права и свободы; в Румынии вводится новая конституция фашистского образца, в Болгарии предается забвению буржуазно-демократическая Тырновская конституция. Политический террор, шовинизм и агрессивный антисемитизм становятся государственной политикой, активно проводится милитаристский курс.

³⁹ A. Savu. Ibid. p. 155.

⁴⁰ L. Pătrășcanu. Sub trei distaturi, p. 121.

⁴¹ П. Тольятти. Лекции о фашизме, стр. 44.

Первые кабинеты новых режимов провели ряд мероприятий для усиления роли государства в области экономической политики: учреждались новые монополии, создавались экономические советы для регулирования вопросов хозяйствования и т. п. Например, в довоенной Болгарии в государственном секторе сосредоточились такие ведущие отрасли хозяйства, как железнодорожный транспорт, почта, телеграф, до 90% угледобычи в стране, значительная часть банковских учреждений⁴². В Румынии вмешательство государства в экономику не пошло по пути национализации отраслей и отдельных предприятий промышленности. Оно сводилось к созданию смешанного государственно-монополистического комплекса в промышленно-финансовых объединениях. Так, государство финансировало предприятия, работающие на вооружение, например, 70% металлургической промышленности в Румынии обеспечивалось вкладами государства. Наряду с этим производилась скупка государством продукции отдельных отраслей производства⁴³. В румынской деревне проводилась политика поддержки нового класса деревенской буржуазии — кулачества, социальной опоры режима в крестьянской среде.

В поисках массовой социальной базы монархо-фашистские режимы пытались привлечь массы с помощью корпораций по примеру фашистской Италии. Создавались молодежные организации «Стража цэрий» («Стража страны») в Румынии и «Бранник» в Болгарии, участие в которых становилось обязательным для всей молодежи страны. Видя непопулярность королевской диктатуры в стране, правящие круги Румынии обязывали массы вступать в «Партию нации», надеясь организовать ее как единую централизованную фашистскую партию. Но фашистская партия не стала политической партией: она создавалась по бюрократическому принципу — сверху и не в состоянии была проводить контроль за всеми слоями населения. В Болгарии же царь Борис, видимо, опасаясь создания массовой партийной организации, стремился укрепить именно «беспартийный режим», воодушевляя массы идеей «национального возрождения»⁴⁴.

Существование специфических форм фашистских режимов очень затрудняет классификацию общих закономерностей развития фашизма в разных странах. Тем более актуальны сегодня слова Г. Димитрова, прозвучавшие на VII конгрессе Коминтерна, что было бы грубой ошибкой устанавливать какую-то общую схему развития фашизма для всех стран и всех народов, поскольку такая схема не поможет, а лишь помешает вести борьбу с ним. «Никакие общие характеристики, как бы они ни были верны сами по себе, — писал Г. Димитров, — не освобождают нас от необходимости конкретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах»⁴⁵.

Исследование закономерностей фашистского режима на примере изучаемых стран свидетельствует о следующем:

фашизм — как политика крайне реакционных сил господствующих классов, направленная на разрешение противоречий империализма, утверждение государственно-монополистического капитализма, и монархия — как форма государственной власти, слились здесь в единую систему. Монархо-фашизм представляет собой особый путь эволюции фашистского режима и особую форму фашистской диктатуры.

⁴² Л. Б. В а л е в. Там же, стр. 46—47.

⁴³ См. подробнее А. А. Я з ь к о в а. Там же, стр. 231.

⁴⁴ «История Болгарии», т. II. М., 1955, стр. 210.

⁴⁵ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 456.

Этот режим эволюционировал на протяжении ряда лет и принял законченную форму открытой террористической фашистской диктатуры.

Его социально-экономическая политика — укрепление государственно-монополистического капитализма, корпоративная система, фашистское трудовое законодательство, усиление вмешательства государства в экономическую сферу и т.д., — проводилась в интересах узкой группы империалистической буржуазии, связанной прежде всего с государственным аппаратом, крупной промышленностью, иностранным (германским) капиталом и милитаристскими кругами армейской верхушки.

Показателем стабильности режима, по нашему мнению, является способность мобилизовать и удерживать под своим влиянием массы. Отличительные признаки монархо-фашистских диктатур определяются прежде всего отсутствием у них массовой социальной базы. Фашизм в этих странах шел «сверху» и этим объясняется, с одной стороны, безудержный террор властей, расправа их с демократическим движением, даже преследование руководителей фашистских организаций из-за боязни их конкуренции (например, ликвидация главарей «Железной гвардии» в 1938 г. в Румынии); с другой стороны, необходимость идти на политические компромиссы с фашистским движением и опираться на армию.

Будучи в основе своей режимом, глубоко чуждым и ненавистным широким народным массам, фашизм в Болгарии и Румынии оказался исторически бессильным выполнить требования буржуазной реакции. Монархо-фашистский режим приводил к углублению неразрешимых внутренних противоречий, которые усугублялись по мере нарастания антифашистской борьбы народных масс и определяли политическую нестабильность этих диктатур. Вторая мировая война привела их к бесславному концу.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. КОЛЕВА. *БКП и международното комунистическо движение (1919—1924 гг.)*. София, 1973, 487 стр.

Т. КОЛЕВА. *БКП и международное коммунистическое движение (1919—1924 гг.)*

Рецензируемая монография, завершающая ранее опубликованные исследования Т. Колевой, является значительным шагом вперед в разработке сложного и многообразного комплекса проблем, связанных с классовой борьбой в Болгарии в 1919—1924 гг. и местом ее в мировом революционном процессе.

В работе использован широкий круг источников: труды В. И. Ленина, деятелей БКП и международного коммунистического движения, материалы советских и болгарских архивов, в первую очередь центральных партийных архивов КПСС и БКП, многочисленные газеты и журналы на болгарском, русском, немецком и итальянском языках, документальные публикации, исследовательские труды по проблемам болгарского и международного революционного движения.

Работа делится на главы, соответствующие отдельным этапам развития международного коммунистического движения в годы послевоенного революционного подъема. Большая и интересная глава «Революционные события в Болгарии в 1923 г. и Коммунистический Интернационал» завершает книгу. Думается, что автору следовало бы ограничить вторую хронологическую рамку исследования 1923 г., так как, по существу, почти весь анализ в этой главе не выходит за рамки международных откликов на Сентябрьское восстание и обсуждения его опыта и уроков международным коммунистическим движением.

Четко прослеживаются несколько главных тематических линий исследования — участие партии тесных социалистов, а затем БКП в основании Коминтерна, в его конгрессах, в выработке основных политических, стратегических и организационных документов Интернационала; творческое применение выводов и решений Коминтерна в зависимости от специфических условий классовой борьбы в Болгарии; роль БКП и руководимых ею массовых организаций в создании и деятельности международных объединений — Профинтерна, КИМа, МОПРа и т. д.; связи БКП с компартиями других

европейских стран (особенно Германии, Франции, Италии и стран Балканского полуострова); ее роль в деятельности Балканской коммунистической федерации; борьба болгарских коммунистов против правого оппортунизма, централизма, левачества в международном рабочем движении. В меньшей степени освещена помощь международного коммунистического движения болгарской компартии до фашистского переворота 1923 г., хотя отдельные сведения об этом в монографии приводятся. Определенным пробелом в работе является и то, что в ней не выделена проблема отношения БКП к конкретным национально-колониальным движениям и роли в них компартий и коммунистических групп.

Автор поступает совершенно правильно, сосредоточивая внимание на слабо разработанных, нерешенных или спорных проблемах. Вопросы применения в Болгарии решений и выводов Коминтерна рассматриваются лишь в меру необходимости. Т. Колева смогла найти верные пропорции для того, чтобы, с одной стороны, иметь основания для выводов по этим вопросам, и, с другой, не увлечься описанием внутренних процессов развития партии и не повторять ранее опубликованных исследований. Автор не обходит молчанием трудности, недостатки и ошибки, которые выявлялись в реализации указаний Коминтерна в практике БКП. В монографии успешно использованы методы сравнительно-исторического анализа. Широко сопоставляются, в частности, выводы и оценки БКП и Коминтерна. В отдельных случаях, однако, при таких сопоставлениях автор не становится на какую-либо определенную точку зрения. Например, по вопросу о том, по каким причинам Балканская коммунистическая федерация не приняла рекомендованную ИККИ идею включения в нее компартий Венгрии, Австрии и Чехословакии и превращения БКФ в Балкано-Дунайскую коммунистическую федерацию (стр. 197)

В книге впервые детально рассмотрена деятельность БКП в Коммунистиче-

ском Интернационале, воссоздана убедительная картина ее реального вклада в выработку стратегического курса и тактики Коминтерна. В этом смысле представляет большой интерес анализ участия болгарских коммунистов в I—IV конгрессах Интернационала, в пленумах и заседаниях ИККИ, их выступлений, вносимых ими предложений и документов. В качестве примера можно привести постановку на V конгрессе Коминтерна программного вопроса, важной составной частью которого было обсуждение проекта программы Болгарской компартии (стр. 303—305). Автор показывает, что этот проект, рассматривавшийся наряду с проектами программы Коминтерна и программными документами германской и итальянской секций, был шагом вперед к сочетанию максимальных требований с частичными и что направление, в котором он разрабатывался, в условиях, возникших на конгрессе принципиальных разногласий, совпадало с позицией делегации РКП(б).

Т. Колева подчеркивает сложность проблем, связанных с выработкой программных и тактических установок коммунистического движения, рассматривая взаимоотношения БКП с Коминтерном в динамике, в процессе становления. Речь идет, например, об обсуждении Интернационалом болгарского вопроса в 1921 г. (стр. 216—220) в связи с обвинениями болгарскими «левыми» коммунистами БКП в оппортунизме и инертности, направлявшимися в ИККИ. Специальная комиссия, выделенная ИККИ, убедившись в соответствии линии БКП установкам Коминтерна, положила конец инсинуациям «левых». В монографии показана роль БКП в разработке под непосредственным руководством В. И. Ленина тактики единого фронта, рабочего и рабоче-крестьянского правительств.

Автор рассказывает о работе в органах Коминтерна и руководимых им организациях известных болгарских коммунистов, в первую очередь В. Коларова и Г. Димитрова. Избрание В. Коларова генеральным секретарем ИККИ после IV конгресса рассматривается как свидетельство роста авторитета БКП в международном коммунистическом движении (стр. 309). Приводится ценный материал, характеризующий деятельность В. Коларова на этом высоком посту, помощь, которую он оказал ряду компартий. Столь же интересны новые данные о работе Г. Димитрова в Исполбюро Международного совета профсоюзов и в Профинтерне. Заслуживала бы, на наш взгляд, специального рассмотрения миссия Димитрова в качестве представителя Коминтерна при компартии Австрии, о которой лишь упоминается (стр. 425).

В монографии анализируются новые данные об отношении БКП к революционному движению, возникновению и

деятельности компартий в отдельных капиталистических странах. Отмечается регулярная и объективная информация трудящихся Болгарии через центральный партийный орган — газету «Рабочнически вестник» и другими путями о развитии борьбы пролетариата капиталистической Европы, поддержка болгарскими коммунистами молодых компартий. Очень интересен материал об участии представителей БКП в съездах социалистических и коммунистических партий, особенно в Германии и Италии. Бесспорной удачей автора является подробный рассказ об участии Х. Кабакчиева в Ливорнском съезде Итальянской социалистической партии (январь 1921 г.) в качестве представителя Интернационала и туринской группы «Ордине нуово» во главе с А. Грампи, о выступлениях Кабакчиева на этом съезде и на учредительном съезде итальянской компартии, образовавшейся в результате раскола в Ливорно (стр. 169—182).

Автор подчеркивает особое внимание болгарских коммунистов к проблемам революционного движения на Балканах, их содействие консолидации подлинно революционных сил региона, созданию и укреплению балканских компартий, преодолению в них оппортунизма и централизма. По этому вопросу также приводится обширный фактический материал. Раскрывая новые стороны деятельности Балканской коммунистической федерации, Т. Колева показывает центральное место, которое занимала в ней БКП, и обосновывает это весьма убедительно как сравнительно благоприятными объективными условиями деятельности БКП до 1923 г., так и революционными качествами самой партии. Подчас, впрочем, в книге речь идет о БКФ в целом, вне прямой связи с деятельностью БКП. Вообще процессам, происходившим в международном коммунистическом движении, а также в отдельных странах и партиях, уделяется чрезмерно много внимания, часто без прямой необходимости (стр. 161—162, 167—169, 179—180, 281—284 и др.).

Одна из наиболее интересных и наиболее глубоко разработанных в рецензируемой монографии проблем — отношение международного коммунистического движения к курсу БКП и ее практической деятельности после фашистского переворота 9 июня 1923 г. Этот вопрос непосредственно затрагивался в опубликованных ранее трудах, в частности в монографии Д. Косева¹, однако во всей многогранности и сложности он поставлен впервые в рецензируемой книге. Т. Колева подробно рассматривает, как складывалось отношение Коминтерна к

¹ Д. Косев. Международното значение на Септемврийското въстание 1923 г. София, 1964, стр. 193—224.

ошибочной позиции нейтралитета, занятой ЦК БКП непосредственно после фашистского переворота, ход обсуждения событий в Болгарии на III расширенном пленуме ИККИ (12—23 июня 1923 г.), причины, вынудившие Коминтерн выступить с открытой критикой тактики болгарской партии. Анализируется переписка руководства БКП с Коминтерном в июле 1923 г., в которой руководители БКП отстаивали свою доктринарную позицию. Т. Колева поставила и успешно решила вопрос о сущности миссии В. Коларова, направленного Исполкомом Коминтерна в Болгарию для помощи БКП в исправлении ее курса. Ставя вопрос, прибыл ли Коларов в страну с прямой директивой о подготовке вооруженного восстания или же цель его поездки состояла в оказании помощи БКП в выработке ее линии в зависимости от конкретных обстоятельств, Т. Колева решает его в пользу последнего и убедительно обосновывает свое мнение (стр. 353—354).

В книге подробно рассмотрена оценка Коминтерном Сентябрьского восстания в печати, на созванной им Первой международной крестьянской конференции (октябрь 1923 г.), а затем на заседаниях VI конференции БКФ, в Президиуме ИККИ, и, наконец, на V конгрессе Коминтерна. Создается впечатляющая картина использования Интернационалом опыта Сентябрьского восстания для дальнейшего развития и обогащения тактики международного коммунистического движения и отдельных его отрядов. При этом важно отметить, что ряд приводимых автором фактов и сведений дают дополнительную аргументацию для оценки характера Сентябрьского восстания как революционного выступления с целью создания рабоче-крестьянского правительства как про-

межучточной формы власти, формы подвода масс к социалистической революции, а не с целью создания Советской республики. Вопрос этот поныне дискутируется в болгарской историографии. Т. Колева придерживается, как видно из монографии, первой точки зрения. Анализ обсуждения болгарского опыта международным коммунистическим движением, приводимый в исследовании, дает, на наш взгляд, весомые доказательства ее правоты. Автор затрагивает вопросы развернувшегося за рубежом движения солидарности с участниками Сентябрьского восстания и роли Коминтерна в его организации, однако рассмотрены они фрагментарно и полного представления о масштабах этой важной акции поддержки героической борьбы болгарского рабочего класса и трудящегося крестьянства не дают.

Несмотря на отдельные недостатки и пробелы, отмеченные выше, монография Т. Колевой является серьезным и творческим научным исследованием. Она вносит весомый вклад в разработку актуальных вопросов новейшей истории Болгарии, истории БКП и руководимых ею организаций. Работа важна и с точки зрения дальнейшего изучения революционных интернациональных связей, развития Коминтерна и массовых революционных организаций, действовавших под его непосредственным руководством или в тесном контакте с ним. Будет она полезна и при изучении истории компартий в Европе, особенно немецкой, французской, итальянской и балканских стран. Новый научный труд является одним из свидетельств успешного развития болгарской марксистско-ленинской историографии.

Г. И. Чернявский

«ИСТОРИЯ ПЛОЦКА»

Даже беглое знакомство с этим капитальным (56 а. л.) трудом¹, явившимся результатом многолетней работы коллектива компетентных авторов, вызывает уважение благодаря широте охвата темы. Как показывает более внимательное изучение тома, в процессе его подготовки была не только использована обширная литература, но и введены в научный оборот ценные архивные материалы, включая рукописные фонды города.

О некоторых из этих фондов начиная с Капитульного, основанного в 1437 г., говорится в статье Юзефа Казимерского «Источники для создания истории Плоцка», которой предпослано предисловие ко всему тому, написанное председателем Плоцкого научного общества Якубом Хойнацким, возглавившим редколлек-

цию этого издания. В предисловии подчеркивается, что изучение истории Плоцка предусмотрено статутом общества, на одном из собраний которого уже в 1821 г. было доложено (и в том же году опубликовано) «Известие о городе Плоцке, содержащее описание важнейших исторических событий, касающихся этого города». Автором этой небольшой работы, не раз цитировавшейся польскими историками, был Винченцы Иполит Гаварецкий (1788—1852), написавший и ряд других работ, посвященных Плоцку — древнейшему центру Мазовии.

Статут города на основе так называемого нового права Плоцк получил в 1237 г. (т. е. на 20 лет раньше Кракова), а с 1495 г. стал воеводским центром Польши. В межвоенный период он стал повятовым городом и лишь после провозглашения Польской Народной Республики

¹ «Dzieje Płocka». Płock, 1973, 637 s.

начал превращаться в один из крупнейших промышленных и культурных центров страны.

Композиционно книга построена по хронологическому прищипу. Владзимеж Шафраньский освещает наиболее ранний период истории земли плоцкой — до 1138 г., ознаменовавшего начало того периода истории Плоцка, когда он был резиденцией князей мазовецких (плоцких). Говоря о древнейших памятниках материальной культуры, Шафраньский отмечает, что уже в IX—X вв. на Замковой возвышенности Плоцка существовало сооружение, предназначенное для совершения обрядов языческого культа, причем в качестве жреца-волхва действовал, видимо, кузнец.

О таком сочетании обрядовых функций с выполнением ремесленных обязанностей, как указывает автор, ссылаясь на изыскания акад. Б. А. Рыбакова, свидетельствуют и относящиеся к раннему средневековью археологические находки в районе Пскова и вблизи Чернигова. Аналогичные находки в Плоцке (кости жертвенных животных, остатки сосудов и металлических изделий) показывают, что и здесь санктуарий был вместе с тем и кузницей. Детально анализируя археологические реликты, Шафраньский приводит ряд чертежей и рисунков гипотетических реконструкций монументальных зданий, воздвигнутых еще во времена Мешка I и Болеслава Храброго. Рассказывая об исторических событиях этого времени, сопоставляя памятники славянского летописания (включая «Повесть временных лет») с западноевропейскими и арабскими источниками, автор показывает смену общественных формаций и уклада быта в драматическую эпоху феодальных распрей и становления польской государственности, называя Плоцк «одной из древнейших столиц Польши» (стр. 43). Шафраньский не проходит, однако, мимо того факта, что изучение истории раннего славянского средневековья затрудняется противоречиями, которыми изобилуют доступные нам источники, включая адресованное Мешку II известное письмо Матильды Швабской, позволяющее считать, что в XI христианство получало распространение в Польше не только в «латинском варианте».

Статья Тадеуша Жебровского охватывает период 1138—1495 гг. И в этой статье использован обширный материал, включая важнейший документ (подписанный Петром, епископом плоцким) о нормах «нового права», полученных городом, как уже говорилось, в 1237 г. В статье Жебровского, наряду с историческими и экономическими² данными, большое внимание уделяется культуре,

причем автор использует как археологические открытия, так и памятники сфрагистики — такова, например, печать плоцкого капитула (1289) с изображением кафедрального собора (репродукция на стр. 78). Однако, как подчеркивается в статье, во время последней войны фашисты ограбили плоцкие архивы, вывезя оттуда около 150 рукописей, судьба которых поныне неизвестна³. Есть основания полагать, что среди них были не только правовые документы (изученные проф. Адамом Ветуляни), но и литературные произведения, образцом которых может служить «Mors et miracula beati Vernerii» («Смерть и чудеса блаженного Вернера») — повествование, созданное по традиции беатификационного процесса его героя.

Т. Жебровский прослеживает судьбы Княжества плоцкого в тот драматический период его истории, который ограничен хронологическими рамками статьи. И в данном случае отмечается неполнота и противоречивость источников. Тем не менее отчетливо вырисовывается картина борьбы с феодальной раздробленностью и то стремление к утверждению польской государственности, которое проявилось в войнах с Тевтонским орденом, в частности во время Грюнвальдской битвы.

В этих войнах и битвах участвовал вместе со своим братом Янушем Земовит VI, князь плоцкий, бэлзский и равский, под властью которого находились и другие земли. Жебровский упоминает о его роли в борьбе с Орденом. Следовало бы, однако, как нам кажется, привести и свидетельство Длугоша, который отмечает под годом 1409, что король Владислав, «занимаясь охотой и пребывая у Беловежа в продолжение восьми дней, добыл много лесных зверей и, заселив в бочках, переслал их на Нареву и Вислу в Плоцк про запас для будущей войны»⁴.

Думается, что, говоря о Якубе из Кожквы, почти тридцать лет занимавшего епископскую кафедру в Плоцке, стоило бы упомянуть, что именно он служил торжественную мессу и произнес (на польском языке, как подчеркивает Длугош) пламенную проповедь, об-

дов, ведших оживленную торговлю в XII веке». См. «История Польши», изд. 2. Т. I. Под ред. В. Д. Корольюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1956, стр. 66.

³ Похищенные тогда же гитлеровцами в Плоцке ювелирные изделия неизвестного мастера первой половины XIII в., которому приписывается и орнаментация коронационного меча польских королей, удалось разыскать, и они находятся в настоящее время в Национальном музее в Варшаве.

⁴ Я н Д л у г о ш. Грюнвальдская битва. М. — Л., 1962, стр. 57 (Князь Земовит — был женат на сестре короля Александра).

² Советские историки также относят Плоцк к числу польских «крупных горо-

рашаяся «ко всему войску, собравшемуся в огромном числе у храма, (. . .) и своим удивительным даром убеждения воодушевил всех внимавших ему рыцарей на защиту королевства и родины, на мужественный бой с врагами»⁵.

Такая характеристика, данная Якубу из Кожквы автором «Истории Польши» (отец Длугоша, кстати сказать, был участником Грюнвальдской битвы, а дядя Бартош — кашелланом короля), помогает воссоздать образ плоцкого епископа-патриота, вдохновлявшего своих соотечественников не только на воинские подвиги, но и на труды в различных областях науки и искусства. В XV в., как подчеркивает Жебровский, в Краковском университете уже учились 42 студента из Плоцка. Город поддерживал связи и с зарубежными университетами и различными европейскими культурными центрами. Интереснейшие сведения об этом приведены в конце статьи (стр. 97—100), автор которой впервые вводит в научный оборот многие архивные данные.

Следующий раздел тома, написанный Стеллой Марией Шахерской, озаглавлен «Золотой век города, годы 1495—1580». Первая дата — год кончины князя Януша II — замыкает историю Плоцка как столицы феодального княжества и открывает новую страницу истории города и воеводства Плоцкого, вошедшего в состав земель Короны и управляющегося старостами, среди которых автор выделяет воеводу равского Анджея Серпского из Гульчева, ставленника королевы Боны, не раз приезжавшей в Плоцк, где бывала также ее дочери, в том числе Анна Ягеллонка, и сын Зыгмунт Август. Внимание королевской семьи к Плоцку, объяснявшееся, конечно, стремлением закрепить за Коронной мазовецкие земли, способствовало репрезентативному строительству в городе. Восстанавливался княжеский замок, а затем и собор, о пожаре которого (в 1530 г.) пишет Шахерская. Добавим, что в 1533 г. именно в Плоцке состоялось торжественное возведение в епископский сан прославленного польского государственного деятеля и поэта Яна Дантышка⁶.

Сведения о пожарах, разрушениях и эпидемиях в городе чередуются в статье с важными для истории культуры сведениями о развитии литературы и искусства, в частности о мастерах, иллюминировавших рукописи и украшавших их миниатюрами. Четыре миниатюры по заказу епископа плоцкого Эразма Цьолка, изображающие быт горожан, труд

строителей и группу школяров, воспроизведены в книге (стр. 120, 137, 139, 149). Говоря о школах Плоцка, автор цитирует высказывания воспитанника одной из них, Вавжиньца из Вшежеца под Ломцей, доктора обоих прав и теологии, каноника плоцкого, засвидетельствовавшего, что даже «infima», т. е. начальная школа в Плоцке, обеспечила такую подготовку своим «какам», что некоторые из них как «знаменитые профессора философии и свободных искусств блистали в Краковской академии». Рукопись плоцкого каноника погибла во время войны. Автор статьи пишет также об искусстве плоцких ремесленников, об инженерных работах и сооружении водопровода, называет имена работавших в Плоцке или происходивших оттуда ученых, останавливается на разносторонних связях города, содействовавших развитию его культуры, которое позволило назвать этот период «золотым веком», требующим, однако, как указывает автор в последнем (325-м!) примечании к тексту, дальнейшего изучения.

Судя по небольшому разделу, написанному известным историком Станиславом Гербстом и посвященному годам 1580—1700, данный период также заслуживает пристального внимания историков и историков культуры. Говоря о продолжавшемся развитии школьного образования и подчеркивая спорность оценки деятельности иезуитских школ, проф. Гербст пишет далее: «Отсутствие исследований препятствует определенности высказываний об искусстве в Плоцке» (стр. 168). Ученый выделяет, однако, монументальную скульптуру того времени, приводя в качестве примера «одно из самых великолепных позднеренессансных польских надгробий» — находящееся в кафедральном соборе надгробие архидиакона плоцкого Павла Глоговского, скончавшегося в 1589 г.

Повествование о судьбах Плоцкого воеводства в XVIII в., принадлежащее перу проф. Анджея Загорского, снабжено подзаголовком, подчеркивающим, что речь идет о «политической и военной истории Плоцка до начала Четырехлетнего сейма». Последствия «потопа» продолжились сказываться и в начале XVIII в., когда шведские войска разместили свои гарнизоны в Плоцке и других городах мазовецких, в которых в результате военных действий гибли не только люди, но и архивы, библиотека, здания и другие культурные ценности.

Автор этого раздела сжато, но весьма точно и убедительно показывает, как плоцкая общественность преодолела последствия этих разрушений (думается, что, описывая их, хорошо было бы указать на причины захватнических авантюр шведов и заинтересованности Карла XII в закреплении польского престола за его ставленником Станиславом Ле-

⁵ Там же, стр. 69.

⁶ См. W. P o s i e s h a. K rólowa Bona, t. IV. Poznań, 1958, s. 274. В этом капитальном труде, работу над которым прервала смерть ученого, содержатся ценные сведения о Дантышке.

циньским, так же как и на политические мотивы Петра Великого, оказывавшие решительную помощь Августу Саксонскому). Век Просвещения благотворно сказался на развитии культуры в Плоцке. Проф. Загорский вполне обоснованно останавливается на создании Эдукационной комиссии в 1773 г. и на приезде в Плоцк «правой руки Коллонтая», Франциска Салезия Езерского, а также на участии представителей Плоцка в Четырехлетнем сейме. Заканчивается эта статья кратким изложением фактов, связанных со вторым разделом Польши, с захватом Пруссией большей части Плоцкого воеводства.

Вторая часть книги, также состоящая из нескольких разделов, посвящена периоду утраты Польшей своей государственности и открывается статьей Марии Кеффер-Костанецкой о годах 1793—1807. В самом начале перехода Плоцка под власть прусского короля Фридрих Вильгельм II, еще до занятия Плоцка его войсками (7 апреля 1793 г.), поспешил, как подчеркивает автор статьи, заявить о своей решимости бороться с «якобинской заразой». Под предлогом этой «борьбы» начались преследования польских патриотов, с негодованием относившихся к чужеземцам, приступившим к германизации края. Характерно, однако, что союзниками польских патриотов оказались передовые деятели немецкой общест-венности, включая великого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана⁷, а также поэта Фридриха Людвиг Цахариса Вернера, живших одно время в Плоцке. Высланный из Познани в Плоцк за карикатуры на прусских чиновников, Гофман и здесь продолжал высмеивать их, вплоть до крайне непочтительного изображения министра юстиции, канцлера Гольдбека.

О драматических событиях последующих лет, частично отразившихся и в дневниках Гофмана, переехавшего из Плоцка в Варшаву, мы знаем из исторических трудов, ценным дополнением к которым следует признать сведения о судьбах Плоцка, приводимые в статье Кеффер-Костанецкой. Чрезвычайно интересны, в частности, страницы, посвященные возникновению в 1820 г. Плоцкого научного общества, инициатором создания которого был Каetan Морькони, ректор воеводской школы и выдающийся педагог-просветитель. Девизом этого общества, существующего и поныне, Морькони избрал знаменательные слова

«Conjunctis viribus» (объединенными силами), получившие горячий отклик в сердцах польских патриотов.

Станислав Костанецкий пишет о периоде 1830—1864, включающем Ноябрьское и Январское восстания. Здесь приводятся многочисленные имена участников этих восстаний, начиная с «бельведерчика» Людвика Оршишевского, и деятелей национально-освободительного движения, в той или иной мере связанных с Плоцком, где 23 сентября 1831 г. состоялась последняя сессия повстанческого Сейма. (В 1966 г., в 135-ю годовщину этого памятного события и в связи с праздником Тысячелетия Польши, в Плоцкой ратуше была открыта мемориальная доска.)

Как в обширной и содержательной статье Костанецкого, так и в статье Марьяны Худзиньского, охватывающей период 1865—1918 гг., прослеживается процесс формирования капиталистического строя и вместе с тем обострения борьбы не только за национальное, но и за социальное освобождение. Роман Дымок в статье «Годы второй Речи Посполитой» показывает, каким могучим стимулом в этой борьбе была Великая Октябрьская социалистическая революция, приводит важнейшие документы (некоторые в фотокопии) Исполкома Совета рабочих депутатов Плоцка, описывает революционные демонстрации, в которых ведущую роль играли польские коммунисты. Демонстрации польских патриотов не прекращались и в годы разгула санации, причем в статье приводятся данные об организационной роли плоцкого пролетариата, ряды которого постепенно крепели.

Немногие, но едва ли не самые трагические страницы книги повествуют о годах гитлеровской оккупации. И несмотря на то, что уже много написано о преступлениях нацистов, о лагерях смерти, грабежах, пытках и убийствах, эта глава (автор — Францишек Доробек), начинающаяся лаконичными сведениями о жертвах первых налетов фашистской авиации на Плоцк, читается с глубоким волнением. Древний польский город велено было именовать Шреттерсбургом (в честь хозяйничавшего там когда-то прусского барона фон Шреттера). Но уже в первой половине ноября 1939 г. в Плоцке возникла организация движения Сопротивления. Инициаторами ее создания были Веслав Костанецкий и Теодор Грабецкий, в квартире которого состоялось первое конспиративное собрание тогда еще немногочисленной группы плоцких патриотов. К концу года первый повстанческий батальон в составе 250 человек начал боевые действия против захватчиков, а к весне следующего года плоцкая подпольная группа уже насчитывала 500 человек, продолжая непрерывно увеличиваться. Вскоре уже в 12 повятах действовала группа «Серп

⁷ Как известно, среди предков Гофмана были поляки. См. O. K l i n k e. Hofmanns Leben und Werke. Braunschweig, Leipzig, 1902. За такое посягательство на «чистоту арийского происхождения немца» экземпляры книги Клинке сжигались нацистами.

и Молот», многие члены которой отдали жизнь за родину.

19 января 1945 г. в бривленских лесах было расстреляно свыше 200 пленных. В тот же день началось повальное бегство фашистов из города; Фр. Доробек не без иронии замечает, что в этот день уже некому было получать издававшуюся в Плоцке фашистскую газетку. В бесильной ярости гитлеровцы загнали в один из домов множество мирных жителей Плоцка, часть из них расстреляли, а остальных сожгли. То было последнее преступление гитлеровцев в Плоцке. В ночь на 21 января советские и польские войска заняли город.

Послевоенному 25-летию посвящена третья часть книги. Начинается она статьей Анны и Эрика Стоговских «Первые годы народной власти. 1945—1949». Авторы указывают, что конспиративные советы трудящихся начали возникать вскоре после провозглашения Польской Народной Республики во всех частях страны, оставшихся еще под гнетом оккупантов. В Плоцке первое такое собрание Городского совета (Miejskiej Rady Narodowej) состоялось уже в начале августа 1944 г., а повятового совета (Powiatowej Rady Narodowej) — 1 февраля 1945 г. уже в освобожденном городе. Подробно описывается самоотверженный напряженнейший труд польских патриотов, сразу же связавшихся с военным комендантом города майором Цыгановым, по распоряжению которого советские саперы немедленно приступили к разминированию города, благодаря чему удалось спасти древние памятники архитектуры, в том числе собор, правда, многие ценности его (включая мечи на гробницах Владислава Германа и Болеслава III) фашисты украли, так же как и часть аппаратуры электростанции и даже школьного имущества.

С поразительной быстротой возродился древний город. Преодолевая громадные трудности, польские патриоты отдавали все силы созидательному труду. 1 марта 1945 г. около двух тысяч жителей Плоцка пришли на общегородской митинг, где выступали представители Польской рабочей партии, в августе того же года состоялся съезд этой партии, а 21 марта следующего года — первый съезд деятелей Польской рабочей партии и Польской социалистической партии (с участием 500 делегатов). Секретарь Плоцкого повятового комитета ПНР Якуб Краевский, сражавшийся в партизанском отряде под кличкой «Куба» и находившийся впоследствии в рядах Гвардии людовой и Армии людовой, призы-

вал к объединению обеих партий. В ноябре 1948 г. он вместе с четырьмя другими плоцкими делегатами принял участие в Объединительном съезде в Варшаве, положившем начало славной истории Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Непосредственным продолжением статьи А. и Э. Стоговских является статья Марьяна Возьняка о социально-экономическом развитии Плоцка в 20-летний период 1950—1970 гг. Обилие фактических материалов и статистических данных позволяет судить о высоких темпах этого развития и о все возрастающей роли древнего мазовецкого города в жизни страны, победоносно строящей социализм. Как показывает далее Ф. Доробек, вклад Плоцка в это строительство непрерывно возрастает не только в области промышленности, но и культуры, о чем свидетельствует даже простой перечень предприятий, учебных заведений и культурных центров.

Завершается том «Кратким очерком истории города Плоцка», написанным председателем Научного общества Якубом Хойнацким и опубликованным на польском, русском, немецком, французском и английском языках. Книга прекрасно иллюстрирована, к ней приложены именной и географической указатели. Издание «Истории Плоцка» — одна из наиболее значительных заслуг Научного общества, о деятельности которого хочется сказать в заключение еще несколько слов.

Общество объединяет многочисленный актив деятелей науки, техники и культуры. Собрания Общества (на одном из них автору этих строк довелось побывать в дни VII съезда славистов в Варшаве) отличаются разносторонностью тематики, получающей отражение и на страницах публикуемого Обществом квартальника «Notatki Płockie». С 1970 г. при Обществе существует докторантский семинар, первым достижением которого явилась прошедшая с успехом в Варшавском университете защита (1973 г.) докторской диссертации членом Общества Яном Ковалевским.

Связи, поддерживаемые Обществом с Польской академией наук, Варшавским университетом и другими научными центрами страны, несомненно, способствуют успешной деятельности этого очага польской культуры, заслуженно пользующегося признанием общественности и окруженного ее заботами и вниманием.

Игорь Балза

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В ИСТОРИЮ МИРОВОЙ СЛАВИСТИКИ

Идея международного общения славистов возникла почти одновременно с консолидацией славяноведения. Показательно, что в конце XVIII в. Й. Добровский, один из основоположников славяноведения, мечтал о создании международного славистического журнала, полагая, что если «выйдет лишь маленькая тетрадошка этого журнала, то и это разбудит многих дремлющих»¹. В последующие десятилетия ученые многих стран неоднократно возвращались к этой идее. Сборники «Архива славянской филологии», выпущенные И. В. Ягичем, Этнографическая выставка в Москве 1867 г., опыты создания в конце XIX—XX вв. международной славистической библиографии — все это были первые шаги на пути к международному славистическому форуму. Казалось, что давняя мечта ученых осуществится уже в начале XX в., когда при активной поддержке русских и чешских славистов шла подготовка к съезду, прологом которого должен быть стать Предварительный съезд русских филологов, собравшийся в 1903 г. Однако прошло четверть века, прежде чем планы превратились в реальность. — I международный съезд славистов, официально именованный съездом славянских филологов, состоялся в 1929 г. в Праге. Приуроченный к 100-летней годовщине со дня смерти Й. Добровского, съезд впервые собрал славистов из разных стран и уже по одному этому превратился в заметную веху в истории мирового славяноведения. Среди представителей советской науки находились академики Н. С. Державин и П. Н. Сакулин. Этот и последующий (Варшава, 1934) съезды (III съезд не состоялся из-за второй мировой войны, однако, подготовленные к нему доклады были опубликованы), как в фокусе, собирали наиболее кардинальные проблемы славистики, свидетельствуя о достижениях и нерешенных вопросах ее развития. На IV (Москва, 1958), V (София, 1963), VI (Прага, 1968) и VII (Варшава, 1973) международных съездах во весь голос заявлено о себе славяноведение, основанное на марксистско-ленинских принципах, достойно представляемое учеными из Советского Союза и других социалистических стран. Именно поэтому история славистических съездов есть в значительной степени история мировой славистики.

Славянская библиотека в Праге, один из крупнейших и поистине уникальный информационный центр в области славяноведения, приступила к изданию серии

библиографических выпусков, посвященных материалам отдельных съездов. Уже издано три выпуска, посвященных соответственно I, II и VI съездам². При общности замысла каждый из выпусков имеет свои отличительные черты с точки зрения широты и методики подачи материала.

Первый выпуск, посвященный пражскому съезду 1929 г., содержит сведения о составе руководящих органов съезда, перечень обсуждавшихся проблем на историко-литературной, лингвистической и педагогической секциях, дневник съезда и библиографию. Последняя включает данные о публикациях, подготовленных к съезду или посвященных ему (с приведением рецензий), информацию о докладах на съезде, а также посвященные ему заметки и статьи из периодической печати.

Второй выпуск в основных своих чертах следует той же методике. После краткого предисловия и перечня членов руководящих органов съезда приведен список обсуждавшихся проблем по секциям (языковедческой, историко-литературной, общественно-правовой и историко-культурной, педагогической) и участников съезда. Далее следует библиография, включающая описание сборников и других публикаций к съезду, докладов, заслушанных на каждой из четырех секций, заметок и статей об итогах съезда в газетах и журналах. Выпуск заключается именованным указателем.

Выпуск, посвященный VI съезду славистов, во многом отличается от первых двух — в нем нет сведений, весьма важных для истории славистики, — дневника заседаний, перечня дебатировавшихся проблем и т. п. Составитель ограничился лишь библиографией, правда весьма подробной и обстоятельно составленной. Эта — основная — часть выпуска состоит как бы из двух комплексов. Во-первых, это описание сборников, монографий и других отдельно изданных работ, включая оттиски и журналы, сгруппированные по алфавиту стран-издателей. Во-вторых, — аналитическая роспись содержания сборников. В заключение приведен список сокращений и именной (авторской) указатель. Дополнением к этому выпуску является «Каталог славистической литературы 1963—1968 гг.,

² Sjezd slovanských filologů v Praze 1929. Bibliografie. Sest. R. Rejnková. Praha, 1968. 36 s.; II Mezinárodní sjezd slavistů. Warszawa, 1934. Bibliografie. Sest. E. Velinská a kolektiv. Praha, 1972. 78 s.; VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze. 1968. 7—13 srpna. Bibliografie. Zprac. E. Velinská. Praha, 1969, 136 s.

¹ М. К р б е с, V. M i c h a l k o v á. Der Briefwechsel zwischen J. Dobrovsky und K. d. Anton. Berlin, 1959, S. 50.

экспонировавшейся на VI международном съезде славистов в Праге»³.

Знакомясь с тремя выпусками Славянской библиотеки, нельзя не приветствовать предпринятых ею усилий по созданию библиографии международных съездов славистов. Учитывая, что библиография эта в будущем явится незаменимым подспорьем при разработке истории мировой славистики, хотелось бы пожелать, чтобы в последующих выпусках справочные материалы отражались с максимальной полнотой. В особенности это касается состава руководящих органов съездов, хроники заседаний и обсуждавшейся на них проблематики. Эти сведения, естественно, дополняя собственно библиографическую часть, избавят иссле-

дователя от необходимости вторично прорабатывать работу, которую неизбежно осуществляют составители. Можно также пожелать, чтобы выпуски, посвященные московскому и софийскому съездам, были изданы в возможно короткий срок, а не через 10—15 лет, как это намечено. Весьма полезным стало бы издание библиографии несостоявшегося III съезда. Библиографическая деятельность Славянской библиотеки хорошо известна специалистам в области славяноведения далеко за пределами Чехословакии. И это не удивительно, так как богатые фонды Славянской библиотеки являются надежной базой для работ в этой области. И нет сомнения, что новые библиографические труды, составленные Е. Вельнской и коллективом сотрудников Славянской библиотеки, будут с одобрением встречены славистами разных стран.

³ Katalog slavistické literatury (1963—1968), vystavené na VI mezinárodním sjezdu slavistů v Praze. Praha, 1970, 288 s.

А. С. Мильников

«РОМАНТИЗМ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ». ИЗД-ВО МГУ, 1973

В конце 1973 г. вышел в свет сборник «Романтизм в славянских литературах», приуроченный к VII Международному съезду славистов. Книга подготовлена филологическим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и факультетом польской и славянской филологии Варшавского университета. В статьях советских и польских авторов рассматриваются как общие, так и частные проблемы, связанные со сложной и во многом еще не проясненной проблематикой романтизма: типология русского романтизма, особенности романтизма в польской, чешской, хорватской литературах, межславянские литературные связи эпохи романтизма и т. д.

Чешская и словацкая литературы представлены статьями Р. Р. Кузнецовой «Чешский романтизм и творчество Махи» и Ю. Магнушевского (Польша) «К вопросу о любовной литературе в поэзии романтизма»; литература народов Югославии — работами Я. Вежбицкого (Польша) «Проблема романтизма в хорватской литературе» и Д. Нагиева «Поэзия Ивана Йовановича Змая в Восток».

Важная роль межславянских литературных связей в период романтизма раскрывается в работе Н. И. Кравцова. В связи с этой статьей хотелось бы подчеркнуть, что проблемы соотношения литературных связей и борьбы за национальную самобытность представляются более сложными, чем это изложено, поскольку очень разным было содержание понятий «нация», «национальное», а различные толкования самобытной, оригинальной, национальной литературы от-

ражали несходные цели и идеологические платформы. Нередко предлагаемые программы национальной литературы не отражали кардинальных проблем нации. Поэтому «скороговорка» в этом вопросе, что в данном случае, вероятно, объясняется жанром статьи, преподносящей материал очень сжато, порой конспективно, может привести к неточностям.

Польский ученый Ю. Магнушевский в упомянутом исследовании приходит к аргументированному выводу о том, что любовная письменность, будучи одной из важнейших составных частей литературной жизни в период пререствовавший национальному возрождению, сыграла определенную роль в формировании современной литературы чехов и словаков.

Большая часть работ посвящена русской и польской литературам. Хронологически наиболее ранний период развития русской литературы затронут в статье В. В. Кускова «Мотивы и образы древнерусской литературы в русской поэзии первой четверти XIX века», перекликающейся с исследованием Ю. Магнушевского. По справедливому мнению автора изучение характера использования образов, сюжетов, поэтических словесных формул древнерусской литературы поэтами начала XIX в. представляется интересным и важным при решении вопроса о своеобразии русского романтизма. Древнерусская литература служила поэтам-романтикам арсеналом героических образов и поэтических художественных средств.

Очень важным, сложным и во многом спорным problemом типологии русского

романтизма посвящена основательная и чрезвычайно интересная работа В. И. Кулешова. В ней автор говорит о значении двух эпох русского романтизма (20-е и 30-е годы), об уточнении понятий и терминов, о соотношении романтизма и романтики. Автор определяет типологию романтизма, исходя из его видовых разграничений: психологический, философский, гражданский.

Многоаспектная проблема народности в польском романтизме, относящаяся как к области эстетики, так и к сфере идеологии, раскрывается в статье М. Стрешевской (Польша). О становлении романтической критики в Польше пишет польский ученый З. Либеря. Его коллеги Б. Гальстер и А. Семчук в своей содержательной работе касаются одного из спорных вопросов в истории русской литературы первой четверти XIX в. — вопроса о характере литературного творчества декабристов, о взаимоотношении просветительского и романтического начал.

Е. З. Цыбенко, анализируя в своем интересном исследовании русскую и польскую прозу 30—40-х годов XIX в., обнаруживает много сходного в их развитии, что позволяет автору прийти к обоснованному выводу о типологической общности русской и польской романтической повести. Однако, пишет автор, это сходство обусловлено самой эстетической природой романтизма (стр. 150). Если это так, то в чем же тогда специфика именно русско-польских литературных сходжений и не противоречит ли этому положение о «значении для польской прозы богатого опыта русской литературы» (стр. 151)?

О романтическом начале в творчестве И. С. Тургенева пишет П. Г. Пустовойт, недостаточно четко, на наш взгляд, проводя грань между романтизмом и романтикой. К. И. Тюнькин в интересной статье раскрывает непростые «отражения» романтической культуры в творчестве Ф. М. Достоевского, который в характере героя объективировал романтический тип культуры, дал романтическую интерпретацию кардинального для челове-

ского существования отношения: «свобода — необходимость».

В краткой рецензии невозможно остановиться на каждой из статей в отдельности. Говоря о всей книге, хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость разработки проблематики романтизма в славянских странах для решения проблемы романтизма в целом и важность появления подобных исследований.

Прошло то время, когда романтизм рассматривался со знаком минус, как проявление идеализма и субъективизма. Теперь ему воздают должное. О романтизме много пишут и спорят, все чаще привлекая материал славянских литератур. Спорных вопросов пока еще остается немало. И в этом сборнике некоторые положения представляются малоубедительными, либо дискуссионными, вызывают желание поспорить, что в конечном итоге даст положительные результаты.

В ряде статей все еще чувствуется влияние привычного деления романтизма на прогрессивный и реакционный по идейным, политическим признакам без учета художественной специфики, что представляется непропорциональным и ведет к неточностям, ошибкам в оценках романтизма как нового и прогрессивного по сравнению с предшествующим направлением. К романтизму, как и к реализму, обращались представители самых различных ориентаций, что ни в коей мере не могло «дискредитировать» художественный метод в целом.

В заключение хотелось бы сказать, что недостатки, которых трудно избежать в сборниках, составленных из очень разных с точки зрения сложности и степени разработанности проблематики статей, суть продолжение достоинств и свидетельствуют о разнообразии и широте охвата тем. Нет сомнения в том, что данная книга послужит стимулом для дальнейшего исследования такого сложного явления, как романтизм, привлечет внимание специалистов.

Д. Прокофьева

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК СТАРОПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Интересной иллюстрацией старой латинской пословицы о том, что книги имеют свою судьбу, стала история опубликованного недавно Юзефом Майером в катовицком издательстве «Шльйск» неизвестного памятника польской мящанской литературы XVII в. — диалога «Янтасек с московской войны возвратившийся»¹. Книга представляет собой

факсимиле краковского издания произведения, датированного 1661 г.

Впервые после первого издания диалог был упомянут в «Словаре польских поэтов» М. И. Юшиньского: «Стих издохой. Может пригодиться истории»². Однако

polskiej. Wyd., post., i przyp. J. Mayer. Katowice, 1972, 81 s.

² М. И. Юшиньский. Dykcjonarz poetów polskich, t. II. Kraków, 1820, s. 425.

¹ «Jantaszek z wojny moskiewskiej (1661)». Nieznany utwór literatury staro-

Юшипский не привел ни одного отрывка из диалога, а экземпляр, который был ему доступен, пропал без следа. Спустя 18 лет Игнацы Крашевский безуспешно разыскивал «Янташека» с целью публикации в «Археотеке», обращаясь к возможным обладателям памятника через прессу и напоминая им, что отказ предоставить его для публикации является грехом «против религии памятников»³. Упоминается диалог и в библиографии Эстрайхера⁴, который указывает даже место его хранения — библиотеку Тарновских в Дзикове. Обнаружить его там, однако, не удалось даже такому кропотливому исследователю и библиографу мецанской литературы, как Кароль Бадецкий. Лишь спустя 300 лет, прошедших после первого издания, в конце 1962 г. экземпляр «Янташека», считавшегося навсегда потерянным или недоступным, был неожиданно приобретен у частного лица Сидельской библиотекой в Каговицах⁵. Известный исследователь старопольской литературы Юзеф Майер после нескольких месяцев работы над неизвестным до сих пор текстом выступил перед польскими учеными в Кракове, Вроцлаве и Каговицах с докладами, посвященными истории и анализу произведения⁶. Хотя ученый и опубликовал подробное описание и фрагменты памятника⁷, полный текст его оставался неизвестным широкому кругу полонистов, ожидавших непосредственного ознакомления с ним в течение еще 10 лет.

Рецензируемое факсимильное издание Ю. Майер снабдил современной транскрипцией с подробнейшим историческим, литературоведческим и лингвистическим комментарием, а также послесловием, где публикуемый памятник рассматривается с полиграфической, историографической и литературоведческой стороны. Тщательный анализ языка произведения с графической, фонетической, грамматической, лексической и этимологической точек зрения выполнен А. Ковальской и помещен в конце книги (стр. 79—81). Подводя итог своим наблюдениям, исследовательница приходит к выводу, что «Янташек» возник на территории Малой Польши и написан на местном варианте литературного польского языка

XVII в. с использованием элементов диалекта. Ковальская отмечает в языке произведения определенные формы (мазурение, метатеза и др.), которые уже в XVII в. ощущались как простонародные. Как известно, использование такого языка характерно для польской мецанской литературы, в отличие от литературы образованных слоев общества.

«Полное издание» „Янташека с московской войны возвратившегося“, — пишет Ю. Майер в послесловии, — представляется тем более важным, что произведение это обладает оригинальными литературными достоинствами, обнаруживая вместе с тем явные связи как с некоторыми произведениями совизжальской литературы, так и с другими памятниками тогдашней письменности (стр. 65). Место «Янташека» в истории старопольской литературы определяется исследователем, во-первых, с точки зрения его соответствия с эпическими произведениями, воспевающими военные походы, во-вторых, с мецанским направлением, не создавшим эпички и крайне проницательно оценивающим шляхетский комплекс воинской доблести и рыцарства. В-третьих, подробный анализ художественных особенностей произведения, в частности его стилистических моментов, приводит Ю. Майера к оправданному признанию его самостоятельной ценности.

Тематически «Янташек» связан с событиями польско-русской войны 1658—1664 г., точнее, с военными действиями конца 1660 г., когда польская армия достигла значительных, хотя и временных, успехов. Таким образом, это тот же исторический материал, который отчасти отражен в знаменитых «Дневниках» Яна Хризостома Пасека, в «Воине с Шереметом» Самуэля Лещинского⁸, считающейся одно время единственной возможной на эту тему, и в ряде документальных исторических произведений, как, например, «История правления Яна Казимира Веспасиана Коховского и др. Существенно, однако, что герои «Янташека» являются представителями крестьянства, что и автор произведения, по всей видимости, в отличие от Лещинского и Пасека, связан своим происхождением именно с этой средой.

Присоединенные к тексту обращения «К упорным москалям» и «К мужественным полякам» недвусмысленно свидетельствуют об официально-патриотической ориентации произведения, а также о

⁸ «Potrzeba z Szeremethem, Hetmanem moskiewskim i z Kozakami, w Roku Pańskim MDCLX (1660) od Polaków wygrana». Kraków, 1661.

Это произведение было издано как анонимное, авторство установлено позднее Эстрайхером.

³ «Tygodnik Petersburski», 1838, № 38.

⁴ K. E s t r e i c h e r. Bibliografia polska, t. 18, Kraków, 1901.

⁵ Sygn. 221301 I.

⁶ Spr. z posiedzeń Komisji PAN, Odd. w Krakowie, Kraków, 1963, s. 93—95; Spr. Wrocławskiego TN, R. 18, Wrocław, 1965, s. 32; Rocznik TL im. Mickiewicza, R. 1, N 1, Warszawa, 1966, s. 75.

⁷ J. M a y e r, Jantaszek z wojny moskiewskiej (1661). Nieznany utwór polskiej literatury mieszczańskiej XVII w. In: Rocznik Komisji Historyczno-literackiej PAN. Odd. w Krakowie, R. 4, 1966, s. 29—82.

его пропагандистской функции. Последнее было необходимо для ведения непопулярной войны страной, измученной уже «столетием войн». Воспевание ратных подвигов доблестного польского войска, созвучность традиционным мотивам рыцарства, шляхетским идеалам воинственности — все это сближает «Янташек» с произведениями официальной литературы и отдаляет его от комплекса литературы совизжальской, традиций которой, однако, формально использованы анонимным автором диалога. Совизжальским произведением на военную тему свойственна рационалистическая демифологизация общественного сознания, резко негативное отношение к войне и военной пропаганде, которой противостоятся здоровый смысл и реальные интересы «маленького человека» XVII в. Говоря о традициях совизжальской литературы, использованных автором «Янташек», следует отметить прежде всего его публицистическую оперативность — он издан через полгода после описываемых событий. Совизжальская литература характеризовалась быстрой реакцией на возникающие общественные проблемы, использованием литературных жанров в полемике по этим проблемам, а следовательно, расширением за счет этого тематической сферы литературы. «Янташек» наследует и традиционную, ставшую чрезвычайно популярной, совизжальскую форму диалога между отцом и сыном (или Ксендзом и Альбертусом), возвратившимся с войны и повествующим о сражениях и своей военной судьбе (ср. диалог «Альбертус с войны возвратившийся» — 1596 г. и «Возвращение Матяша с Подола» — 1617—1620 гг.). В исчерпывающих и увлекательных комментариях к рецензируемому изданию Ю. Майер тщательно прослеживает многочисленные сходные элементы разных уровней (схематические, ситуативные, языковые) в «Янташке» и формально аналогичных диалогах совизжальского цикла. Однако исследователь справедливо отдает себе отчет в том, что формальное наличие одних и тех же элементов поэтики еще не свидетельствуют одалеко идущем, глубинном сходстве сплечаемых произведений, разделенных к тому же

значительной временной дистанцией. Известно, например, что элементы совизжальской поэтики использовались даже в произведениях иезуитской ориентации. «Следует помнить, — пишет Ю. Майер, — что „Янташек“ представляет собой очень позднее — возможно даже последнее — звено в цикле этих произведений. Частично он ведет свое происхождение от них, хотя представляет уже иную среду. Его сближают с ними некоторые совизжальские приемы, однако они используются при разработке несколько чуждой для этой литературы тематики и служат столь же чуждым для нее целям пропаганды. Время его публикации — 1661 г. — это ведь упадок мещанской литературы. Как позднее произведение, „Янташек“ утратил многое из оригинальных черт совизжальского прототипа, лишь механически повторяя некоторые его элементы» (стр. 69).

С этим выводом ученого хотелось бы согласиться, подчеркнув еще раз несравненно большее значение внутренних различий указанных произведений, чем их внешнего подобия. Реализованное в первых совизжальских диалогах негативное отношение к войне, к мифу воинственных предков, к рекламируемой доблести героев, ко всякой милитаристской пропаганде нашло свое блистательное завершение в «Новой рыбалтовской комедии».

Следует отметить, что помимо собственных историко-литературных достоинств «Янташек» обладает не менее важным косвенным — свидетельствуя об одной из линий эволюции, которую претерпела совизжальская литература, о живучести разработанной ею системы поэтики и мобильности созданного ею художественного языка.

Обнаружение и публикация «Янташка с московской войны возвратившегося» является крупным научным событием в истории изучения старопольской литературы. Большая заслуга в этом принадлежит Ю. Майеру, труд которого по изданию и тщательной научной обработке неизвестного до сих пор памятника достоин самой высокой оценки.

В. Мочалова

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1974 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

В а ч н а д з е Г. П. Национализм на службе буржуазной пропаганды против стран социализма. Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1974, № 2.

К о л ь ц о в П. С., М о к ш и н С. И. Актуальные проблемы идеологической борьбы в области истории коммунистического и рабочего движения и задачи историко-партийных журналов. (Международная конференция представителей редколлегий историко-партийных журналов социалистических стран. Варшава, 9—10 апреля 1974 г.). Вопр. истории КПСС, 1974, № 6.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика.*

Заявление Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора. «Новое время», 1974, 26 апреля, № 17.

К а л е н и ч е н к о П. М. Польська марксистська історіографія про Українську РСР та українсько-польські відносини періоду соціалізму. Історіогр. дослідження в УРСР, Київ, 1972, вип. 5.

Коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств участников Варшавского договора. (Варшава, 17—18 апреля, 1974 г.). «Новое время», 1974, 26 апреля, № 17.

Н а р о ч и ц к а Я. Н. А. США и «новая восточная политика» ФРГ. Вопр. истории, 1974, № 4.

О р а т и ф и к а ц и я Д о г о в о р а м е ж д у С о ю з о м С о в е т с к и х С о ц и а л и с т и ч е с к и х Р е с п у б л и к и Ч е х о с л о в а ц к о й С о ц и а л и с т и ч е с к о й Р е с п у б л и к о й о р е ж и м е с о в е т с к о ч е х о с л о в а ц к о й г о с у д а р с т в е н н о й г р а н и ц ы , с о т р у д н и ч е с т в е и в з а и м н о й п о м о щ и п о п о г р а н и ч н ы м в о п р о с а м . У к а з П р е з и д и у м а В е р х о в н о г о С о в е т а С С С Р . 22 м а я 1974 г . № 6026 — VIII. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1974, 29 мая, № 22.

П о в х а н І. Г. Співробітництво Угорської Народної Республіки з іншими європейськими країнами пародної демократії (1949—вересень 1956 р.). «Питання нової та новітньої історії», «Київ», 1973, вип. 17.

3. Социалистическое строительство

К а р е н к о Н. Ф. Участие рабочего класса европейских социалистических стран в управлении производством. В кн. Атакующий класс. Проблемы теории. ис-

тории и современного развития международного рабочего движения. (Материалы Всесоюз. научн. сессии, посвящ. 70-летию II съезда РСДРП). Днепропетровск, 1973.

К у б о в и ч Я. Социально-политические проблемы формирования руководящих кадров промышленности в процессе народно-демократической революции. (На опыте Чехословацкой Социалистической Республики). Научн. упр. о-вом, 1974, вып. 8.

К у л ь н и ч И. М. Рабочий класс социалистических стран — ведущая сила в строительстве развитого социалистического общества. В кн. Атакующий класс. Проблемы теории, истории и современного развития международного рабочего движения. (Материалы Всесоюз. научн. сессии, посвящ. 70-летию II съезда РСДРП). Днепропетровск, 1973.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество. Социалистическая экономическая интеграция

А з а р е н к о Л. А. Участие Народной Республики Болгарии в международном социалистическом разделении труда. Вопр. истории, Алма-Ата, 1973, вып. 5.

А л а м п и е в П. М., М а к с а к о в с к и й В. П. Географические проблемы социалистической экономической интеграции. Вопр. географии, 1974, сб. 95.

А н г а р с к и Т. Экономические проблемы управления качеством продукции. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 3.

Б л и н о в А. Линейное судоходство социалистических стран. «Вымпел», 1974, № 10.

Б о г о м о л о в О. Т. Опыт совершенствования управления экономикой в европейских странах СЭВ. Изв. АН СССР, Сер. экон., 1974, № 3.

Б у р и н с к и й М. Торгово-экономическое сотрудничество между Востоком и Западом. Внешн. торговля, 1974, № 4.

В а с и л ь е в П. В. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции хозяйства стран — членов СЭВ. Молочная пром-сть, 1974, № 4.

В о и н о в А. Долгосрочное экономическое сотрудничество социалистических и промышленно развитых капиталистических стран. План. хоз-во, 1974, № 5.

Г е в р е н о в С. Эффективность об-

щественого производства и использование рабочей силы в Народной Республике Болгарии. Соц. труд., 1974, № 5.

Гремяцкая Л. Совершенствование системы оптовых цен в Польской Народной Республике. Вопр. ценообразования, 1974, вып. 3.

Даньшина В., Ясина Л. Чехословакия на пути социалистической экономической интеграции. План. хоз-во, 1974, № 5.

Дорошенко В., Мельник Л. Хозяйственные реформы в странах СЭВ и их роль в развитии социалистической интеграции. Экономика Сов. Украины, 1974, № 4.

Дудинский И. В. Социалистическая экономическая интеграция. Проблемы и опыт. Рабочий класс и соврем. мир, 1974, № 3.

Евстигнеев Р. Н. Важнейшие черты управления промышленностью в зарубежных социалистических странах. В кн. Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью. М., 1974.

Зенкова И., Коженкова М. Экономические проблемы научно-технического прогресса. Вопр. экономики, 1974, № 6.

Зорин Л. И. Взаимная торговля стран СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. Внешн. торговля, 1974, № 6.

Калищенко Л., Алексеев Н. Социалистическая интернационализация производства — объективная закономерность развития мирового социализма. Экономика Сов. Украины, 1974, № 4.

Каиранов И. Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам в 1973 году. Внешн. торговля, 1974, № 5.

Карп А. Сближение рабочих и инженерно-технических работников социалистического промышленного предприятия по характеру труда и культурно-техническому уровню. Проблемы научн. коммунизма, 1974, вып. 8.

Колосов Ю. М. Материальная ответственность в экономических отношениях между странами — членами СЭВ. Сов. государство и право, 1974, № 5.

Красноглазов Б. Международный экономический институт СЭВ. Экон. науки, 1974, № 5.

Кулаков Ю. П., Горленко С. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области правовой охраны товарных знаков, промышленных образцов и наименований происхождения. Вопр. изобретательства, 1974, № 6.

Лесечко М. А. СЭВ: итоги и перспективы. «Новое время», 1974, 21 июня, № 25.

Лукин Л. И. Первое десятилетие Совета Экономической Взаимопомощи. Вопр. истории, 1974, № 4.

Максарев Ю. Е. Сотрудничество

стран — членов СЭВ в области изобретательства. Вопр. изобретательства, 1974, № 6.

Максарова Э. По пути социалистической интеграции. Коммунист Сов. Латвии, 1974, № 4.

Миккульский К. Мировой социализм и международные экономические отношения. Мировая экономика и международ. отношения, 1974, № 6.

Морозов В. Перспективные формы сотрудничества стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 6.

Осьмова М. Совершенствование промышленных структур в процессе социалистической интеграции. Вопр. экономики, 1974, № 4.

Патолитчев Н. Сотрудничество стран СЭВ в области внешней торговли крепнет и расширяется. Внешн. торговля, 1974, № 5.

Покшишевский В. Проблемы народонаселения Югославии и их освещение в трудах югославских ученых. В кн. Демографический анализ рождаемости. М., 1974.

Прохоров Г. Научно-техническая революция и международные экономические отношения. Вопр. экономики, 1974, № 4.

Саакян Р. Б. Некоторые формы сочетания национальных и интернациональных интересов стран СЭВ в области экономического сотрудничества. Нар. хоз-во Армении, 1974, № 2.

Семенова Л. Уровни научно-технического развития европейских стран СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 6.

Сергеев В. Экономическая интеграция стран СЭВ и международный социалистический рынок. Вопр. экономики, 1974, № 5.

Срб В. Влияние демографических мероприятий на повышение рождаемости в ЧССР. В кн. Демографическая политика. М., 1974.

Стефанов Д. Ф. Агропромышленные комплексы Болгарии, проблемы и пути развития. В кн. Товарные отношения и эффективность социалистического производства. Вып. 3. Ростов н/Д, 1973.

Сыев Г. Роль цен в ускорении научно-технического прогресса в НРБ. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

Фабри В. О проблеме сельскохозяйственного права. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

Хватов В. Я. Комплексная программа СЭВ и принципы сотрудничества социалистических государств. Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение, 1974, № 2.

Шапаев Г. Проблемы внешнеторгового ценообразования на Международной научной конференции. (Международная научная конференция на тему «Теоре-

тические проблемы мирового социалистического рынка». Вопр. ценообразования, 1974, вып. 3.

Ш и ш к о в А. Т. Тенденции развития и совершенствования организационно-правовой формы сельскохозяйственной деятельности. (Статус аграрно-промышленного комплекса в НРБ). В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

Ш м е л е в Г. Страны — члены СЭВ на пути экономической интеграции. Экономика сельск. хоз-ва, 1974, № 5.

Ш т е п а н М. Строительство и организация агрохимических предприятий в ЧССР. Междунар. с.-х. журн. 1974, № 3.

Ш у л ь м а н А. Интеграционные мероприятия — составная часть народнохозяйственных и отраслевых планов. (Проблемы интеграции в перспективных планах 1973—1980 гг. социалистических стран). План. хоз-во, 1974, № 5.

5. Партийная жизнь

Г а в и л е в с к и й В. Съезд коммунистов Югославии. (X съезд СКЮ. Май, 1974 г.). «Новое время», 1974, 7 июня, № 23.

З а ш к і л ь н я к Л. О. Борьба Польской робітничої партії за згуртування демократичних сил проти реакції напередодні референдуму 1946 року. Вісн. Львівського ун-ту. Сер іст., 1973, вип. 9.

И в а н о в С. КПЧ в борьбе за торжество социализма. К изданию сборника статей и речей Генерального секретаря ЦК КПЧ товарища Густава Гусака. «Коммунист», 1974, № 7.

С ы з д э к Б. ППР — ремающая сила в борьбе за установление революционной власти и построение основ социалистического строя. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

6. Государственное строительство. Право

В ы с о к а й Ю. Правовые формы кооперации и интеграции в чехословацком сельском хозяйстве. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

И в а н и к Н. П. Влияние идей советского социалистического законодательства на формирование уголовного права ПНР. В кн. Становление и развитие советского уголовного законодательства. Волгоград, 1973.

К и к о т ь В. А. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия и проблемы сельскохозяйственного права в странах — членах СЭВ. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

К р а м а р е н к о Л. К. Захист боржника проти примусового виконання в законодавстві Польської Народної Республіки

(Противоконанчий позов). Вісн. Київського ун-ту, 1973, № 14.

Л и т в и н е н к о О. П. О предпосылках перерастания диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство. (Опыт ГДР и ЧССР). В кн.: Некоторые актуальные социально-политические проблемы современности. Душанбе, 1973.

Л я л е в Т. Правовое регулирование организации и деятельности аграрно-промышленных комплексов в Народной Республике Болгарии. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1954.

М а р к о в М. Громадські організації Болгарії та їх роль у соціальному управлінні. Питання наук. комунізму, Київ, 1974, вип. 24.

М о л д о в а н В. В. Питання права обвинуваченого на захист при перегляді рішення суду, що не набрали законної сили, в КПК ПНР. «Проблеми правознавства», Київ, 1974, вип. 28.

О б у х о в В. А. Статистическое исследование подачи заявок и выдачи охранных документов в зарубежных странах — членах СЭВ. Вопр. изобретательства, 1974, № 6.

П а л и в о д а Ю. Правовое положение государственных сельскохозяйственных предприятий и их объединений в Польской Народной Республике. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

П е н т о в с к и й Ю. Правовое положение сельскохозяйственных (земледельческих) кружков в ПНР. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

П о з д н я к о в В. Общие условия постановок в арбитражной практике. VII совещание внешнеэкономических арбитражных судов и комиссий стран СЭВ. (Будапешт, 17—22 сентября 1973 г.). Внешн. торговля, 1974, № 5.

С у х а н е к Я. О правовом положении сельскохозяйственного предприятия и о международном сотрудничестве при его изучении. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

Т р а х т е н г е р ц Л. А. Правовая охрана изобретений при проведении совместных исследований в организациях, создаваемых странами — членами СЭВ. Уч. зап. Всесоюзн. научн. исслед. ин-та сов. законодательства, 1974, вып. 30.

Т р у к а н Г. А. Общее и особенное в советской форме диктатуры пролетариата. История Великой Октябрьской социалистической революции, 1974, № 6.

Ф и н к е л ь Н. К. Права хозяйственных организаций социалистического сектора в области охраны и использования изобретений в ПНР. Вопр. изобретательства, 1974, № 6.

Ф о м и н а Л. П. Право землепользования социалистических сельскохозяйственных предприятий в европейских стра-

нах — членах СЭВ. В кн. Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История. Археология. Этнография

А н д р у ш к о О. І. Діяльність партійних організацій України по зміцненню братерських зв'язків з трудящими Західної України. (1921—1925 рр.). Укр. іст. журн., Київ, 1974, № 3.

Б а л а г у р и Е. А., Г р а н ч а к И. М. К вопросу о заселении южной части Украинских Карпат в древности (300 тыс. — конец 1 тыс. до н.э.). В кн. Культура і побут населення українських Карпат. Ужгород, 1973.

Б л а н к В. А. Из истории пребывания Г. М. Димитрова в Советском Союзе (1934—1939 гг.). Сборник студенческих работ Вологод. пед. ин-та, 1974, вып. 10.

Б е л я к е в и ч І. І. Польська історіографія про позицію корпусу Довбур-Мушійського в Белорусі на початку 1918 року. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1973, вип. 9.

Б о г д а н Д. П. О некоторых современных вопросах славянской палеографии. В кн. Институт русской литературы. Ленинград. Отдел древнерусской литературы. Труды. 28. Л., 1974.

Б е л я к е в и ч І. І. Поляки у російській армії під час першої світової війни. Серпень 1914 — жовтень 1917 років. «Питання історії народів СРСР», Харків, 1973, вип. 15.

В а р а к а у с к а с Р. К вопросу об отношениях Литвы и Ливонии после Пабайского сражения (2-я половина XV в.). «История», Вильнюс, 1974, № 14, вып. 1.

В о з н е с е н с к и й В. Д. Девятое сентября 1944 г. в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1974, № 3.

В о л ь к о в и ч Л. Е. Некоторые вопросы революционной теории в польских социалистических изданиях второй половины 80-х годов XIX в. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

В я л о в а С. О. Из истории общественно-политического движения в Словакии в 60-х годах XIX в. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Г л і ч о в І. О. Ставлення більшовиків до ідей Балканської федеративної демократичної республіки. (Матеріальні преси 1912—1913 гг.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1973, вип. 9.

Г р е к И. Бунт узников бельцкого острога. (Из истории гайдуцкого движения Молдавии и Болгарии 1828—1836). «Кодры», Кишинев, 1974, № 3.

Г р е к И. Ф., З а б у н о в И. Д. Новые документы о движении бессараб-

ских болгар в поддержку второго Браильского бунта 1842. Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1974, № 1.

Д ж е д ж у л а Г. А. Крах змови буржуазно-поміщицького польського уряду з російською контрреволюцією в 1919—1920 рр. Укр. іст. журн., 1974, № 5.

Е р е м е е в а Г. И. Письма М. А. Бакунина Йозефу Вацлаву Фричу (1862 г.). В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

И о ф ф е Г. Центральные исторические журналы СССР о трудах историков социалистических стран (1973). (Отражение проблем Октябрьской революции в трудах историков социалистических стран). История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

К о п а ш е в а М. И. Антиимпериалистское движение чешской молодежи перед первой мировой войной. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

К о р а б л е в Ю. И. Социалистическая революция и армия (Проблемы слома буржуазной армии и создания военной организации победившего пролетариата). (Опыт СССР, ВНР, СФРЮ, СРР). История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

К о с т о в а Э. Вклад болгарских историков в область димитроведения. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

К о х а н Г. І. Комуністична преса про інтернаціональні зв'язки трудящих СРСР і Закарпаття (20—30-ті роки). Укр. іст. журн. 1974, № 2.

К р а в ч е н к о В. В., С л а в о Г. Солідарність трудящих Української РСР з Вересневим повстанням у Болгарії. Укр. іст. журн., 1973, № 9.

К р а м а р ж и к Я. Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии. Сов. этнография, 1974, № 3.

Л а п т е в а Л. П. История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

М. Д. Наукова конференція, присвячена 50-річчю вересневого антифашистського повстання в Болгарії (20 сентября 1973 г.). Укр. іст. журн., 1973, № 12.

М а л и н о в с к и й М. Национальный фронт в Польше. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

М а н у с е в и ч А. Я. У истоков «сапаши». «Новая и новейшая история», 1974, № 3.

М а т у л а В. Политическая агитация Н. А. Шевелева среди словаков осенью 1868 г. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

М е л и х а р В. Восстание чешского народа в мае 1945 г. и его международные аспекты. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

М у р а ш к о Г. П. Некоторые аспекты осуществления национализации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 гг. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

М у ш и н ь с к и й Е., С о б ч а к К. Закономерности и специфика социалистической революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

Н а з а р е ц А. И. Польский журнал «Исторический вестник» (1970—1973). «Преподавание истории в школе», 1974, № 3.

О р е х о в А. М. Письма Ю. Узембло о варшавских социально-революционных кружках (1878—1879 гг.). В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

П е н я к С. І. Слов'янське населення Закарпаття другої половини I тисячоліття н.е. «Археологія», 1973, № 12.

П о п к о в Б. С. Русская буржуазная историография об Иоакиме Делевеле (30-е годы XIX в.— начало XX в.). Уч. зап. Петрозавод. ун-та, 1974, вып. 4.

Протокол и рекомендации IV заседания Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». История Великой Октябрьской соц. революции, 1974.

Р а т и ч М. О. З історії революційної боротьби польського пролетаріату в Західній Галичині в 1906 році. (Страйки гірників у Контах, Тенчинку, Серпі Хжанівського повіту). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1973, вип. 9.

Р а т н е р Н. Д. О проекте австро-чешского соглашения 1871 г. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Р а ц Б. Некоторые проблемы осуществления единого фронта рабочего класса Венгрии в 1944—1948 гг. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

С и д о р ч е н к о Л. В. Національно-визвольний рух на Балканах «Східні повісті» Байрона. Рад. літературознавство, 1974, № 4.

С т е ц к е в и ч С. М. Социалистическая пропаганда среди рабочих Королевства Польского в 1893—1895 гг. В кн. Общественно-политические движения в Цен-

тральной Европе в XIX — начале XX в., М. 1974.

Т а б а ч н и к о в Б. Я. Забастовочное движение в Королевстве Польском в период революционного подъема 1910—1914 гг. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Ф е д о с о в а Т. Ф. Письмо Бронислава Шварце о проекте создания «новой независимой Польши» в Океании. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Х а д ж и н и к о в о в В. Пример Великого Октября и социалистическая революция в Болгарии. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

Ч е м е р и с с к а я М. И. Еще одно письмо М. А. Бакунина И. В. Фричу. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Ш о й м е р Г. Е. Советский Союз и антифашистская борьба в Болгарии в годы второй мировой войны. (Очерк болгарской историографии). Уч. зап. Петрозавод. ун-та, 1974, т. 19, вып. 4.

Ш р е д е р С. О содержании термина «народно-демократическая революция». История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

Ш т а к е л ь б е р г Ю. И. Структура повстанческой организации 1862—1864 г. по данным сфрагистики (на территории, охваченной вооруженным восстанием). (Сведения о печатях национального правительства в Варшаве). В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Ш т е р н б е р г Я. И. Воспоминания венгров — участников польского восстания 1863 г. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

2. Культура

А. М. Встреча в Софии. (Совещание редакторов киножурналов социалистических стран 12—14 декабря 1973 г.). «Искусство кино», 1974, № 4.

А з и з б е к о в а М. С. Монюшко и зарождение фортепианного искусства в Литве. «Искусствоведение», Вильнюс, 1974, № 5.

А л и е в а Л. Граф Тадж ал-Фахр Ржевуский. Сб. научн. работ аспирантов фак-та рус. яз. и лит. Тадж. ун-та. Душанбе, 1974, вып. 4.

А т а н а с о в А. Эстетические воззрения Тодора Павлова. В кн. Современная прогрессивная эстетическая мысль. М., 1974.

А т у т о в Л. В международном Совете экспертов по политехническому образованию. Сов. педагогика, 1974, № 5.

Б а й з и к Р. Коммунистическое воспитание трудящихся — важный объект

- партийного руководства. Проблемы науч. коммунизма, 1974, вып. 8.
- Бахар Ш. О совершенствовании управления народным образованием. Проблемы науч. коммунизма, 1974, вып. 8.
- Блянова И. М. Болгарские художники в Петербургской академии художеств. Вопр. худож. образования, 1974, вып. 12.
- Богомоллов А. И. VIII конференция министров высшего образования социалистических стран. (Улан-Батор, 1973 г.). Вестн. высш. школы, 1974, № 4.
- Буряков В., Злобачев М. Лекции польских литературоведов. Вестн. Моск. ун-та. Философия, 1974, № 3.
- Бутрап М. Л. Борьба М. Павлика з австро-угорською цензурою. (70—90-ті роки XIX століття). Укр. літературознавство, 1973, вип. 18.
- Ведина В. Творческое счастье Юлиана Кавальца. Иностр. лит-ра, 1974, № 6.
- Вишневська Е. Василь Стефаник у Кракові. (1892—1900 гг.). «Всесвіт», 1974, № 4.
- Гинзбург Л. Звучит музыка социалистической Чехословакии. Сов. музыка, 1974, № 4.
- Гордієнко В. Я. «Східна політика» німецького імперіалізму в планах Пангерманського союзу (кінець XIX — початок XX ст.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1973, вип. 9.
- Грудзино И. Анализ понятия «культура» в современной польской философии и социологии. В кн. Диалектика социального развития. М., 1974.
- Гусев В. Е. Поездка в Польшу. (Современное состояние польской фольклористики; изучение польских партизанских песен периода второй мировой войны). Сов. этнография, 1974, № 3.
- Дашковски А. Задачи польских морских вузов и школ. (Структура морского образования в ПНР 1969—1973 гг.). Мор. флот, 1974, № 5.
- Джохадзе Н. Проблема времени в современной польской эстетике. В кн. Современная прогрессивная эстетическая мысль. М., 1974.
- Дзюбинская О. «Листопад», Катовице. «Театр», 1974, № 4.
- Диков Т. Повышение квалификации учителей в Народной Республике Болгарии. Нар. образование, 1974, № 5.
- Достал В. Становление марксистской критики в Чехословакии (По материалам театральной критики Юлиуса Фучика). В кн. Современная прогрессивная эстетическая мысль. М., 1974.
- Досталь М. Ю. Проблемы чешской и словацкой филологии и истории в лекционных курсах И. И. Срезневского. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.
- Игнатьева Н. Пула — 73. Впечатления и размышления. «Искусство кино», 1974, № 5.
- Какухлия А. Из истории деятельности чехословаков, проживающих в Грузии (XVIII—XIX вв.). Ист. сборник Ин-та истории, археологии и этнографии, Тбилиси, 1973, № 4.
- Конежны Д. Творчество Рудольфа Свободы. «Искусство», 1974, № 6.
- Куц О. П. Російська художня книга в Галичині (XIX ст.— 1939 рік). В кн. Бібліотека та інформація. Львів, 1973.
- Лозинський І. Твори Міцкевича на Україні. «Всесвіт», 1973, № 12.
- Мауэрсберг С. Демократизация образования в Польше в 1944—1948 гг. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.
- Машин И. Искусство чешской и словацкой готики. (Материалы выставки Ленинград — Москва. 1973 г.). «Искусство», 1974, № 5.
- Михалкович В. Вивисекция. (Фильм Р. Заскуского «Анатомия любви»). «Искусство кино», 1974, № 4.
- Павличко Д. Новели Ярослава Івашкевича. Рад. літературознавство, 1974, № 2.
- Парэцк Я. І., Пранская Ю. І. Паэма Яна Вісліцкага «Пруская вайна» (1516). Беларус. літ. і літаратуразнаўства, Мінск, 1973, вып. 1.
- Пенчев Г. Эстетический идеал и общественные противоречия. В кн. Современная прогрессивная эстетическая мысль. М., 1974.
- Потемкина Л. Я., Грабченко Н. И. О любовной лирике Я. Кохановского и Я. А. Морштына. В кн. Актуальные вопросы курса истории зарубежной литературы XVII века. Днепропетровск, 1974.
- Правдюк О. А. Питання нотації народної музики на IV етномузикознавчому семінарі в Чарівці (ЧСРР 24—27 вересня 1973 г.). Нар. творчість та етнологія, 1974, № 3.
- Пурш И. Актуальные задачи чехословацкого кино. «Искусство кино», 1974, № 4.
- Робинсон А. Н. Международный съезд славистов. (Варшава, 21—27 августа 1973 г.). Вестн. АН СССР, 1974, № 4.
- Романенко А. «В мире наших плакучих ив...» (Творчество хорватского художника Крсто Хегадущича). Иностр. лит-ра, 1974, № 6.
- Романенко А. Свобода творчества и развитие культуры. (Политика Союза коммунистов Югославии в области культуры). Иностр. лит-ра, 1974, № 5.
- Руда Т. П. Болгарія в колі інтересів Франка — фольклориста і письменника. В кн. Т. П. Руда. Іван Франко — дослідник слов'янського фольклору. Київ, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна Мисъл», 1974, № 2

Н. Георгиев. «Дикие рассказы» с точки зрения науки, морали и сладкоречивой критики; Т. Жечев. За современный марксистский подход к художественному произведению; К. Куюмджиев. «Дикие рассказы» и «точные» науки; Б. Делчев. Асен Разцветников; Р. Коларов. Звук и смысл в художественной прозе; Е. Димитрова. Интимная лирика Смирненского; Л. Георгиев. О некоторых аспектах в методологии Бояна Пенева.

«Kwartalnik Historyczny», 1974, № 1

Ю. Вольски. Из проблематики истории Ирана в период ранних Арсакидов; В. Урбан. Пути развития Реформации в центральной и восточной частях Европы; Л. Гросфельд. Проблема Хелмшизны в 1918 г.; Е. В. Борейша. Италия и фашистские тенденции в балтийских странах в 1922—1940 гг.

1974, № 2

М. Серваньский. Французский кандидат на трон Польши во время царствования Зыгмунта Августа; З. Станкевич. Зыгмунт Велепольский после восстания; Ж. Легофф. Является ли по-прежнему политическая история костью истории?

«Przegląd Historyczny», 1973, № 4

М. Маловист. К проблематике хозяйственного развития Средневековой Европы в эпоху позднего средневековья и в начале XVI века; Б. Зентара. Из истории организации рынка в средние века. Экономические основы новой административной организации в Магдебургском архиепископстве и в Силезии в XII—XIII веках; Х. Самсонович. Перемещения стержневых путей сообщения в Польше позднего средневековья; Х. Заремская. Из истории польско-литовской торговли: локация на землях Короны и в Мазовии в 1386—1501 гг.; А. Олейчук. Товарность мало-польской зерновой продукции в XVI столетии. Опыт районирования; А. Моичак. Цены, заработки и стоимость содержания в Центральной Европе. Поиски новых источников по истории XVI в.; А. Маниковский. Перемены или застои? Торговля Польши во второй половине XVII в.; Б. Грохульская. Ярмарки в польской торговле во второй половине XVIII в.; Ю. Лукаевич. Перемены направлений торговых путей на польских землях во второй половине XIX в.

1974, № 1

М. Маловист. Памяти Станислава Хербста; В. Маевский. Станислав Хербст как специалист по военной истории; А. Выробиш. Место частных городов в Польше XVI и XVII вв.; А. Дзюбинский. Магриб и Россия в последней четверти XVIII и начале XIX в.; Д. Бовуа. Адам Ежи Чарторыйский как попочитель виленского учебного округа; Т. Наленч. Об образовании легионерской группы пилсудчиков; Я. Жепецкий. Политическое руководство польского военного подполья в 1939—1941 гг.

«Z pola walki», 1974, № 1

Г. Гемков. Традиции немецкого и польского революционного движения в 1917/1918—1945 гг.; А. Чубиньский. Традиции польско-немецкого революционного сотрудничества в 1918—1945 гг.; М. Никарский. Некоторые вопросы сотрудничества КПШ и Коммунистической партии Германии в 1933—1934 гг.; Р. Назаревич. Польская историография немецкого рабочего и антифашистского движения в годы второй мировой войны; Р. Война. Аграрная реформа на национальных территориях СССР; Т. Котловский. Польское профсоюзное объединение в первые годы второй республики (1918—1921); Л. Хасс. Политические позиции шахтеров и крупнопромышленных рабочих Верхней Силезии в 1928—1934 гг.; М. Дыба. Суданская коммунистическая партия в 1946—1958 гг.

«Slavia orientalis», 1974, № 2

В. Гензель. VII Международный съезд славистов в Варшаве. Итоги; Г. Халадинска-Вертеляк. Проблема трагизма в «Океане» Л. Андреева; Я. Шимак. Легенда Андрея Белого; З. Мадеевский. Формирование изображаемого мира в автобиографической прозе Марины Цветаевой; М. Кумплевский. Франко и Каспарович; Я. Вавжинчик. Россия в «Словаре правильного польского языка» ПВН.

«Československý časopis historický», 1974, № 3

В. Мелихар. Некоторые вопросы обороны Чехословакии в 1938 г.; В. Чадда. Политика Республиканской партии с начала большого экономического кризиса; Г. Фукс. Империализм Веймарской республики и жизненные интересы чешского и словацкого народов; А. Задова. Путь Г. В. Плеханова к марксизму.

«Slovanský přehled», 1974, № 3

Л. Е. Гавлик. Славянские «королевства варваров» в VI в. на территории Румынии; М. Шестаков. Имбро Игнатьевич Ткалац и чехи (1860—1870); В. Штястны. Ян В. Лего — «словенский консул»; И. Коларж. Болгарская сельскохозяйственная эмиграция в Чехословакии в 1923—1926 гг.; П. Градечны. Июньская революция 1924 г. в Албании.

«Česká literatura», 1974, № 2

Г. М. Фридендер. Развитие марксистского эстетического мышления от К. Маркса и Ф. Энгельса к В. Ленину; Ш. Влашин. От идиллии к борьбе; Я. Коллар. Беседы Соломона с Маркольтом и народная смеховая культура в чешских землях; А. Машкова. «Маленький человек» в творчестве А. П. Чехова и К. Полачека.

1974, № 3

Г. Гргалова. Юлиус Фучик о чешской литературе; М. Ржепкова. Искусство повествования Каролины Светлой; И. Опелик. Две монографии о Дыке.

«Slovenská literatúra», 1974, № 2

В. Турчаны. Силлабизм и силлаботонизм Яна Коллара; В. Кохол. Стих Крчмери; О. Чепан. К периодизации так называемой лирической прозы; Д. Дюришин. От перевода к творчеству; Н. Краусова. Литературный текст как производственный процесс.

1974, № 3

Б. Труглярж. Проза о Восстании, ее развитие, проблемы и перспективы; А. Багин. Восстание и поэзия; И. Кусы. Место прозы о Восстании с точки зрения развития литературы; К. Розенбаум. Отношение к истории; С. Шматлак. Раздумия о стихотворении Л. Новомеского «Анализ»; В. Петрик. Переживание и познание; С. Ракус. «Хроника» П. Илемницкого; З. Касач. Портреты погибших поэтов Восстания.

«Slavia», 1974, № 2

С. Толстая. К характеристике консонантных сочетаний в славянских языках (начало и конец слова); Я. Петр. О развитии «кратких» и «полных» прилагательных в белорусском языке; Р. В. Ф. Попэ. Болгария: Третье христианское царство в Указе Разумника.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

2 июля 1974 г. состоялась научная сессия, посвященная 30-летию возрождения народной Польши. Организаторами сессии были Академия наук СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС и Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Для участия в сессии прибыла делегация польских ученых во главе с президентом Польской академии наук акад. В. Тшебятовским.

Во вступительном слове вице-президент АН СССР, член ЦК КПСС акад. П. Н. Федосеев кратко охарактеризовал достижения народной Польши. Огромная творческая энергия народных масс превратила отсталую разрушенную страну в бурно развивающуюся индустриальную социалистическую державу.

Благодаря победе социалистического строя Польская Народная Республика, опираясь на поддержку СССР и других стран социализма, заняла в мире такое место, которое обеспечивает ей независимость, безопасность и прочные позиции на международной арене. Узы дружбы и тесного сотрудничества связывают Польшу и Советский Союз. Этот братский союз — пример реального воплощения в жизнь принципов пролетарского интернационализма, гарантия мирной жизни и новых успехов в социалистическом строительстве.

О развитии польской науки за три десятилетия существования народной Польши рассказал президент Польской академии наук, акад. В. Тшебятовский. В своем докладе он осветил огромный вклад польской науки в экономику и общественную жизнь, в создание фундамента социалистического строя в стране. Д-р ист. наук И. И. Костюшко выступил с докладом «Знаменательный юбилей Польской Народной Республики».

Установление народной власти в Польше, отметил докладчик, было закономерным явлением в историческом развитии польского народа. Оно было предопределено существенными изменениями в расстановке политических сил внутри страны и на международной арене в связи с ук-

реплением мощи Советского государства — главной силы антигитлеровской коалиции.

Происшедший в годы войны коренной поворот в отношениях между Польшей и СССР был закреплен в советско-польском договоре о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве 21 апреля 1945 г. Братская дружба и взаимовыгодное сотрудничество польского и советского народов стали одним из важнейших факторов восстановления и быстрого развития народного хозяйства и культуры Польши.

Успехи польского народа и его руководящей силы ПОРП в социалистическом строительстве получили высокую оценку в Советской стране.

Вопросу о месте народной Польши в мировом хозяйстве и особенно в Совете Экономической Взаимопомощи посвятил свое выступление ректор Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП, член ЦК ПОРП, проф. В. Заставны. Он подчеркнул, что строительство социализма в Польше неразрывно связано с развитием и укреплением содружества социалистических стран. Взаимоотношения народной Польши с социалистическими странами базируются на принципах социалистического интернационализма, братского сотрудничества и дружбы. Являясь членом СЭВ, Польша активно участвует в осуществлении его экономических и научно-технических мероприятий, в реализации Комплексной программы экономической интеграции социалистических стран. Экономическое и торговое сотрудничество со странами — членами СЭВ имело и имеет для страны решающее значение.

В. Заставны рассказал также о расширении контактов ПНР с капиталистическими и развивающимися странами.

Д-р ист. наук А. Ф. Смирнов выступил с докладом «Советский Союз и становление народной Польши». Он отметил большое значение для развития социалистической Польши братской дружбы и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, который оказал неоценимую помощь народной

Польше в осуществлении ее национальных задач.

Известный польский историк, проф. В. Т. Ковальский в своем докладе «Роль Советского Союза в восстановлении независимости Польши» коснулся вопроса братства по оружию польского и советского народов, скрепленного кровью, пролитой на фронтах второй мировой войны, в борьбе за освобождение Польши от гитлеровской оккупации.

Д-р искусствоведения И. Ф. Балза посвятил свой доклад культуре Польской Народной Республики. Он отметил, что успехи в этой области являются неотъем-

лемой частью достигшей польского народа в социалистическом строительстве, они тесно связаны с созданием новых отношений между людьми, рождением нового образа жизни и новой морали.

На сессии присутствовали сотрудники Посольства ПНР в Москве во главе с советником-посланником В. Напераем, ответственные работники ЦК КПСС и крупные советские ученые. Сессия привлекла внимание широких слоев общественности Москвы.

Е. Пилишек

ПЯТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР

25—29 июня 1974 г. в г. Киеве состоялось очередное пленарное заседание Комиссии историков Советского Союза и Чехословацкой Социалистической Республики.

Повестка дня заседания предусматривала рассмотрение проблем строительства социализма в СССР и ЧССР, истории Словацкого национального восстания, а также научно-организационных вопросов, связанных с выработкой перспективного плана работы Комиссии на 1976—1980 гг.

В работе Комиссии приняли участие видные чехословацкие ученые: вице-президент ЧСАН, акад. Й. Поуляк (председатель чехословацкой части Комиссии), член президиума, чл.-корр. ЧСАН Я. Пурш, академики ЧСАН О. Ржиги и М. Госиоровский, чл.-корр. САН и ЧСАН Л. Голотик, д-ра ист. наук В. Краль, Й. Грозичник, М. Кропиллак, проф. Ф. Гейл и другие.

С советской стороны в заседании Комиссии участвовали член Президиума АН СССР, акад. П. Н. Поспелов (председатель советской части Комиссии), члены-корреспонденты АН СССР Ю. А. Поляков и Ю. В. Бромлей, члены-корреспонденты АН УССР А. Г. Шевелев и И. Н. Мельникова, чл.-корр. АН БССР И. М. Игнатенко, д-ра ист. наук А. И. Недорезов, В. П. Клоков, М. П. Семряга, д-р философ. наук Ю. Е. Волков и другие.

Заседания Комиссии происходили при широком участии сотрудников и аспирантов академических институтов, преподавателей и студентов высших учебных заведений столицы Украины, членов правлений и активистов украинских отделений общества «Знание» и Общества советско-чехословацкой дружбы, а также советских участников Словацкого национального восстания и партизанского движения в Чехословакии.

Открывая заседание, акад. П. Н. Поспелов отметил, что проблематика нынешней встречи занимает и в научном и в политическом отношении особо важное место

в работе Комиссии, ибо исторический опыт, накопленный нашими народами, более четверти века строящими новое общество вместе, рука об руку, имеет международное значение.

Доклады и сообщения, заслушанные на заседаниях первых двух дней работы Комиссии, были посвящены выявлению общих закономерностей процесса строительства социалистического общества в СССР и Чехословакии и одновременно раскрытию специфических, своеобразных форм, методов проведения коренных общественных преобразований, вытекающих из исторических, международно-политических, экономических, культурных, национальных особенностей развития каждой страны. Основные проблемы переходного периода от капитализма к социализму в СССР глубоко осветил Ю. А. Поляков. Общее и особенное в строительстве социализма в Чехословакии было раскрыто на обширном фактическом материале в докладе Ф. Гавличка. Роль рабочего класса — ведущей силы строительства социализма в ЧССР всесторонне проанализировал А. И. Недорезов. Проблемам идеологического воспитания масс в ходе социалистического строительства были посвящены выступления И. М. Игнатенко и И. Пашки; на осуществлении ленинских принципов решения национального вопроса в ЧССР, процессе выравнивания экономических уровней Чешских земель и Словакии сосредоточили свое внимание М. Госиоровский и Л. Голотик. И. Н. Мельникова, М. Клиmesh и М. Вартикова проанализировали вопросы, связанные с ролью Национального фронта чехов и словаков в строительстве социализма в ЧССР. На раскрытии общих и специфических черт аграрной революции и социалистического переустройства чехословацкой деревни остановились в своих рефератах В. В. Марьяна и С. Цамбел. Проблемы защиты социалистического отечества осветил Н. М. Дервянко, роль Союза чехословацко-советской

дружбы в укреплении интернациональных связей наших народов — Ч. Аморт.

Особое внимание Комиссия уделила анализу проблематики развитого социалистического общества. В докладах и выступлениях Ю. Е. Волкова, В. Краля, А. Г. Шевелева, А. Фальтыса были рассмотрены актуальные вопросы социальной политики в развитом социалистическом обществе, интернационального воспитания трудящихся, проанализированы современные этнические процессы в СССР, раскрыто историческое значение XIV съезда КПЧ в разработке программы строительства развитого социалистического общества в Чехословакии.

Третий день работы Комиссии был посвящен проблематике истории Словацкого национального восстания, 30-летие которого широко отмечалось народами наших стран в этом году. В докладах и выступлениях советских и чехословацких исследователей, участников антифашистского движения Сопротивления на территории Чехословакии — М. Кропилака, И. Грозиенчика, В. М. Клокова, М. П. Семиряги, Ф. Гейла, Я. Пиволуски и В. Сикоры, В. Пешы и др. — было раскрыто историческое значение Словацкого национального восстания, положившего начало победоносной национально-демократической революции в Чехословакии, его интернациональный характер. Словацкое национальное восстание, Майское восстание чешского народа, подчеркивали

выступавшие, явились неразрывной составной частью героической истории массовый освободительной борьбы народов Европы против фашизма. Всесторонняя военная, материальная, политическая и моральная помощь Советского Союза борцам чехословацкого Сопротивления предопределила победу народа в антифашистской, национально-освободительной борьбе.

На заключительном заседании был принят Перспективный план работы Комиссии, который предусматривает, что в течение будущего пятилетия на заседаниях Комиссии и созываемых ею симпозиумах будут рассмотрены проблемы этногенеза славян, методологии изучения феодального общества, развития капитализма в России и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, возникновения и развития революционного рабочего движения, кризиса социально-политической системы капитализма в период между двумя мировыми войнами и ряд других кардинальных тем, стоящих в центре внимания советской и чехословацкой исторической науки.

Участники пленарного заседания встретились с сотрудниками ряда институтов и кафедр общественных наук Украины, совершили экскурсию по г. Киеву, посетили музеи Киева и Канева, могилу Т. Г. Шевченко.

А. К.

IV ВСТРЕЧА КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И НРБ

С 3 по 10 мая 1974 г. в Болгарии проходила IV встреча Комиссии историков СССР и НРБ. В рамках этой встречи было проведено три основных мероприятия: научная конференция в связи с 200-летием мирного договора в Кючук-Кайнардже (1774—1974), торжественное заседание Комиссии и Варненского городского комитета болгаро-советской дружбы, посвященное 30-летию социалистической революции в Болгарии, и очередное научно-организационное заседание Комиссии.

Научная конференция на тему «Роль и значение Кючук-Кайнарджийского мира в истории России и народов Балканского полуострова» состоялась 5 мая 1974 г. в г. Силистра. Конференция вызвала живой интерес не только специалистов, но и представителей широкой общественности города и Силистрийского округа, на территории которого был подписан исторический русско-турецкий договор. На ее заседаниях присутствовали историки, музейные работники, краеведы и другие представители местной интеллигенции. Около 30 человек специально приехали из села Кайнарджа.

Конференцию открыл председатель болгарской части Комиссии историков СССР и НРБ академик Д. Косев. С приветственным словом в ее адрес обратился председатель советской части Комиссии академик Е. М. Жуков. Мы отмечаем 200-летие Кючук-Кайнарджийского договора, заявил академик Жуков, не для прославления царского правительства России, которое было реакционной силой и действия которого отнюдь не воодушевлялись целями освобождения народов. Результаты русско-турецких войн способствовали ослаблению загнивающей Османской империи, раскрыли непрочность ее господства. Тот факт, что Кючук-Кайнарджийский договор был навязан Османской империи на территории Болгарии, содействовал возрождению и началу освобождения болгарского и других балканских народов. Указав на глубокую историческую связь результатов русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и социалистической революции в Болгарии, 30-летний юбилей которой отмечался в этом году, академик Жуков образно охарактеризовал конференцию как ручеек, который вольется в многоводную реку нерушимой советско-болгарской дружбы.

От имени бюро Силистрийского окружного комитета Болгарской коммунистической партии и Исполнительного комитета окружного Народного совета участников конференции приветствовал секретарь окружкома БКП С. Николов. Чл.-корр. Болгарской академии наук проф. Н. Тодоров сообщил, что по решению Комиссии историков СССР и НРБ данная конференция, а также специальный сборник с ее материалами будут посвящены памяти проф. А. Ф. Миллера, иностранного члена БАН, сыгравшего значительную роль в развитии балкапистики.

На конференции было заслушано девять докладов, в которых рассматривались различные аспекты темы.

В докладе «Кючук-Кайнарджийский мир и его значение для народов Юго-Восточной Европы» д-р ист. наук Е. И. Дружнина охарактеризовала предпосылки войны 1768—1774 гг., обстоятельства, которые привели к победе России, и содержание мирного договора. Она подчеркнула, что условия этого договора дали балканским народам точку опоры в их борьбе за свободу и независимость.

Ц. Генов рассказал о военных действиях русских войск на болгарской земле в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Д-р ист. наук И. С. Достян посвятила свой доклад значению Кючук-Кайнарджийского договора в политике России на Балканах в конце XVIII и XIX вв.

Чл.-корр. Сербской академии наук и искусств проф. Р. Самарджич выступил на тему «Кючук-Кайнарджийский мир и Сербия». Он рассказал также о русско-сербских культурных и торговых связях на рубеже XVII и XVIII вв. и накануне заключения мира между Россией и Турцией. Проф. Самарджич подчеркнул, что во второй половине XVIII в. Россия представляла собой мощную преграду на пути экспансии Австро-Венгерской монархии на Балканы.

О Балканах во второй половине XVIII в. говорил в своем докладе проф. Н. Тодоров. Он коснулся некоторых аспектов социально-экономического развития этого региона и национально-освободительного движения балканских народов в XVIII в. в связи с русско-турецкой войной.

Экономические и политические последствия Кючук-Кайнарджийского мира для населения Балкан в конце XVIII — начале XIX в. осветил д-р ист. наук Г. Л. Арш.

Чл.-корр. БАН проф. В. Хаджиниколов остановился на экономическом значении Кючук-Кайнарджийского мира для болгарского народа; канд. ист. наук Р. Боев — на военно-политическом сотрудничестве России и балканских народов в ходе войны 1768—1774 гг.; Б. Илиев — на переселенческом движении среди болгарского населения в этот

период и участия болгарских переселенцев в русско-турецких войнах.

Обобщая результаты работы конференции, акад. Д. Косев подчеркнул объективно-прогрессивный характер войны России против реакционной Османской империи. Эта война утвердила южные границы России и способствовала разрыванию национально-освободительного движения на Балканах. Кючук-Кайнарджийский мир дал мощную моральную опору угнетенным балканским народам в их борьбе за социальную и национальную освобождение. Последствия этого мира имели особенно большое значение для болгарского народа, который подвергался наиболее сильному угнетению, так как находился ближе к столице Османской империи. Надежда болгар на освободительную миссию России становится важным движущим фактором в национально-освободительном движении.

Торжественное заседание, посвященное 30-летию социалистической революции в Болгарии, состоялось в г. Варне 7 мая 1974 г. На заседании присутствовало около 300 активистов городского Комитета болгаро-советской дружбы, преподаватели Высшего военно-морского училища и других высших учебных заведений, а также средних школ. С докладом от советской стороны выступил д-р ист. наук Л. Б. Валев, от болгарской — канд. ист. наук А. Наков. Акад. Е. М. Жуков обратился к участникам заседания с приветствием от советских историков.

Советские и болгарские ученые, участвовавшие в научной конференции и торжественном заседании, имели ряд встреч с руководителями Силистрийского, Варненского и Шуменского округов НРБ, с трудящимися с. Кайнарджа Силистрийского округа и с. Суворово Варненского округа. Ученые посетили исторические объекты, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, памятники культуры в городах Бяла, Силистра, Варна, Девня, Шумен и Велико Тырново, в селах Кайнарджа и Суворово, а также памятник боевой дружбы наших народов на Шишке.

Научно-организационное заседание Комиссии историков СССР и НРБ состоялось в Софии 10 мая 1974 г. На заседании был заслушан и одобрен отчет Комиссии о проделанной работе и намечены основные задачи на период с 1975 по 1980 г. Было решено главное внимание в совместной деятельности болгарских и советских историков в этот период сосредоточить на двух основных направлениях: русско-болгарские и советско-болгарские отношения с древнейших времен до наших дней; буржуазная и социалистическая демократия. В соответствии с этим Комиссия историков СССР и НРБ подготовит и проведет две научные конфе-

ренции, а также окажет всемерное содействие в организации и проведении следующих важных мероприятий: Второго конгресса Болгарского исторического общества (май 1975 г., София), который будет посвящен вопросам взаимоотношений Болгарии с зарубежными странами с древнейших времен до наших дней; 100-летнего юбилея Апрельского восстания 1876 г., в частности, в проведении международного симпозиума (май 1976 г., София) по теме «Восточный кризис и болгарский вопрос в 1875—1878 гг.» и научной конференции во Враце в мае 1976 г., посвященной 100-летию со дня гибели Х. Ботева; научной конференции в Москве в начале 1978 г., посвященной 100-летию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождению Болгарии; 1300-летнего юбилея Первого болгарского государства; совместных исследо-

ваний болгарских и советских историков, обмена информацией о научно-исследовательской работе в наших странах, подготовки специалистов, обмена преподавателями истории СССР, истории Болгарии, всеобщей истории, подбора и рекомендации исторической литературы для перевода и издания соответственно на русском и болгарском языках.

На заседании Комиссии состоялся также обмен информацией о подготовке советских и болгарских историков к участию в III международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы в Бухаресте, об участии обеих стран в Славянском проекте ЮНЕСКО и в Международном конгрессе историков в Сан-Франциско.

Л. Б. Валева

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 500-ЛЕТИЮ ПОЛЬСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

6—10 мая 1974 г. в Варшаве и Кракове состоялась международная научная сессия, посвященная 500-летию польского книгопечатания. Сессия организована Национальной библиотекой Польской Народной Республики, Ягеллонским университетом и Ягеллонской библиотекой. В ней приняли участие ученые СССР, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Швеции, Франции.

Сессия открылась докладом директора Национальной библиотеки Витольда Станкевича и доц. Станислава Сековского «Формирование издательской политики Польской Народной Республики», которые познакомили собравшихся с литературой вопроса, рассказали об основных этапах возникновения и создания социалистической издательской системы в Польше. Была дана краткая характеристика структуры современной издательской продукции, причем основное внимание докладчики уделили общественно-политической, научной и художественной литературе. За 30 лет существования народной Польши было выпущено свыше 200 тыс. названий книг общим тиражом 2620 млн. экз. В 1973 г. в стране издано 10 744 названия книг тиражом 135 млн. экз.

Крупнейший специалист по истории старопечатной польской книги проф. А. Капецка-Грычова выступила с докладом «История книгопечатания в Польше. Итоги исследований и перспективы». В последние годы польские ученые создали ряд капитальных работ: многотомный справочник «Типографы старой Польши XV—XVIII вв.», корпус гравюр и шрифтов «Польская типографика XVI в.», сводный каталог инкунабулов

польских библиотек, «Энциклопедию знаний о книге», «Словарь деятелей польской книги»¹. А. Капецка-Грычова была инициатором и душой всех этих и многих других работ. В ее докладе развернута внушительная программа исследовательской деятельности в области истории книги. Эта программа, выполнение которой займет не одно десятилетие, может быть успешно реализована лишь в случае создания специализированных научных подразделений по типу недавно основанного научно-исследовательского сектора истории книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Участники сессии присутствовали на открытии выставки «Польская книга вчера и сегодня» во дворце Красиньских, где выступил член Политбюро ЦК ПОРП, министр культуры и искусства Юзеф Тейхман.

На следующем заседании были заслушаны доклады д-ра ист. наук Е. Л. Немировского (Москва) «Распространение краковских изданий Швайпольта Фюля

¹ См. А. Капецка-Грычова, К. Коротаева, W. Краjewski. Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku, t. 4—6. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1959—1962; «Polonia Typographica Saeculi Sedecimi, t. 1—9. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1959—1974; «Incunabula quae bibliothecis Poloniae asservantur. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970; «Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1971; «Słownik pracowników książki polskiej». Warszawa — Łódź, 1972.

в Московском государстве XVI—XVII вв.», канд. ист. наук С. К. Гутянского (Киев) «Польская книга и современный ее читатель на Украине», а также сообщения З. Новака (Гданьск) «К источникам по истории книгопечатания XV в. на Поморье», Я. Чернятович (Варшава) «Греческое книгопечатание в Польше в XVI—XVII вв.», Э. Ружицкого (Катовице) «Состояние и задачи исследований в области истории львовской книги XVI—XVII вв.» и М. Коротаевой (Варшава) «Польская печатная книга в Варшаве в XVI—XVII вв.»

Второй день сессии был открыт важным с точки зрения формирующейся в настоящее время книговедческой методологии докладом доц. П. Бухвальд-Пельцовой «История книг и история литературы». Проф. Ю. Юргинис (Вильнюс) не смог присутствовать на сессии, но его доклад «Первые переводы польских книг на литовский язык и их культурное значение» был размножен и роздан участникам. С интересом был выслушан доклад Л. Драголовой «Польские авторы, переведенные на болгарский язык в эпоху болгарского Возрождения», прочитанный на русском языке.

Польские исследователи активно работают в области истории бумагоделательного производства, тесно связанного с судьбами книги и книжного дела. О состоянии исследований в этой области и перспективах на будущее рассказала доц. К. Малечиньска (Вроцлав). Сообщение доц. Я. Синярской-Чаплицкой (Лодзь) было посвящено бумаге как одному из источников книговедческих исследований.

Третий день сессии открылся докладом д-ра А. Левинской-Каминьской (Краков) «История переплета в Польше. Состояние исследований, проблематика и задачи». Л. Рапацка-Кузиньне (Париж) познакомила собравшихся с редкими изданиями фонда «Полопика» Национальной библиотеки в Париже, а Л. И. Збралевич (Минск) — с польскими изданиями XVI—XVII вв. в фондах белорусских библиотек. Важные теоретические положения, активно обсуждавшиеся в прениях, со-

держал доклад доц. К. Мигоня (Вроцлав) «Проблематика исследований в области истории чтения». Д-р Вацлава Шелиньска, автор капитального исследования о библиотеках профессоров Краковского университета в XV — начале XVI вв.² посвятила свое выступление роли книги в интеллектуальной жизни Польши в XV в.

Вечером 8 мая участники сессии выехали в Краков, где 500 лет назад заработал станок первой на польской земле типографии. Утром 9 мая сессия была продолжена в актовом зале Ягеллонского университета. С докладом «Чтение в Польше в XVI и XVII вв.» выступил проф. Л. Хайдукевич (Краков). Были заслушаны сообщения молодых ученых Г. Талар и А. Жбиковской-Мигонь (Вроцлав), посвященные истории польской научной книги.

Затем участники сессии направились в здание Ягеллонской библиотеки, где проф. Ян Баумгарт открыл выставку «300 лет типографии Ягеллонского университета».

Проф. Уппсальского университета (Швеция) Ю. Трыпуцко познакомил собравшихся с реконструкцией библиотеки иезуитской коллегии в Бранево, которая в 1626 г. была вывезена в Швецию. Ряд сообщений, прочитанных в тот же день, был посвящен истории польских библиотек XVI—XVIII вв.

Последний день конференции открылся докладом доц. Э. Хоецкой (Краков) «История польской графики XVI в.». М. Крыницка (Краков) посвятила свое сообщение связи между фигурными мотивами польских переплетов первого 30-летия XVI в. и книжной графикой того времени. Известный иркутабуловед Э. Урбанкова (Прага) прочитала доклад «О старопечатных чешских книгах».

Л. Е. Немировский

² См. W. Szelińska. Biblioteki profesorów Uniwersytetu Krakowskiego w XV i początkach XVI w. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966.

СИМПОЗИУМ ПО ТИПОЛОГИИ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

15—16 января 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в рамках занятий постоянно действующего Семинара по балканистике проходил симпозиум по грамматической типологии балканских языков¹. В ра-

боте симпозиума приняли участие специалисты по балканскому языкознанию из научных учреждений Москвы, Ленинграда и других городов. Доклады и сообщения, представленные на симпози-

¹ Первое занятие Симпозиума, посвященное проблемам античной балканистики, состоялось в мае 1972 г. О нем

см. в заметках Л. А. Гиндина, опубликованных в журналах «Советское славяноведение» (1973, № 1) и «Вопросы языкознания» (1974, № 1).

уме², посвящены наиболее актуальным вопросам современной балканистики, касающимся различных аспектов синтаксических и морфологических сходжений в системе языков балканского ареала, а также некоторым общетеоретическим проблемам балканского языкового союза (БЯС). В настоящее время задача современной балканистики заключается не только в выявлении, регистрации и изучении так называемых «балканизмов», но прежде всего в интерпретации языковых фактов, носящих специфически балканистический характер и являющихся результатом действия сложного механизма многоязычия.

Влияние многоязычия на системы отдельных языков, находящийся в тесном взаимном контакте, может быть разнообразным. Так, А. В. Десницкая (Ленинград) в докладе «Взаимодействие языков и историческая диалектология (из истории славяно-албанских языковых контактов)» показала, что консерватизм севернотоскской фонетической системы (при наличии существенных фонетических изменений в гегских и ляберийском говорах албанского языка) может быть интерпретирован как следствие албанославянского билингвизма севернотоскского населения. В условиях албанославянского двуязычия в севернотоскском ареале в период раннего средневековья славяне усваивали лишь основной вариант севернотоскской фонетической системы, не различая вариативности албанского небрежного произношения, что обусловило предпочтение стандартного типа произношения и в речи самих носителей севернотоскского диалекта. Гипотеза интересна тем, что позволяет рассматривать двуязычие не только как источник инноваций, возникающих в одном языке под влиянием другого или в обоих языках в результате взаимовлияния, но и как своего рода тормоз, способный приостановить возникновение инноваций, обусловленных внутренними факторами.

На симпозиуме большое внимание было уделено проблемам балканского синтаксиса, обнаруживающего наибольшее число сходжений по сравнению с другими уровнями языка. Очень перспективным в синтаксических исследованиях оказалось применение трансформационного метода, в частности, сопоставление поверхностного и глубинного уровней, поскольку такой подход позволяет моделировать процессы, возникающие в условиях тесных языковых контактов. Большинство докладов было посвящено анализу структуры балканского глагола

и, в первую очередь, проблеме балканского инфинитива.

Как известно, эволюция в сфере балканского инфинитива характеризуется двумя противоположно направленными процессами — утратой первичного инфинитива и заменой его финитными формами, с одной стороны, и последующим возникновением вторичного инфинитива из имени действия, с другой. Вопрос о сущности этих процессов и типологическом статусе каждого из них рассматривался в докладе М. А. Габинского (Киев) «Диахронно-типологические аспекты балканских сдвигов в сфере инфинитива». Типологическая необычность эндогенной утраты инфинитива, по мнению докладчика, не позволяет согласиться с прогической и полигенетической версиями, объясняющими этот процесс соответственно как замещение из греческого или как результат независимого развития, и дает основания считать утрату инфинитива явлением специфически балканским и экзогенным, возникшим под влиянием дву- и многоязычия. Что касается создания в балканских языках нового инфинитива из имени действия, то, как показывает анализ обширного языкового материала, этот процесс — чисто эндогенный, протекавший в разных балканских языках в разное время и прослеживаемый во многих языках мира. Несомненный типологический интерес представляет сосуществование старого и нового инфинитива, наблюдаемое в некоторых балканских языках. Балканский ареал является, таким образом, «местом встречи двух не просто противоположно направленных, но и типологически никак не равно представительных тенденций».

В сообщении Вяч. Вс. Иванова (Москва) «К типологическому и сравнительно-историческому исследованию инфинитива в балканских и других индоевропейских языках» утрата инфинитива рассматривается как процесс, характерный не только для балканского языкового союза, но и для ряда небалканских языков, и связанный с высоким иерархическим рангом и соответственно периферическим положением инфинитива в системе. С точки зрения трансформационной грамматики отсутствие инфинитива в ядерных предложениях может служить одной из причин утраты инфинитива при билингвизме, вследствие сокращения числа и уменьшения сложности трансформационных правил в условиях устного общения.

А. Б. Черняк (Ленинград) в сообщении «К вопросу о реликтах первичного албанского инфинитива в тоскском» пытался опровергнуть тезис об общепалбанском характере первичного инфинитива типа *te ba*, изложенный в работе М. А. Габинского «Появление и утрата первичного албанского инфинитива».

² Тезисы докладов см. в сб. «Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15—16 января 1974 г.). Предварительные материалы». М., «Наука», 1973.

Точка зрения А. Б. Черняка не получила поддержки у других участников симпозиума.

Эффективность применения трансформационного метода для анализа балканского инфинитива была хорошо показана в докладе В. Ю. Розенцвейга (Москва) «О синтактике глаголов и синтаксисе инфинитивных предложений». В докладе рассмотрены два способа сцепления словаря с грамматикой на примере описания синонимичных конструкций румынского языка: придаточного предложения с союзом *să* (*ca...să*) и конструкции с инфинитивом в качестве прямого дополнения. Изложение обоих способов в терминах операционного описания позволяет объективно оценить каждый из них. В большинстве случаев более эффективным является первый способ, при котором описание опирается в основном на словарь. Так, при исследовании явлений синтаксической конвергенции контактирующих языков, например, вытеснения инфинитивной конструкции придаточным предложением в языках балканского ареала, важен подход к рассматриваемому изменению со стороны словаря, дающий возможность решить вопрос о постепенности такого изменения (начало и конец процесса), и о связи этого процесса с процессом языковых контактов, поскольку подобное описание исходит из синтаксических свойств самих глагольных слов, входящих в такие конструкции.

В сообщении «О грамматических трансформациях румынских конструкций с конъюнктивом в аспекте БЯС» Т. И. Свешникова (Москва) анализирует распространенные в румынском языке конструкции, которые можно интерпретировать как трансформы конъюнктива (*să + Vf*) на грамматическом уровне (в современном румынском языке выделяется более десяти таких трансформов). Эти конструкции образуются с помощью определенного набора грамматических формантов (предлогов, союзов и пр.), выполняющих чисто синтаксические функции и постепенно утрачивающих свое морфологическое значение. Тенденция к образованию такого рода синонимичных синтаксических конструкций, по-видимому, вообще характерна для современного румынского языка и может быть объяснена действием балканистических процессов.

На симпозиуме рассматривался также ряд других проблем, связанных со структурой балканского глагола в аспекте БЯС. Так, сообщение А. П. Сытова (Ленинград) «Видо-временные системы болгарского, новогреческого и албанского языков» было посвящено типологическому описанию этих систем, обнаруживающих общность формальных и семантических признаков, что позволяет предположить наличие внутренних, специфиче-

чески балканских истоков современного состояния.

В докладе Е. И. Деминой (Москва) «К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива» рассматривался вопрос о происхождении особых модальных категорий болгарского глагола, не свойственных древнеболгарскому и другим славянским языкам. Эти категории выражаются в современном болгарском языке с помощью так называемых пересказывательных форм (ПФ), форм конклюдзивного действия (КФ) и адмиративных форм (АФ). Пространственно-временной анализ становления и развития этих форм в различных болгарских диалектах вскрыл хронологически-территориальную неравномерность развития модальных категорий, а также неравномерность появления конкретных инноваций; этим объясняется сложность современной болгарской системы модальных противопоставлений, в которой генетически адекватные формы могут выражаться в зависимости от контекста различные модальные признаки (сообщение о факте, сообщение о сообщении). Система модальных категорий болгарского языка не имеет себе полного соответствия ни в тюркских, ни в албанском языках и является, по-видимому, результатом сложного процесса многовековых контактов на Балканском полуострове.

В сообщении А. В. Жугра (Ленинград) «Албанские материалы для сопоставительной аспектологической» было дано подробное описание аналитических глагольных конструкций албанского языка, выражающих различные аспектуальные значения с помощью частиц. Анализ структуры и функциональных особенностей этих конструкций обнаруживает параллели в ряде небалканских индоевропейских языков (английский, испанский). В рамках БЯС было бы интересно сопоставить рассмотренные аналитические албанские конструкции с семантически адекватными конструкциями других балканских языков, в которых аспект выражается синтетическим способом.

Вопросы морфологической интерференции в условиях гетерогенной и гомогенной двуязычия (на материале турецких и новогреческих глагольных заимствований в болгарском языке) были рассмотрены в сообщении Т. В. Менской (Москва) «Морфологическая адаптация турецких глагольных заимствований в болгарском языке (категория непрерывности/переходности)». Возможность морфологической интерференции определяется сосуществованием в условиях активного двуязычия сопоставительных категорий контактирующих языков, например, болгарское противопоставление «глагол несовершенного вида — глагол совершенного вида» сопоставимо с новогреческим «глагол с основой презенса — глагол с основой аориста». Следующим

этапом морфологического заимствования является дублирование иноязычного форманта синонимичным формантом родного языка. Последний этап состоит во включении иноязычной морфемы в систему словообразовательных средств заимствующего языка; по-видимому, он невозможен в условиях гетерогенного двуязычия, вследствие неразложимости заимствуемых основ при гетерогенной интерференции.

В аспекте БЯС особый интерес представляют тюркские языки, подвергшиеся действию балканизационных процессов. В докладе «Методика исследования гагаузского языка и балкано-турецких диалектов» Л. А. Покровская (Москва) отметила, что особенности гагаузского языка, отличающие его от других тюркских, объясняются историческими условиями его развития: переселившись в начале XIX в. в южную Бессарабию, гагаузы оказались изолированными тюркоязычным «островком» среди иноязычных (в первую очередь, славянских) народов. Исследование, проведенное автором доклада, позволило сделать выводы об общих тенденциях развития гагаузского синтаксиса (тенденция к построению предложений по моделям русского и болгарского языков) и о закономерностях изменения морфолого-синтаксических средств гагаузского языка (функциональное сближение отдельных глагольных и именных форм с соответствующими им в содержательном плане формами неродственных языков; функциональные изменения отдельных словоформ, которые переходят в субстантивные изменения, проявляющиеся на уровне синтаксиса и морфологии; сохранение некоторых древних архаических конструкций благодаря наличию идентичных моделей в соседних языках.

К. И. Логачев (Ленинград) в сообщении «Классификация балканских языков с точки зрения структуры речевых вариантов» отметил, что дальнейшим шагом в изучении балканских языков должно быть проведение их типологической классификации. Он предложил классификацию балканских языков с точки зрения структуры речевых вариантов — минимальных отрезков речи, способных выполнять функцию отдельных высказываний. При этом используются следующие типологические критерии: полипросодия (наличие в одном словесном варианте более одного личного показателя), притяжательность (наличие в одном словесном варианте показателя притяжательности), падежность и членность. При такой классификации наибольшее единообразие представляет болгарский и македонский, румынский и албанский языки. Единственным критерием, объединяющим все балканские языки, является полипросодия.

Вопрос о структурных особенностях имени в балканских языках нашел отражение в докладе О. С. Широкова (Москва) «Новогреческие и албанские падежи». Доклад представляет собой попытку ввести падежную систему БЯС в рамки классификации Р. Якобсона с установленным прямым соответствием между формальными показателями и значением. Сравнение новогреческих и албанских падежей проводилось на основе их классификации по признакам объектности, экзотричности, определенности, числа и рода.

Сообщение Ю. А. Лопашова (Ленинград) «К интерпретации местоименной репризы дополнения в балканских языках» было посвящено описанию основных структурных типов местоименной репризы — этой специфически балканской конструкции, а также выяснению причин грамматикализации местоименного повтора, употребившегося первоначально только в разговорной речи.

Т. В. Цивьян (Москва) в «Предложениях по сопоставительной грамматике балканских языков» определяет балканскую лингвистику как науку об отношении систем отдельных балканских языков друг к другу и к системе условного «языка-посредника». Построение сопоставительной грамматики БЯС включает в себя два этапа: 1) однородное описание синтаксических систем отдельных балканских языков; 2) сведение полученных описаний воедино и построение общей синтаксической системы БЯС. Близость синтаксических систем отдельных балканских языков друг к другу позволяет говорить о системе БЯС как о языке, обладающем единой грамматикой, реализующейся на разном лексическом материале. Этим определяется целесообразность построения единой грамматики БЯС, представляющей собой реализацию модели языка-посредника, — единый синтаксис с указанием индивидуальных особенностей каждого из языков. Построение такой грамматики имело бы большой теоретический и практический смысл, ибо она даст возможность одновременного ознакомления как с общей системой БЯС, так и с каждым конкретным языком, а кроме того окажется полезной для перевода и обучения языку. Построение единой грамматики БЯС важно и для дальнейшего развития теории БЯС в аспекте общей типологии, а также для раскрытия механизма многоязычия, поскольку построение модели языка-посредника предполагает совпадение этой модели с абстрактной схемой, существующей на подсознательном уровне в условиях многоязычия.

Отдельное заседание было посвящено докладам и дискуссии по проблеме определенности/неопределенности в балканских языках. Заседание открылось докладом И. И. Ревзина (Москва) «Анкета

по категории определенности/неопределенности. Вводные замечания». Категория определенности/неопределенности представлена здесь как общая семантическая (и, возможно, универсальная) категория, имеющая разные способы выражения в разных языках. Для однородного их описания очень перспективен метод анкетирования, ориентированный не на информанта, а на лингвиста. Представленная И. И. Ревзиным анкета имеет большое общетеоретическое значение, так как позволяет систематизировать и осмыслить все многообразие языковых фактов, имеющих отношение к данной проблеме.

Анкета включает в себя метаязыковую и собственно лингвистическую часть. Цель первой части анкеты состоит в том, чтобы выяснить: а) какие лингвистические вопросы целесообразно привлекать для рассмотрения; б) как рассматривает проблему отвечающий; в) как принято рассматривать проблему в соответствующей лингвистической традиции. Категория определенности/неопределенности рассматривается здесь с точки зрения планов содержания и выражения. В разделе «План содержания» предлагается обсудить ряд семантических признаков, характерных для значения определенности и неопределенности (вне зависимости от их выражения). Раздел «План выражения» содержит вопросы, касающиеся способов выражения категории определенности/неопределенности, и некоторые общетеоретические вопросы (например, о наличии категории определенности/неопределенности в языках, не имеющих артикля). Собственно лингвистическая часть анкеты ставит задачу выяснить фактическое положение в исследуемом языке вне зависимости от лингвистических убеждений отвечающего. Она содержит вопросы, которые могут быть разрешены только в процессе анализа конкретного текста: частотность, дистрибуция артикля, возможность его опущения или замены другими частями речи, зависимость употребления артикля от других морфологических категорий (падежа, числа, одушевленности) и др. В конце анкеты приводятся некоторые диагностические контексты для перевода на исследуемый язык.

О. Г. Ревзина и И. И. Ревзин (Москва) в докладе «Проявление в балканских языках универсалии о связи падежа с определенностью» предлагают рассматривать дедуктивные (ДУ) и индуктивные (ИУ) универсалии как отражение разных этапов одного и того же процесса, в котором общие явления, не объясняемые генетически или ареально, одновременно проверяются на их выводимость из теории. Авторами предлагается следующее определение ДУ: «некоторое

утверждение, вытекающее из общих представлений о языке, есть ДУ, если оно может быть переформулировано как ИУ». В изложенном аспекте рассматривается проблема соотношения определенного и неопределенного склонений в балканских языках. Исходя из необходимости формального различения субъекта и объекта прежде всего среди определенных форм (поскольку неопределенным может быть только объект), докладчики предлагают следующую ДУ: «число синтаксических падежей, различающихся в определенном склонении, должно быть не меньше, чем в неопределенном склонении и может его превосходить». Данная ДУ может быть переформулирована на основании конкретных фактов балканских и небалканских языков в следующую ИУ: «число синтаксических падежей и/или падежных форм в определенном склонении в большинстве языков больше, чем в неопределенном».

Н. И. Толстой (Москва) в докладе «Из наблюдений над членом-артиклем и указательным местоимением в южславянских диалектах» подчеркнул, что основным критерием, позволяющим установить наличие или отсутствие артикля в языке, является выполнение артиклем генерализующей функции. В то же время при описании категории определенности/неопределенности в славянских и балканских языках необходимо учитывать и другие, более частные показатели. Один из них — взаимная связь систем артикля и указательных местоимений. Докладчик привел данные родопских говоров болгарского языка (р-н Златограда), имеющих так называемый тройной член — систему артиклей с противопоставлением крайних элементов *-e-* и *-n-* немаркированному среднему элементу *-m-* соответственно по признаку близости и удаленности. Такая система оказывается здесь изоморфной не только системе указательных местоимений, но и системам относительных местоимений и наречий. В докладе были приведены также интересные факты северновеликорусских говоров и чешского разговорного языка, иллюстрирующие функциональные и морфологические изменения в системе указательных местоимений, возникающие под влиянием системы артикля.

Состоявшийся симпозиум по грамматической типологии — первая и наиболее представительная встреча советских специалистов по современному балканскому языкознанию. Проведение симпозиума представляется особенно важным в связи с III Международным съездом по балканистике.

А. В. Головачева

СОВЕЩАНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЛЬСКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

С 1967 г. при Институте языкознания АН БССР работает всесоюзная группа по изучению польских говоров в СССР, в состав которой входят представители научных и учебных заведений Белоруссии, Литвы, РСФСР, Украины, Латвии. Организацию исследований по этой проблематике принял на себя сектор общего и славянского языкознания, руководимый В. В. Мартыновым. Непосредственное руководство работой осуществляет научный сотрудник института В. Л. Веренич.

В 1967 г. состоялось первое рабочее совещание членов авторского коллектива, занимающегося изучением польских говоров на территории СССР. Основное внимание было сосредоточено на изучении польских говоров Литвы и Белоруссии. Параллельно велись исследования также на территории Латвии и Украины.

За прошедшие годы во время многочисленных экспедиций был собран обширный материал по лексике, фонетике, морфологии, проводились также историко-социологические исследования говоров. Результатом проделанной работы явилась большая картотека по лексике, находящаяся в Институте языкознания АН БССР. Вышли в свет два сборника статей и материалов¹, получившие положительную оценку ученых в СССР и в Польше, а также ряд статей в различных советских и польских изданиях.

30 и 31 мая 1974 г. в Минске в Институте языкознания АН БССР проходило очередное (четвертое) рабочее совещание группы по изучению польских говоров в СССР, в котором приняли участие представители Белоруссии (Институт языкознания АН БССР, БГУ), РСФСР (Институт славяноведения и балканистики АН СССР, МГУ), Украины (Львовский гос. университет), Литвы, Латвии (Латвийский гос. университет).

На совещании были подведены итоги работы за 1972—1973 гг. и определены задачи исследований на 1974—1975 гг.

Помимо подготовки и выпуска двух сборников было организовано несколько экспедиций в Белоруссию и Литву, защищено несколько студенческих дипломных работ, завершается работа над двумя диссертациями по морфологии и морфологии польских говоров. Большое внимание было уделено изучению историко-социологических условий функционирования говоров. В 1974—1975 гг. основной задачей остается исследование межъязыковых контактов и проблем полилингвизма. Намечено провести ряд экспедиций в Белоруссии и Литве с целью исследования, в основном, лексики и фонетики говоров по сетке пунктов, разработанной в Институте языкознания АН БССР. Предполагается продолжить историко-социологические исследования говоров. Расширяется территория исследований. Предусмотрена экспедиция по изучению фонетики польских говоров Украины. Предполагается также начать изучение польских говоров в Казахстане. Началась подготовка к изданию третьего сборника из серии «Польские говоры в СССР».

Хорошей традицией рабочих совещаний в Минске является то, что помимо отчетов о проделанной работе и определения программы исследований на следующий срок участники заслушивают доклады по теории языковых контактов, а также информативные сообщения, реферирющие новейшую литературу по проблемам языковых контактов. На последнем совещании В. В. Мартынов сделал доклад «Лексическая инфильтрация как диагностическая характеристика билингвизма», а В. Л. Веренич — сообщение о проблематике польско-иноязычных контактов по данным новейшей литературы.

Л. Масленникова

¹ «Польские говоры в СССР», ч. I—II. Под ред. В. В. Мартынова. Минск, 1973.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

18 июня 1973 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Д. Г. Песчаным на тему «Сотрудничество между СССР и НРБ в области сельского хозяйства в процессе социалистического преобразования болгарской деревни (1948—1958 гг.)».

В диссертации на примере сотрудничества между СССР и НРБ раскрыты ко-

ренные преимущества взаимоотношений нового типа для братских социалистических стран, показан творческий характер использования Болгарской коммунистической партией исторического опыта КПСС для успешной социалистической реконструкции сельского хозяйства и быстрого подъема сельскохозяйственного производства в НРБ.

Официальными оппонентами выступили д-ра ист. наук Л. Б. Валев, В. Г. Карасев и Г. Н. Попов.

● На заседании Ученого совета 29 апреля 1974 г. состоялась защита совокупности печатных работ по проблеме «Борьба за освобождение балканских народов от власти Османской империи и сербы Австро-Венгерской монархии» (монография «Светозар Милетич (1826—1901)», Београд, 1958; «Вокруг Милетича и после него», Нови Сад, 1964; «Светозар Милетич и Народная партия», т. 1, 2. Сремски Карловци, 1968, 1969, а также ряд монографических статей в югославских и советских журналах) югославским историком Н. Петровичем на соискание ученой степени доктора исторических наук. В своих работах автор, опираясь на марксистскую методологию, исследовал проблемы истории сербского народа второй половины XIX в. Особое внимание он уделил известному сербскому политическому деятелю, буржуазному демократу Светозару Милетичу, возглавлявшему сербскую Народную партию.

Официальными оппонентами выступили д-ра ист. наук В. Г. Карасев, С. А. Никитин и Т. М. Исламов. Оппоненты отметили значительный вклад Н. Петровича в критику буржуазной сербской историографии, классовый подход к оценке исторических явлений, фактов, событий и личностей. В его работах впервые получили марксистскую интерпретацию сложные национальный и религиозный вопросы на территории Воеводины в XIX в.

Большую заслугу автора они видят в том, что, исследуя политическую жизнь, политические аспекты национального вопроса, Н. Петрович исходит из социально-экономических процессов, делает важные теоретические выводы.

● На заседании Ученого совета 13 мая 1974 г. В. М. Зайцев защитил монографию «Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Официальными оппонентами выступили д-ра ист. наук И. И. Костюшко, А. Ф. Смирнов.

Т. Е. Зюсюкина защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Сербская социал-демократическая партия

в начале XX века (национальный и крестьянский вопросы в деятельности ССДП в 1903—1914 гг.)».

Официальные оппоненты: д-р ист. наук В. Г. Карасев, канд. ист. наук М. А. Бирман.

● 27 мая 1974 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Л. А. Гиндиным на тему «Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы)».

Официальными оппонентами выступили: чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая, д-р филол. наук В. И. Абаев, д-р ист. наук Н. Я. Мерперт.

● На заседании Ученого совета 3 июня 1974 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. Н. Попомаревой на тему «Современная болгарская драматургия».

Официальными оппонентами выступили д-р филол. наук В. И. Злыднев, канд. искусствоведения Л. П. Солнцева.

Э. Г. Лаврик защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Политика коммунистической партии по крестьянскому вопросу в Словакии на этапе перерастания национально-демократической революции в социалистическую. 1944—1948 гг.»

Официальными оппонентами выступили: д-р ист. наук А. Х. Клеванский, канд. ист. наук Е. П. Пугач.

● На заседании ученого совета 24 июня 1974 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук А. Д. Дулличенко на тему «Литературный русинский язык Югославии (очерк фонетики и морфологии)».

Официальными оппонентами выступили: д-р филол. наук А. Е. Супрун, канд. филол. наук В. П. Гудков.

К. С. Найшвер защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Урбарильная реформа Марии Терезии в Закарпатье (комитаты Берег, Марамарош, Унг и Угоча)».

Официальные оппоненты: д-ра ист. наук Т. М. Исламов, М. В. Троян.

Р. Смирнова

**УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 1974 ГОДУ**

СТАТЬИ

А н д р ю ш и н Е. Н. Болгарский опыт использования преимуществ социалистической экономической интеграции	№ 1
А р т а м о в о в В. А. Русско-польские отношения на Вальной раде 1710 года	№ 2
Б и л у н о в Б. Н. К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати	№ 5
Б о г о м о л о в а Н. Послевоенная поэзия Леопольда Стаффа	№ 6
В а г а п о в а Н. М. Начало югославского революционного театра (Ранняя драматургия Мирослава Крлежи)	№ 4
В а с и л ь е в С. В., К л е п и к о в а Г. П., С т а х е е в Б. Ф. Сотрудничество Института славяноведения и балканистики АН СССР с научными учреждениями социалистических стран (К 250-летию АН СССР)	№ 4
Г о р а л е к К. Ян Гебауер как теоретик чешской грамматики	№ 5
Г р а б и л и н а В. П. Коммунистическая партия Чехословакии и прогрессивная интеллигенция (1929—1933)	№ 4
Г р и ш и н а Р. П. Политическая обстановка в Болгарии весной — летом 1945 года	№ 5
Г у д к о в В. П. Двуязычные словари русско-сербскохорватские, сербскохорватско-русские и перспектива их совершенствования	№ 6
Д ж е л а у х о в Х. М. 30-я годовщина Белградской операции	№ 6
Д ь я к о в В. А. Об «эпохе национального возрождения» в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 6
Ж у л е в Д. По пути социализма и прогресса	№ 5
З а к р е в с к а я Я. В. О взаимозависимости и взаимообусловленности словообразовательного и семантического микрополей в украинских говорах карпатского ареала	№ 1
К и ш к и н Л. С. Историческая тематика в творчестве Миколаша Алеша	№ 2
К о р о л ю к В. Д. Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории	№ 1
К о с т ш е в а Э. К. Социалистической Польше — 30 лет	№ 4
К о с т ю ш к о И. К вопросу об экономическом сотрудничестве Советского Союза и народной Польши в период войны с фашистскими захватчиками (июль 1944 — май 1945 г.)	№ 3
Л а в р и к Э. Г. Политика словацких коммунистов по аграрному вопросу на начальном этапе национально-демократической революции	№ 2
Л а п а т у х и н а О. Реализм и натурализм в романе Реймонта «Обстоянная земля»	№ 2
Л о й к о Л. В. Рост рядов польского рабочего класса в годы социалистической индустриализации страны (1950—1960)	№ 5
Л ь в е в а Е. В. Попович и Г. Данчов — мастера эпохи болгарского Возрождения	№ 6
М а р к о в Д. Ф. Научная деятельность Института славяноведения и балканистики в системе АН СССР (К 250-летию АН СССР)	№ 3
М а р ь и н а В. Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами	№ 4
М е н с к а я Т. Б. Переразложение заимствованных основ (на материале греческих глагольных заимствований в болгарском)	№ 4
М и р е ц к и й А. Л. О передаче польского <i>ś</i> в русской практической транскрипции	№ 1
М у р а ш к о Г. П. Идеиное наследие Октября и некоторые вопросы национализации основных средств производства в Чехословакии в 1945 году	№ 6
М ы л ь н и к о в А. С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения	№ 4

Недорезов А. И. Политические аспекты советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны	№ 3
Нюркаева А. З. Идеологическая борьба в сербской социал-демократической партии в начале XX века	№ 1
Парсаданова В. Из истории создания единой партии польского рабочего класса (Соглашение о единстве действий ППР и ППС, ноябрь 1946 г.)	№ 1
Прижимова Е. Н. Кирилло-мефодиевский вопрос в болгарской историографии второй половины XVIII в.	№ 3
Пугач Е. П. К 30-летию Словацкого национального восстания	№ 5
Пухлов Н. Н. К истории связей польских и русских социал-демократов в 90-е годы XIX века	№ 2
Ревзина О. Г., [Ревзин И. И.] Об одном случае связи согласования с определенностью в славянских языках	№ 3
Свирида И. К характеристике понятия «национальная художественная культура»	№ 5
Северная О. А. Из истории концепций творческой личности в болгарской эстетике	№ 4
Софронова Л. А. Некоторые проблемы поэтики польского барокко.	№ 1
Сошенко В. Р. К истории деятельности радиостанций «Христо Ботев» и «Народен глас»	№ 1
Тананьева Л. Некоторые черты развития старопольского портрета XVII—XVIII веков	№ 3
Ходова К. И. Лексно-грамматические разряды и грамматические единицы существительного в старославянском языке	№ 5

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Бегунов Ю. К. Древний герб Болгарии и «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя	№ 2
Белкин Д. И. Славянский номер «Литературной газеты» А. С. Пушкина и его друзей	№ 3
Ерещенко М. К вопросу о специфике монархо-фашистских режимов в Болгарии и Румынии накануне второй мировой войны	№ 6
Калиганов И. И. К вопросу о текстологическом изучении русского жития Георгия Нового	№ 3
Марченко А. И. Куйбышевский период деятельности Зденека Неедлы	№ 2
Никulina М. В. Письма М. С. Дринова В. В. Макушеву (1870—1875 гг.)	№ 2
Ондрус П. Словацкие говоры и карпатская языковая область	№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Зеленин В. В. Операция «Ход конем»	№ 3

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Кишкин Л. С. Письмо советской писательницы к Алопсу Ирасеку	№ 5
Мельничук Я. С. Иван Франко о революционных событиях 1848—1849 годов в славянских землях Австрийской империи	№ 2

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пущко В. Г. Готический потыр из Костромы	№ 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бегунов Ю., Бойчева П. Новый труд болгарских ученых о творческом наследии Григория Цамблака	№ 2
Берштейн С. Б. «Польские говоры в СССР», ч. 1, 2	№ 2
Библиография (составители: Калоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Огнева А. Я., Павленко Г. И., Скворцова Н. М., Смирнова Р. Н.)	№ 4—6
Булак Т. В. Wiczorkiewicz. Warszawskie ballady podwórkowe. Pieśni i piosenki warszawskiej ulicy	№ 3
Бэла И. «История Плоцка»	№ 6
Венедиктов Г. К. Новый библиографический указатель литературы эпохи национального Возрождения Болгарии	№ 2
Власова М. Литературоведение социалистической Польши о Дыгасиньском	№ 5

Гутшмидт К. Карпатская диалектология и ономастика	№ 1
Драгнев Д. М., Федоров Г. Б. Интересное сравнительно-историческое исследование проблем феодализма в Юго-Восточной Европе	№ 3
Дуличенко А. Д. Первый русинский многоязычный терминологический словарь	№ 3
Дьяков В. А. Фототипическое издание автобиографии и дневника Т. Г. Шевченко	№ 1
Калениченко П. М. И. С. Яжборовская. Идеиное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.)	№ 3
Козьменко И. В. С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.	№ 3
Комаринец Т. И. Р. Ф. Кирчів. Український фольклор у польській літературі	№ 4
Комкова Т. И. M. Marko. Cierne na bielom	№ 5
Костюшко И. И. Henryk Rechowicz. Polska Partia Robotnicza w Śląsko-Dąbrowskim obwodzie	№ 3
Костюшко И. И. В. М. Зайцев. Социально-сословный состав участников восстания 1863 года (Опыт статистического анализа)	№ 5
Кучинко М. А. Nowakowski. Górne Robuże w wickach VIII—XI	№ 2
Л. К., М. К. «Чехословацко-советские отношения»	№ 1
Лаврик Э. S. Cambel. Slovenská agrárna otázka. 1944—1948	№ 1
Липатов А. В. Проблемы литературы и культуры польского Просвещения	№ 4
Лидкевич К. W. i R. Sliwowsy. Aleksander Herzen	№ 5
Мананчикова Н. П. М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв.	№ 2
Мельцер Д. В. Веселин Хаджиниколов. Георги Димитров и съестката общественост. 1934—1945	№ 2
Мещерский Н. А. Издание и исследование выдающегося памятника древней болгарской литературы	№ 4
Можалева И. Bibliografia polskich prac z zakresu slawistyki	№ 4
Мокненко В. М. Проблемы славянской фразеологии в «Бюллетене по фразеологии»	№ 1
Момина М. А. Theodor Lewandowski. Das mittelniederdeutsche Zwiegespräch zwischen dem Leben und dem Tode und seine altrussische Übersetzung	№ 5
Мочалова В. Незвестный памятник старопольской литературы	№ 6
Мыльников А. С. Ценный вклад в историю мировой славистики	№ 6
Поплыко Д. Ф. Младен Вукомановић. Радничка класа Србије у другој половини XIX века	№ 3
Прокофьева Д. «Романтизм в славянских литературах»	№ 6
Ритчик Ю. И. Распространение и восприятие чешской литературы в немецкой языковой области	№ 2
Свирида И. Новое исследование о польской интеллигенции	№ 3
Скшипец А. В. С. Парсаданова. Формирование национального фронта в Польше (1944—1946)	№ 1
Сохань П. С. Мито Исусов. Работническа класа в България. 1944—1947	№ 1
Толстая С. М. Indeks a tergo do Słownika języka polskiego podredakcja W. Doroszewskiego	№ 3
Трофимук С. «Владислав Броневский в Украинской ССР»	№ 1
Фрейденберг М. М. Краеведение в Далмации (книги с острова Брач)	№ 3
Фрейденберг М. М. М. Сремпф. Дубровник и Арагонци (1442—1495).	№ 5
Чернявский Г. И. Т. Колева. БКП и международного коммунистического движение (1919—1924).	№ 6
Чичуров И. С. Новый славистический журнал	№ 1
Щерлаимова С. Сто пятьдесят лет словацкой лирики	№ 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. К. Пятое пленарное заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	№ 6
Бернштейн С. Б. Семидесятилетие Ивана Лекова	№ 3
Богданова И. А. Симпозиум по проблеме формирования национальных культур	№ 5
В. В. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 2
В. М. Литературоведческая проблематика на VII Международном съезде славистов в Варшаве	№ 1
Валев Л. Б., Хитров Н. Н. Историческая тематика на VII Международном съезде славистов	№ 4
Валев Л. Б. IV встреча Комиссии историков СССР и НРБ	№ 6
Валихновский Т. Направление научного развития Института социалистических стран Польской академии наук	№ 1

Головачева А. В. Симпозиум по типологии балканских языков . . .	№ 6
Греков И. Б. Научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР .	№ 3
Е. В. Симпозиум Комиссии историков СССР и ЧССР	№ 3
Жакова Н. К. Юбилей Йозефа Юнгмана	№ 3
Злыднев В. И. Консультативное совещание экспертов по Проекту ЮНЕСКО «Изучение славянских культур»	№ 2
Злыднев В. И. Славянские культуры и Балканы	№ 5
И. К. К 60-летию члена-корреспондента АН СССР Д. Ф. Маркова	№ 2
И. К. Научный симпозиум по проблеме «Социалистическая индустриализация в СССР и ПНР» (К 30-летию народной Польши)	№ 4
Карасев В. Г., Сумарокова М. М. Комиссия историков СССР и СФРЮ .	№ 5
Копашева М. И. Обобщение опыта социалистического строительства в европейских странах	№ 4
Кутик В. Н. VI Всесоюзная научная конференция историков-славистов .	№ 3
Лаптева Л. П. IV международные курсы сербо-лужицкого языка и культу- ры	№ 1
Масленикова Л. Совещание по изучению польских говоров на терри- тории СССР	№ 6
Мокшенико В. Межвузовская студенческая конференция по славянской филологии	№ 1
Наков А. Защита докторской диссертации болгарским ученым	№ 5
Немировский Е. Л. Международная научная сессия, посвященная 500-летию польского книгопечатания	№ 6
Пилишек Е. Тридцать лет народной Польши	№ 6
Смирнова Р. Защита диссертаций в Институте славяноведения и балка- нистики АН СССР	№ 6
Хаджирович А. Деятельность Института истории рабочего движения в Сараеве	№ 4
Чешко Е. В. Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка .	№ 3

НЕКРОЛОГИ

Толстой Н. И. Памяти И. И. Ревзина	№ 5

CONTENTS

<i>H. M. Dzheleukhov.</i> The 30-th anniversary of the Belgrade operation.	3
<i>G. P. Murashko.</i> The Ideological heritage of the October Revolution and some questions of nationalization of the basic means of production in Czechoslovakia in 1945. <i>V. A. Djyakov.</i> About «the period of national Renaissance» in the history of peoples of Central and South-East Europe. <i>N. Bogomolova.</i> Leopold Staff's postwar poesy. <i>E. Lvova.</i> <i>V. Popovich</i> and <i>G. Dančov</i> — masters — of the Bulgarian Renaissance. <i>V. P. Gudkov.</i> Bilingual Russian-Serbo-Croatian and Serbo-Croatian-Russian dictionaries and the perspective of their perfecting	15

COMMUNICATIONS

<i>M. Jeretschenko.</i> To the pecificity of the monarcho-fascist regimes in Bulgaria and Roumania on the eve of the Second World War.	74

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>G. I. Cherniavskij.</i> БКП и международното комунистическо движение (1919—1924). <i>Igor Belza.</i> «History of Plotsk». <i>A. S. Mylnikov.</i> A valuable contribution to the history of world slavic studies. <i>D. Prokofjeva.</i> «Romanticism in Slavic literatures». <i>V. Mochalova.</i> An unknown monument of ancient Polish literature	84

B i b l i o g r a p h y

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1974 (continued). The ontents of foreign periodicals	96

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. Pilishek.</i> The thirtieth anniversary of the Peopl's Poland. <i>A. K.</i> The Fifth plenary meeting of the Comission of the historians of the USSR and Czeshoslovakia. <i>L. B. Valev.</i> The IV meeting of the Comission of the historians of the USSR and Bulgaria. <i>E. L. Nemirovsky.</i> The International scientific session dedicated to the 500-th anniversary of the Polish printing. <i>A. V. Golovacheva.</i> The Symposium on the typology of Balkan languages. <i>L. Maslennikova.</i> A Conference on the study of Polish dialekt in the USSR. <i>R. Smirnova.</i> Defence of dissertations thesis' at the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR.	114
Index of articles and materials published in magazine in 1974	116

Технический редактор *Сенченко Т. Н.*

Сдано в набор 12/VIII-1974 г.	Т-16745	Подписано к печати 15/X-74.	Тираж 1250 экз.
Зак. 983	Формат бумаги 70x108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 10,5	Бум. л. 3 ¹ / ₄ Уч.-изд. л. 11,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Б ОРДНИКА 34/33 КВ 40

ТОЛСТОМУ И И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К